

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

INSTYTUT

BADAŃ LITERACKICH PAN

BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 79

Tel. 26-68-63

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1903.

<http://rcin.org.pl>

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

24.124/25.27.

НА НОЖАХЪ

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть третья.

КРОВЬ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Краснѣють стѣны.

Богато сервированный ужинъ былъ накрытъ въ небольшой квадратной залѣ, оклеенной красными обоями и драпированной краснымъ штофомъ, межъ которыми висѣли старые портреты.

Глафира Васильевна стояла здѣсь у небольшого стола, и когда вошли Водошняновъ и Подозеровъ, она держала въ рукахъ рюмку вина.

— Господа! у меня прошу пить и ѣсть, потому что, какъ это, Свѣтозарь Владеновичъ, пѣлъ вашъ Испанскій Дворянинъ: «Вино на радость намъ дано». Андрей Ивановичъ и вы, Водошняновъ, выпейте предъужиномъ, — вы будете интереснѣе.

— Я не могу, я уже все свое выпилъ, — отвѣчалъ Водошняновъ.

— Когда же это вы выпили, что этого никто не видалъ?

— Семь лѣтъ тому назадъ.

— Все лжетъ сей дивный человекъ, — отвѣчала Бодростина и, окинувъ внимательнымъ взглядомъ вошедшаго въ это время Горданова, продолжала: — я увѣрена, Водошняновъ, что это вамъ вашъ Распайль запрещаетъ. Ему Распайль запрещаетъ все, кромѣ камфары, — онъ ѣстъ камфару, куритъ камфару, ароматизируется камфарой.

— Прекрасный, чистый запах,—молвил Водопьяновъ.

— Поздравляю васъ съ нимъ и сажусь отъ васъ по-
дальше. А гдѣ же Лариса Платоновна?

— Они изволили велѣть сказать, что нездоровы и къ
столу не будутъ,—отвѣтилъ дворецкій.

— Все это виновать этотъ Свѣтозарь! онъ всѣхъ напу-
галъ своимъ Испанскимъ Дворяниномъ. Подозеровъ, вы слы-
шали его разсказъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Ну, да; вы къ намъ попали на финалъ, а впрочемъ,
вѣдь разсказъ, мнѣ кажется, ничѣмъ не конченъ, или онъ,
какъ все, какъ самъ Водопьяновъ, вѣченъ и безконеченъ.
Лета выбила табакерку и засыпала намъ глаза, а дальше
что же было, я желаю знать это, Свѣтозарь Владеновичъ?

— Она прыгнула съ окна.

— Съ третьяго этажа?

— Да.

— Но кто же ей кричалъ: «и здѣсь»?

— Испанскій Дворянинъ.

— Кто жъ это знаетъ?

— Она.

— Она развѣ осталась жива?

— Нѣтъ, иль то-есть...

— То-есть она жива, но умерла. Это прекрасно. Но
кто же видѣлъ ванего Испанскаго Дворянина?

— Всѣ видѣли: онъ вѣлся въ тумакъ надъ убитой Ле-
той, и было слѣдствіе.

— И что же оказалось?

— Ничего.

— Je vous fais mon compliment. Вы, Свѣтозарь Владе-
новичъ, неподражасмы! Вообразите себѣ,—добавила она, обра-
таясь къ Подозерову: — цѣлый битый часъ разсказывалъ
какую-то исторію или бредъ, и только для того, чтобы въ
концѣ концовъ сказать «ничего». Очаровательный Свѣто-
зарь Владеновичъ, я пью за ваше здоровье и за вѣчную
жизнь вашего Дворянина. Но, Боже! что такое значитъ?
чего вы вдругъ такъ поблѣднѣли, Андрей Ивановичъ?

— Я поблѣднѣлъ?—переспросилъ Подозеровъ.—Не знаю,
быть-можетъ, я еще немножко слабъ послѣ болѣзни... Я,
впрочемъ, все слышалъ, что говорили... какая-то женщина
упала...

— Бросилась съ третьяго этажа!

— Да, это мнѣ напоминаетъ немножко... кончину...

— Другой прекрасной женщины, конечно?

— Да, именно прекрасной, но... которую я мало зналъ, ко всегдашнему моему прискорбію,—такъ умерла моя мать, когда мнѣ былъ одинъ годъ отъ роду.

Бодростина выразила большое сожалѣніе, что она, не зная семейной тайны гости, упомянула о случаѣ, который навелъ его на печальныя воспоминанія.

— Но, впрочемъ, — продолжала она: — я посиѣшу успокоить васъ хоть тѣмъ способомъ, къ которому прибѣгъ одинъ извѣстный испанскій же проповѣдникъ, когда слишкомъ растрогалъ своихъ слушателей. Опъ сказалъ имъ: «не плачьте, милые, вѣдь это было давно, а можетъ-быть, это было и не такъ, а можетъ-быть... даже, что этого и совсѣмъ не было». Вспомните одно, что вѣдь эту исторію рассказывалъ намъ Свѣтозаръ Владеновичъ, а его рассказы, при несомнѣнной правдивости ихъ автора, сплошь и рядомъ бывають подобиты... вѣтромъ. Притомъ здѣсь есть имена, которыя вамъ, я думаю, даже и незнакомы,—и Бодростина назвала въ точности всѣхъ лицъ Водопьяновскаго разсказа и въ короткихъ словахъ привела все повѣствованіе «Сумасшедшаго Бедуина».

— Ничего, кажется, не пропустила?—обратилась она затѣмъ къ Водопьянову и, получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, добавила: — вотъ вы призжайте ко мнѣ почаще; я у васъ буду учиться духовъ вызывать, а вы у меня поучитесь коротко рассказывать. Впрочемъ, à propos, вѣдь сказаніе повѣствуетъ, что эта безплотная и непостижимая Лета умерла бездѣтною?

— Я этого не говорилъ,—отвѣчалъ Водопьяновъ.

— Какъ же? Развѣ у нея были дѣти, или хоть по крайней мѣрѣ одно дитя?

— Можетъ-быть, можетъ-быть и были.

— Такъ что же вы этого не говорите?

— А!.. да!.. Понялъ: Труссо говоритъ, что эпилейсія — болѣзнь весьма распространенная, что нѣтъ почти ни одного человѣка, который бы не былъ подверженъ нѣкоторымъ ея припадкамъ, въ извѣстной степени, разумѣется, въ извѣстной степени... Сюда относится внезапная забывчивость и

прочес, и прочее. Разумѣется, это падучая болѣзнь настолько же, насколько конка родня льву, но, однако...

— Но, однако, Свѣтозарь Владеновичъ, довольно, мы попили, что вы хотите сказать: на васъ нашло безпамятство.

— Именно: у Летушки былъ сыпь.

— Отъ ея брака съ красавцемъ Поталѣвымъ?

— Конечно!

— Но что было у господъ Поталѣвыхъ, то пусть тамъ и останется, и это ни до кого изъ здѣсь присутствующихъ не касается... Андрей Ивановичъ, чего же вы опять все блѣднѣете?

— Я попросилъ бы позволенія встать: я слабъ еще; но, впрочемъ... виноватъ, я оправлюсь. Позвольте мнѣ рюмку вина!—обратился онъ къ Водошнянову.

— Хересу?

— Да.

— Да; вы его пейте,—это ваше вино!

— А чтобы перейти отъ чудеснаго къ тому, что веселѣй и болѣе способно всѣхъ занять, разсудимъ вану Лету,—молвила Водошнянову Бодростина, и затѣмъ, относясь ко всей компаніи, сказала:—господа! какое ваше мнѣніе: по-моему, этотъ Испанскій Дворянинъ—буфонъ и забулдыга стараго университетскаго закала, когда думали, что хорошій человекъ непременно долженъ быть и хорошій пьяница; а его Лега просто дура, и притомъ еще неестественная дура. Ваше мнѣніе, Подозеровъ, первое желаю знать?

— Я промолчу.

— И это вамъ разрѣшаю. Я очень рада, что вино васъ, кажется, согрѣло: вы покраснѣлись.

Подозеровъ даже былъ теперь совѣмъ красенъ, но въ этой комнатѣ было все красновато, и потому его краснота сильно не выдѣлялась.

— По-моему,—продолжала Бодростина:—самое типичное, вѣрное и самое понятное мнѣ лицо во всемъ этомъ разсказѣ—старикъ Поталѣвъ. Въ немъ нѣтъ ничего натянуто-выспренняго и болѣзненно-мистическаго, это человекъ съ плотью и кровью, со страстями п... некрасивъ немножко, такъ что даже бабы его пугались. Но эта Летушка все-таки глупа; многія бы позавидовали ея счастью, хотя не надолго, но...

— Что жъ вамъ такъ нравится? Неужто безобразіе? — спросилъ, чтобы поддержать разговоръ, Висленевъ.

— Ахъ, Боже мой, а что мужчинамъ нравится въ какой-нибудь Корфъ, которой я не имѣла чести видѣть, но о которой имѣю понятіе по Тургеневскому «Дыму». Онъ интереснѣе: въ немъ есть и безобразіе, и характеръ.

Гости промолчали.

— Интересно врачу заставить говорить нѣмого отъ рожденія, еще интереснѣе женщинѣ слышать языкъ страсти въ устахъ, которыя весь вѣкъ боялись ихъ произносить.

Глафирѣ опять никто не отвѣтилъ, и она, хлебнувъ вина продолжала сама:

— Признаюсь, я бы хотѣла видѣть рыдающаго отъ страсти... отшельника, монаха, настоящаго монаха... И какъ бы онъ послѣ, бѣдняжка, ревновалъ... Эй, человѣкъ! подайте мнѣ еще немножко рыбы. Однажды я смутила схимника: былъ въ Кіевѣ такой старикъ, дѣтъ неизвѣстныхъ, мохомъ весь обросъ и на груди носилъ вериги: я пошла къ нему на исповѣдь и насакала ему такихъ грѣховъ, что онъ...

— Влюбился въ васъ?

— Нѣтъ; только просилъ: «умилосердися, уйди!» Благодарю, подайте вонъ еще Висленеву, онъ, вижу, хочетъ кушать,—докончила она обращеніемъ къ старому, сѣдому лакею, державшему предъ ней массивное блюдо съ пригото-вленной подъ маіонезомъ рыбой.

— Подозеровъ! Вѣдь мы съ вами, кажется, пили когда-то на брудершафтъ?

— Никогда.

— Такъ я пью теперь.

И съ этимъ она чокнулась бокаль о бокаль съ Подозеровымъ и, положивъ руку на его руку, заставила и его выпить все вино до дна.

Висленева скрючило.

— Да, новый мой камадъ,—продолжала Бодростина:— пожелаемъ счастья честнымъ мужчинамъ и умнымъ женщинамъ. Да соединятся эти рѣдкости жизни и да не мѣшаются съ тѣмъ, что имъ не къ масти. Умъ даетъ жизнь всему, и поцѣлю, и объятямъ... дурочка даже не поцѣлуетъ такъ, какъ умная.

— Глафира Васильевна!—перебилъ ее Подозеровъ.—То дѣло, о которомъ я сказалъ... теперь мнѣ некогда уже о

немъ лично говорить. Я боленъ и долженъ раньше лечь въ постель... но вотъ въ чемъ это заключается.—Онъ вынулъ изъ кармана конвертъ съ почтовымъ штемпелемъ и съ разорванными печатями и сказалъ:—Я просилъ бы васъ выйти на минуту и прочесть это письмо.

— Я это для тебя сдѣлаю, — отвѣчала, вставая, Бодростина.—Но что это такое?—добавила она, остановясь въ дверяхъ:—я вижу, что фонарикъ у меня въ кабинетѣ гаснетъ, а я послѣ рассказовъ Водошнянова боюсь одна ходить въ полутьмѣ. Висленевъ! возьмите лампу и освѣтите мнѣ.

Иосафъ Платоновичъ вскочилъ и побѣжалъ за нею съ лампой.

Гордановъ воспользовался временемъ, когда онъ оставался одинъ съ Подозеровымъ и Водошняновымъ.

— Вы, конечно, знаете, чѣмъ должно кончиться то, что произошло два часа тому назадъ между нами? — спросилъ онъ, уставясь глазами въ вертѣвшаго свою тарелку Подозерова.

— Я знаю, чѣмъ такія вещи кончаются между честными людьми, но чѣмъ ихъ кончаютъ люди безчестные,—того не знаю,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Кого вы можете прислать ко мнѣ завтра?

— Завтра?—майора Форова.

— Прекрасно: у меня секундантъ Висленевъ.

— Это не мое дѣло, — отвѣчалъ Подозеровъ и, вставъ, отвернувшись къ первому попавшемуся въ глаза портрету.

Въ это время въ отдаленномъ кабинетѣ Бодростиной раздался звонъ разбившейся лампы и послышался раскатъ безпечнѣйшаго смѣха Глафиры Васильевны.

Гордановъ вскочилъ и побѣжалъ на этотъ шумъ.

Подозеровъ только оборотился и изъ-глаза-въ-глазъ переглянулся съ Водошняновымъ.

— Мѣсто значитъ много; очень много, много! Что въ другомъ случаѣ ничего, то здѣсь не безопасно,—проговорилъ Водошняновъ.

— Скажите мнѣ, зачѣмъ же вы здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, и при всѣхъ этихъ людяхъ рассказали исторію моей бѣдной матери?

— Вашей матери? Ахъ, да, да... я теперь вижу... я вижу: у васъ есть съ нею сходство и... еще больше съ нимъ.

— Валентина была моя мать, и я люблю того, кого она

любила, хотя онъ не былъ мой отецъ; но мнѣ все говорили, что я даже похожъ на того, кого вы называли студентомъ Спиридоновымъ. Благодарю, что вы, по крайней мѣрѣ, перемѣнили имена.

Водошняновъ съ неожиданною важностью кивнулъ ему головой и отвѣчалъ:—«да; мы это разсмотримъ;—вы будьте покойны, разсмотримъ». Такъ говорилъ долго тотъ, кого я назвалъ Потапѣвымъ. Онъ умеръ... онъ приходилъ ко мнѣ разъ... такимъ чернымъ звѣремъ... Первый разъ онъ пришелъ ко мнѣ въ сумерки... и плакалъ, и стоналъ... Я одобряю, что вы отдали его состоянье его роднымъ... большимъ дворянамъ... Имъ много нужно... Да вонъ видите... по стѣнамъ... сколько ихъ... Вонъ старушка, зачѣмъ у нея два носа... у нея было двѣ совѣсти...

И Водошняновъ понесъ околесицу, въ которой все-таки опять были свои, все связывающіе штрихи.

Между тѣмъ, что же такое произошло въ кабинетѣ Глафиры Васильевны, откуда такъ долго итъ никого и никакихъ вѣстей?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Не краснѣющіе.

Глафира Васильевна въ сопровожденіи Висленева скорою походкой прошла двѣ гостиныхъ, бібліотеку, наугольную и вступила въ свой кабинетъ. Здѣсь Висленевъ поставилъ лампу и, не отнимая отъ нея своей руки, сталъ у стола. Бодростина стояла спиной къ нему, но, однако, такъ, что онъ не могъ ничего видѣть въ листѣ, который она предъ собою развернула. Это было письмо изъ Петербурга, и вотъ что въ немъ было написано гадостнымъ каракульнымъ почеркомъ, со множествомъ чернильныхъ пятенъ, помарокъ и недописокъ:

«Господинъ Подозеровъ! Я убѣдилась, что хотя вы держитесь принциповъ неодобрительныхъ и патріотъ, и низкопоклонничаете предъ московскими ретроградами, но въ дѣйствительности вы человекъ и, какъ я убѣдилась, даже честнѣе многихъ абсолютно честныхъ, у которыхъ одно на словахъ, а другое на дѣлѣ, потому я съ вами хочу быть откровенна. Я пишу вамъ о страшной подлости, которая должна быть доведена до Бодростиной. Мерзавецъ Киинец-

скій, который, какъ вы знаете, ужасный подлець, и его, надѣюсь, вамъ не надо много рекомендовать, и Алинка, которая женила на себѣ эту зеленую лошадь, господина Висленева, устроили страшную подлость: Кишненскій, познакомясь съ Бодростинымъ у какого-то жида-банкира, сдѣлалъ такую подлую вещь: онъ вовлекаетъ Бодростина въ компанію по водоснабженію городовъ особеннымъ способомъ, который есть не что иное, какъ отвратительнѣйшее мошенничество и подлость. Дѣломъ этимъ орудуетъ какой-то страшный мошенникъ и плутъ, обобравшій уже здѣсь и въ Москвѣ не одного человѣка, что и можно доказать. Съ нимъ въ стачкѣ полька Казимирка, которую вы должны знать, и Бодростина ее тоже знаетъ...»

— Охъ, охъ!—сказала, пятась назадъ и покрываясь румянцемъ восторга, Бодростина.

— Что? вѣрно какія-нибудь непріятныя извѣстія?—спросилъ ее участливо Висленевъ.

— Боюсь въ обморокъ упасть,—отвѣтила шутя Глафира, чувствуя, что Висленевъ робко и нерѣшительно беретъ ее за талию и поддерживаетъ.—«Держи жъ меня, я вырваться не смѣю!»—добавила она, смѣясь, извѣстный стихъ изъ Донъ-Жуана.

И съ этимъ Глафира, оставаясь на рукѣ Юсафа Платоновича, дочитала:

«Эта Казимира теперь княгиня Вахтерминская. Она считается красавицей, хотя я этого не нахожу: сарматская, смазливая рожица и тѣлеса, и ничего больше, но она ловка какъ бѣсъ и готова для своей прибыли на всякія подлости. Мужъ ей давалъ много денегъ, но теперь онъ банкротъ: одна французенка обобрала его какъ линку, и Казимира пріѣхала теперь назадъ въ Россію поправлять свои дѣлишки. У нея теперь есть *bien aimé*, что всѣмъ извѣстно,—полякъ-скрипачъ, который играетъ и будетъ давать концерты, потому полякамъ все дозволяютъ, но онъ совершенно бѣдный, и потому она забрала себѣ Бодростина съ первой же встрѣчи у Кишненскаго и Висленевой жены, которая Бодростиной терпѣть не можетъ. Я же, хотя тоже была противъ принциповъ Бодростиной, когда она выходила замужъ, но какъ теперь это все уже переишло, и всѣ налицо, кромѣ Ванского, выходить за разныхъ мужей замужъ, то я болѣе противъ Глафиры Бодростиной ничего не имѣю, и вы ей

это скажите; но писать ей сама не хочу, потому что не знаю ее адреса, и какъ она на меня зла и знаетъ мою руку, то можетъ не распечатать, а вы какъ служите, то я пишу вамъ по роду вашей службы. Предупредите Глафиру, что ей грозитъ большая опасность, что мужъ ее очень легко можетъ потерять все, и она будетъ ни съ чѣмъ, — я это знаю навлѣрное, потому что немножко понимаю польски и подслушала, какъ Казимира сказала это своему *bien aimé*, что она этого господина Бодростина разорить, и они это исполнять, потому что этотъ *bien aimé* самый главный зачинщикъ въ этомъ дѣлѣ водоснабженія, но всѣ они, Кишенскій и Алинка, и Казимира, всѣхъ насъ отъ себя отсунули и дѣлаютъ всѣ странныя подлости одни сами, все только жида да полики, которымъ въ Россіи лафа. Больше ничего не остается, какъ всю эту мерзость разоблачить и распечатать, надъ чѣмъ и я и еще многіе думаемъ скоро работать и издать въ видѣ большого романа или драмы, но только нужны деньги и осторожность, потому что Ванскокъ сильно вооружается, чтобы не выдавать никого. Остаюсь готова къ услугамъ извѣстная вамъ Цири-Кири».

«P. S. Можете спросить Данку, которая знаетъ, что я пишу вамъ это письмо: она очень честная госпожа и все знаетъ, — вы ее помните: бѣлая и очень красивая барыня въ русскомъ вкусѣ, потому что планъ Кишенскаго прежде былъ разчитанъ на нее, но Казимира все это перестроила самыми пошлыми польскими интригами. Данка ничего не скроетъ и все скажетъ».

«Еще P. S. Сейчасъ ко мнѣ пришла Ванскокъ и сообщила свѣжую новость. Бодростинъ ничего не знаетъ, что подъ его руку нишуть уже большіе векселя по его довѣренности. Пускай жена его ѣдетъ сейчасъ сюда накрыть эту страшную подлость, а если что нужно развѣдать и сообщить, то я могу, но на это нужны, разумѣется, средства, по крайней мѣрѣ рублей пятьдесятъ или семьдесятъ пять, и чтобы этого не знала Ванскокъ».

Этимъ и оканчивалось знаменательное письмо гражданки Цири-Кири.

Бодростина, свернувъ листокъ и суя его въ карманъ, толкнулась рукой объ руку Висленева и вспомнила, что она еще до сихъ поръ нѣкоторымъ образомъ находится въ его объятіяхъ.

Занятая тѣмъ, что сейчасъ прочитала, она безцѣльно взглянула полуоборотомъ лица на Висленева и остановилась; взглядъ ея вдругъ сверкнулъ и заискрился.

«Это прекрасно!—мелькнуло въ ея головѣ.—Какая блестящая мысль! Какое великое счастье! О, никто, никто на свѣтѣ, ни одинъ мудрецъ и ни одинъ доброжелатель не могъ бы мнѣ оказать такой неоцѣненной услуги, какую оказываютъ Кишенскій и княгиня Казимпра!.. Теперь я снова я,—я спасена и госпожа положенія... Да!»

— Да!—произнесла она вслухъ, продолжая въ умѣ свой планъ и подъ вліяніемъ думъ пристально глядя въ глаза Висленеву, который смѣшался и зашепталъ что-то въ родѣ упрека.

— Ну, ну, да, да!—повторяла съ разстановками, держась за голову, Бодростина и, съ этимъ бросаясь на отоманъ, разразилась неудержимымъ истерическимъ хохотомъ.

Увлеченный ею въ этомъ движеніи, Висленевъ задрѣлъ рукой за лампу, и въ комнатѣ настала тьма, а черенки стекла зазвенѣли по полу. На эту сцену явился Гордановъ: онъ засталъ Бодростину, весело смѣющуюся, на диванѣ и Висленева, собирающаго по полу черенки лампы.

— Что такое здѣсь у васъ случилось?

— Это все онъ, все онъ!—отвѣчала сквозь смѣхъ Бодростина, показывая на Висленева.

— Я!.. я! При чемъ здѣсь я?—вскочилъ Юсафъ Платоповичъ.

— Вы?.. вы ни при чемъ! Идите въ мою уборную и принесите оттуда лампу!

Юсафъ Платоновичъ побѣжалъ исполнить приказаніе.

— Что это такое было у васъ съ Подозеровымъ?—спросила у Горданова Глафира, ставъ предъ нимъ, какъ только вышелъ за двери Висленевъ.

— Ровно ничего.

— Неправда, я кой-что слышала: у васъ будетъ дуэль.

— Отнюдь нѣтъ.

— Отнюдь нѣтъ! Ага!

Висленевъ появился съ лампой и вдвоемъ съ Гордановымъ сталъ исправлять нарушенный на столѣ порядокъ, а Глафира Васильевна, не теряя минуты, вошла къ себѣ въ комнату и, доставъ изъ туалетнаго ящика двѣ радужныя ассигнаціи, подала ихъ горничной, съ приказаніемъ отира-

вить эти деньги завтра въ Петербургъ, безъ всякаго письма, по адресу, который Бодростина наскоро выписала изъ письма Ципри-Кири.

— Затѣмъ, послушай, Настя,—добавила она, остановивъ дѣвушку.— Ты въ черномъ платьѣ... это хорошо... Ночь очень темна?

— Не видно зги, сударыня, и тучится-сь.

— Прекрасно, — сходи, пожалуйста, на мельницу... и.. Ты знаешь какъ пускаютъ шлюзъ? Это легко.

— Попробую-сь.

— Возьмись рукой за ручку на валу и поверни. Это совсемъ не трудно, и упусти заслонку по рѣкѣ, или забрось ее въ крапиву, а потомъ бѣги домой черезъ березникъ... Понимаешь?

— Все будетъ сдѣлано-сь.

— И это нужно скоро.

— Сию же минуту иду-сь.

— Бѣги, и платья чернаго нигдѣ не поднимай, чтобы не сверкали бѣлыя юбки.

— Сударыня, ужели первый разъ ходить?

— Ну, да, иди же и все сдѣлай.

И Бодростина изъ этой комнаты перешла къ запертымъ дверямъ Ларисы.

— Прости меня, сѣге Глафира; я очень разнемоглась и была не въ силахъ выйти къ столу, — начала Лариса, открывъ дверь Глафирѣ Васильевнѣ.

— Все знаю, знаю; но надо быть дѣвушкой, а не ребенкомъ: ты понимаешь, что можетъ случиться?

— Дуэль?

— А конечно!

— Но, Боже, что я могу сдѣлать?

— Прежде всего не ломать руки, а обереть лицо водой и выйти. Одно твое появленіе его немножко успокоить.

— Кого его?

— Его, кого ты хочешь.

— Но я вѣдь не могу идти, Глафира.

— Ты должна.

— Помилуй, я шатаюсь на ногахъ.

— Я поддержку.

И Глафира Васильевна еще привела пѣсколыбо доказа-

тельствъ, убѣдившихъ Ларису въ томъ, что она должна преодолѣть себя и выйти внизъ къ гостямъ.

Лара подумала и стала обтирать заплаканное лицо, спачала водой, а потомъ пудрой, между тѣмъ какъ Бодростина, поджидая ее, ходила все это время взадъ и впередъ по ея комнатѣ, и наконецъ проговорила:

— Ахъ, красота, красота, сколько изъ-за нея дѣлается безобразія!

— Я проклинаю ее... мою красоту, — отвѣчала, наскоро вытираясь предъ зеркаломъ, Лариса.

— Проклинай или благословляй, это все равно; она наружѣ и внушаетъ чувство.

— Чувство! Глафира, развѣ же это чувство?

— Любовь!.. А это что же такое, какъ не чувство? Страсть, «влеченье, родъ недуга».

— Любовь! такъ ты это даже называсяшь любовью! Нѣтъ; это не любовь, а развѣ звѣрство.

— Мужчины всегда такъ: что намъ, то намъ не пужно, а что оспорено, за то сейчасъ и въ драку. Однако идемъ къ нимъ, Лара!

— Идемъ; я готова, но,—добавила она на ходу, держась за руку Бодростинной:—я все-таки того мнѣнія, что есть на свѣтѣ люди, которые относятся иначе...

— То-есть какъ это иначе?

— Я не могу сказать какъ... но иначе!

«Эхъ ты, бѣдный, бѣдный межеумокъ! — думала Бодростина.—Ей въ руки дается не человѣкъ, а кладъ: съ душой, съ умомъ и съ преданностью, а ей нужно она сама не знать чего? Нѣтъ; на этотъ счетъ стрижки были вась умнѣе. А впрочемъ, это прекрасно: пусть ее занята Гордановымъ... Не можетъ же онъ на ней жениться... А если?.. Да нѣтъ, не можетъ!»

Въ это время они дошли до дверей портретной, и Бодростина, представивъ гостямъ Ларису, сказала, что вмѣсто исчезнувшей лампы является живой, всеосвѣжающій свѣтъ.

— Свѣтильникъ безъ масла долго ли горить? — спросила она шопотомъ Подозерова, садясь возлѣ него на свое прежнее мѣсто.—Совѣтую помнить, что я сказала: и въ поцѣлуяхъ, и въ объятіяхъ умъ имѣетъ великое значеніе! А теперь, господа, — добавила она громко: — пьемъ за здоровье

того, кто за кого хочет, и простите за плохой ужинъ, такимъ я васъ накормила.

Столъ кончился, и Гордановъ тотчасъ же исчезъ. Бодростина зорко посмотрѣла ему вслѣдъ и велѣла человѣку подать на балконъ садовую свѣчу.

— Немножко нужно освѣжиться. Ночь темная, но тепла и ароматна... Ею надо пользоваться, скоро уже завоетъ вьюга и польютъ дожди.

Подозеровъ сталъ прощаться.

— Пойдите же; сейчасъ вамъ запрягутъ карету.

— Идти, Бога ради, не нужно: я люблю ходить пѣшкомъ: здѣсь такъ близко, я скоро хожу.

Но Бодростина такъ твердо настояла на своемъ, что Подозеровъ долженъ былъ согласиться и остался ждать кареты.

— А я въ одну минуту возвращусь,—молвила она и ушла съ балкона.

Лариса, тотчасъ какъ только осталась одна съ Подозеровымъ, взяла его за руку и шеннула:

— Бога ради, зовите меня съ собою.

— Это неловко,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Но вы не знаете...

— Все знаю: вамъ не будетъ угрожать ничто, идите спать, закройте дверь и не вынимайте ключа, а завтра уѣзжайте. Идите же, идите!

— Вѣдь я не виновата...

— Вѣрю, знаю; идите спать!

— Повѣрьте мнѣ: все прошлое...

— Все прошлое не существуетъ болѣе, оно погребено и крестъ надъ нимъ поставленъ. Я совладѣлъ съ собою, не бойтесь за меня: я вылѣченъ и болѣе не захвораю, но дружба моя навсегда послѣдуетъ за вами всюду.

— Погребено...—заговорила-было Лариса, но не успѣла досказать, что хотѣла.

— Ахъ, Боже, что это такое? Вы слышите, вдругъ хлынула вода!—воскликнула, вбѣгая въ это время на балконъ, Глафира Васильевна, и тотчасъ же послала людей на фабричную плотину, на которой уже замелькали огни и возлѣ нихъ показывались тѣни.

Человѣкъ доложилъ, что готова карета.

Подозеровъ простился; Лариса пошла къ себѣ наверхъ,

а Глафира Васильевна, открывъ окно въ залѣ, крикнула кучеру:

— На мостъ теперь идетъ вода, поѣзжай черезъ плотину, тамъ люди освѣтятъ.

Лошади тронулись, а Бодростина все не отходила отъ окна, докуда тѣнь кареты не пробѣжала мимо свѣтящихся на плотинѣ фонарей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Подъ крыломъ у темной ночи.

Проводивъ Подозерова, Глафира вернулась на балконъ, гдѣ застала Водопьянова. «Сумасшедшій Бедуинъ» теперь совсѣмъ не походилъ на самого себя: онъ былъ въ старомодномъ плюшевомъ картузѣ, въ камлотовой шинели съ капюшономъ, съ камфарной сигареткой во рту и держалъ въ рукѣ большую золотую табакерку. Онъ махалъ ею и, дѣлая безпрестанно прыжки на одномъ мѣстѣ, весь трясся и бормоталъ.

Видъ «Сумасшедшаго Бедуина» и его кривлянья и безпокойство производили, посреди царствующей темной ночи, самое неприятное впечатлѣнiе.

Какъ ни была занята Бодростина своими дѣлами, но эта метаморфоза остановила на себѣ ея вниманiе, и она сказала:

— Что вы, Свѣтозаръ Владеновичъ, какой страпный!

— А?.. что?.. Да, странникъ... ѣду, ѣду,—заговорилъ онъ, еще шибче махая въ воздухъ своимъ капюшономъ.—Скверная планета, скверная: вдругъ холодно, вдругъ холодно, ухъ, жутко... жутко, жутко... кракъ! сломано! а другая женщина все поправитъ, поправитъ!

— Что это вы такое толкуете себѣ подъ носъ? Какая другая женщина и чтѣ она поправитъ?

— Все, все... ей все легко. И-и-и-хъ! И-и-и-хъ! Прочь, прочь, прочь, вотъ я тебя табакеркой! Вотъ!..—И онъ дѣйствительно замахнулся своей табакеркой и ударилъ ею нѣсколько разъ по своему капюшону, который въ это время взвился и махалъ надъ его головой.—Видѣли вы?—заключили онъ, вдругъ остановясь и обращаясь къ Бодростиной.

— Что такое надо было видѣть.

— А черную птицу съ однимъ крыломъ? Опять! опять! прочь!

И съ этими словами Водошняновъ опять замахалъ табакеркой, заскакалъ по лѣстницѣ, спустился по ней и исчезъ.

Бодростина не обратила на это никакого вниманія. Онъ уже надоѣлъ ей, и притомъ она была слишкомъ занята своими мыслями и стояла около часа возлѣ перилъ, пока по куртнѣ вдоль акацій не мелькнула какая-то тѣнь съ ружьемъ въ рукѣ.

При появленіи этой тѣни, Глафира Васильевна тихо шмыгнула за дверь и оттуда произнесла свистящимъ шопотомъ:

— Прахъ на двухъ лапкахъ!

Тѣнь вздрогнула, остановилась и потомъ вдругъ бросилась бѣгомъ впередъ; Бодростина же прошла рядъ пустыхъ комнатъ, вошла къ себѣ въ спальню, отпустила дѣвушку и осталась одна.

Черезъ полчаса ея не было и здѣсь, она уже стояла у двери комнаты Павла Николаевича, на противоположномъ концѣ дома.

— Поль, отопри!—настойчиво потребовала она, стукнувъ рукой въ дверь.

— Я легъ и погасилъ свѣчу,—отвѣчалъ дрожащимъ, нервнымъ голосомъ Гордановъ.

— Ничего, мнѣ надо съ тобой говорить. Довольно сибаритничать: настало время за работу,—заговорила она, переступивъ порогъ, межъ тѣмъ какъ Гордановъ зажегъ свѣчу и снова юркнулъ подъ одѣяло. — И получила важныя вѣсти.

И она рассказала ему содержаніе знакомаго намъ письма Ципри-Кипри.

— Ты долженъ ѣхать немедленно въ Петербургъ.

— Это невозможно, меня тамъ схватятъ.

— Что бы ни было, я тебя выручу.

— И что же я долженъ тамъ дѣлать?

— Способствовать всѣмъ плутнямъ, но не допускать ничего крупнаго, а, главное, передать моего старика совсѣмъ въ руки Казимиры. Ты ѣдешь? Ты долженъ ѣхать. Я дамъ тебѣ денегъ. Иначе... ты свободенъ дѣлать что хочешь.

— Хорошо, я поѣду.

— И это лучше для тебя, потому что здѣсь ты, я вижу, начинаешь портиться и лѣзешь въ омутъ.

— Я?

— Да, ты. Благодарю меня, что твое ружье осталось сегодня заряженнымъ.

— Ага! такъ это вотъ откуда ударилъ живоносный источникъ!

— Ну, да, а ты думалъ... Но что это такое? *On frappe!* Дверь дѣйствительно немножко колыхалась.

— Кто тамъ?—кликнула, вскочивъ, Бодростина.

Въ эту же секунду дверь быстро отворилась, и Глафира столкнулась лицомъ къ лицу съ Висленевымъ.

— Вотъ видите!—удивилась она.

— Я пришелъ сюда за спичкой, Глафира Васильевна,— пробормотала Висленевъ.

— Да, ты удивительно находчивъ, — замѣтилъ ему Гордановъ:—но дѣло въ томъ, что вотъ тебѣ спички; бери ихъ и отправляйся вонъ.

— Нѣтъ, онъ пришелъ сюда довольно кстати: пусть онъ меня проводитъ отсюда назадъ.

И Водростина поднялась и пошла впереди Висленева.

— Вы по какому же праву меня ревнуете? — спросила она вдругъ, нахмурилась и остановилась съ Иосафомъ въ одной изъ пустыхъ комнатъ.—Чего вы на меня смотрите? Не хотите ли отказываться отъ этого? Можете, но это будетъ очень глупо! Вы пришли, чтобы помѣшать мнѣ видѣться съ Гордановымъ. Да?.. Но вотъ вамъ скажъ: кто хочетъ быть любимымъ женщиной, тотъ прежде всего долженъ этого заслужить. А потомъ... вторая истина заключается въ томъ, что всякая истинная любовь скромна!

— Но чѣмъ я не скромна?—молвилъ, сложивъ у груди руки, Висленевъ.

— Вы нескромны. Любить такимъ образомъ, какъ вы меня хотите любить, этакъ меня всякій полюбитъ, мнѣ этого рода любовь надоѣла, и меня ею не возьмете. Понимаете вы, *такъ* ничего не возьмете! Хотите любить меня, — любите такъ, какъ меня никто не любилъ. Это одно еще мнѣ, можетъ-быть, не будетъ противно: сдѣлайтесь тѣмъ, чѣмъ я хочу, чтобы вы были.

— Буду, буду. Буду чѣмъ вы хотите!

— Тогда и надѣйтесь.

— Но чѣмъ же мнѣ быть?

— Это вамъ должно быть все равно: будьте тѣмъ, чѣмъ я захочу васъ возлѣ себя видѣть. Теперь мнѣ нравятся спириты.

— Вы шутите! Неужто же мнѣ быть спиритомъ?

— Ага! еще «неужто!» Послѣ такихъ словъ рѣшено: это условіе, безъ котораго ничто невозможно.

— Но это вѣдь... это будетъ не разумно-логичное требованіе, а капризь.

Бодростина отодвинулась шагъ назадъ и, окинувъ Висленева съ головы до ногъ сначала строгимъ, а потомъ насмѣшливымъ взглядомъ, сказала:

— А если бѣ и такъ? Если бѣ это и капризь? Такъ вы еще не знали, что такая женщина, какъ я, имѣетъ право быть капризною? Такъ вы, прежде чѣмъ что-либо между нами, уже укоряете меня въ капризахъ? Прощайте!

— Нѣтъ, Бога ради... позвольте... я буду дѣлать все, что вы хотите.

— Да, конечно, вы должны дѣлать все, что я хочу! Иначе за что же, за что я могу вамъ позволять надѣяться на какое-нибудь мое вниманіе? Ну, сами скажите: за что? что такое вы могли бы мнѣ дать, чего сторицей не далъ бы мнѣ всякой другой? Вы сказали: «капризь». Такъ знайте, что и то, что я съ вами здѣсь говорю, тоже капризь, и его сейчасъ не будетъ.

— Нѣтъ, Бога ради: я на все согласенъ.

Она молча взяла его за руку и потянула къ себѣ; Иосафъ поднялъ-было лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ, я васъ цѣлую пока за послушаніе въ лобъ, и только...

— Опять капр... Гм! Гм!..

— А разумѣется, капризь; неужели что-нибудь другое,— отвѣчала, уходя въ дверь, Бодростина.—Но,—добавила она весело, остановясь на минуту на порогѣ:—женскій капризь бываетъ безъ границъ, и кто этого не знаетъ въ-время, у того женщины подъ носомъ запирають двери.

И съ этимъ она исчезла; ключъ щелкнулъ, и Висленевъ остался одинъ въ темнотѣ.

Онъ подошелъ къ запертой двери, съ трудомъ онцупалъ замочную ручку и, пошевеливъ ее, назвалъ Глафиру, но собственный голосъ ему показался прегадкимъ-гадкимъ,

надтреснувшимъ и сѣвшимъ, а изъ-за двери ни гласа, ни послушанія. Глафира, очевидно, ушла далѣе, да и чего ей ждать?

Висленевъ вздохнулъ и, заложивъ назадъ руки, пошелъ тихими шагами въ свою комнату.

«Все еще не везетъ, — размышлялъ онъ. — Вотъ, думалъ: здѣсь повезетъ, анъ не везетъ. Не старъ же еще я въ самомъ дѣлѣ! А? Конечно, не старъ... Нѣтъ, это все коммунки, коммунки проклятыя дѣлаютъ: наболтаешься тамъ со стриженными, вотъ за длинноволосыхъ и взятыя не умѣешь! Надо вотъ что... надо повторить жизнь... Начну-ка я старинные романы читать, а то въ самомъ дѣлѣ у меня такія манеры, что даже неловко».

Между тѣмъ Бодростина, возвратившись въ свою комнату, тоже не опочила, сѣла и, начавъ писать, вдругъ ахнула.

— А гдѣ же онъ? Гдѣ Водошняновъ? Опять исчезъ! Но теперь ты, мой другъ, не уйдешь. Нѣтъ, дѣла мои слагаются превосходно, и спиритизмъ мнѣ долженъ сослужить свою службу.

«Свѣтозаръ Владеновичъ!» написала она черезъ минуту, «чѣмъ я болѣе вдумываюсь, тѣмъ» и пр., и пр. Однимъ словомъ, она съ обольстительною простотой открыла Водошнянову, какое вліяніе на нее имѣетъ спиритская философія, и заключила, что, чувствуя неодолимое влеченіе къ спиритизму, хочетъ такъ же откровенно, какъ онъ, назвать себя «спириткой».

Все это было сдѣлано немножко грубо и оляповато, — совсѣмъ не по-бодростиновски, но стоило ли церемониться съ «Сумасшедшимъ Бедуиномъ»? Глафира и не поцеремонилась.

Запечатавъ это письмо, она отнесла его въ комнату своей дѣвушки, положила конвертъ на столъ и велѣла завтра рано поутру отправить его къ Водошнянову, а потомъ уснула съ вѣрой и убѣжденіемъ, что для умнаго человѣка все на свѣтѣ имѣетъ свою выгодную сторону, все можетъ послужить въ пользу, даже и спиритизмъ, который, какъ крайняя противоположность тѣхъ теорій, ради которыхъ она утратила свою репутацію въ глазахъ моралистовъ, долженъ возвратить ей эту репутацію съ процентами и рекамбіо.

Если Гордановъ съ братіей и Ципри-Кипри съ сестрами

давно не упускають слыть не тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ, то почему же ей этимъ манкировать? Это было бы просто глупо.

И Глафирѣ представилось ликованіе, какое будетъ въ извѣстныхъ ей чопорныхъ кружкахъ, которые, несмотря на ея офиціальное положеніе, оставались для нея до сихъ поръ закрытымъ небомъ, и она уснула, улыбаясь тому, какъ она вступить въ это небо возвратившейся заблуждавшеюся овцой, и какъ потомъ... дойдетъ по этому же небу до своихъ земныхъ цѣлей.

— Я буду... жена, которой не посмѣетъ даже и касаться подозрѣніе! Я должна сознаться, что это довольно смѣшно и занимательно!

Лариса провела эту ночь безъ сна, сидя на своей постели. Утро въ бодростинскомъ домѣ началось поздно: уснувшая на разсвѣтѣ Лариса проспала, Бодростина тоже, но зато ко вставанію послѣдней ей готовъ былъ сюрпризъ: ей былъ доставленъ отвѣтъ Водопьянова на ея вчерашнее письмо, — отвѣтъ, вполнѣ достойный «Сумасшедшаго Бедуина». Онъ весь заключался въ слѣдующемъ: «Бобчинскій спросилъ: — можно называться? а Хлестаковъ отвѣчалъ: — пусть называется».

И болѣе не было ничего, ни одного слова, ни подписи.

Бодростина съ досадою бросила въ ящикъ письмо и сошла внизъ къ мужчинамъ, вся въ черномъ, противъ своего обыкновенія.

Между тѣмъ, пока дамы спали, а потомъ дѣлали свой туалетъ, въ сѣни мужской половины явился оборванный и босоногій крестьянскій мальчонко и настойчиво требовалъ, чтобы длинный чужой баринъ вышелъ къ кому-то за гуменникъ.

— Кто же его зоветъ туда?—добивались слуги.

— А баринъ съ печатью на шляпѣ далъ мнѣ грошъ; на, говорить, бѣжи въ хоромы и скажи, чтобъ онъ сейчасъ вышелъ.

Слуги догадались, что дѣло идетъ о Висленевѣ, и доложили ему объ этомъ. Иосафъ Платоновичъ посоветовался съ Гордановымъ и пошелъ по курьезному вызову на таинственное свиданіе.

За гуменникомъ его ждалъ Форовъ.

— Здравствуйте-съ, мы съ вами должны уговориться, —

началь майоръ:—Гордановъ съ Подозеровымъ хотять стрѣляться, а мы секунданты, такъ вотъ мои условія: стрѣляться завтра, въ пять часовъ утра, за городомъ, въ Корольковскомъ лѣсу, на горкѣ. Стрѣлять разомъ, и при промахахъ съ обѣихъ сторонъ выстрѣлъ повторить. Что, вы противъ этого ничего?

— Я ничего, но я вообще противъ дуэли.

— Ну, вы объ этомъ статью пошлите, а теперь не ваше дѣло.

— А вы развѣ за дуэль?

— Да; я за дуэль, а то очень много подлецовъ разведется. Такъ извольте не забыть условія и затѣмъ имѣю честь...

Форовъ повернулся и ушелъ.

Въ домѣ у Бодростиной, къ удивленію, никто этого не узналъ.

Гордановъ принялъ условія Форова и настрого запретилъ Висленеву выдавать это хоть однимъ намекомъ. Тотъ тотчасъ струсилъ.

Утро прошло скучно. Глафира Васильевна говорила о спиритизмѣ и о томъ, что она Водоньянова уважаетъ; гости зѣвали. Тотчасъ послѣ обѣда всѣ собрались въ городъ, но Лариса не хотѣла ѣхать въ свой домъ одна съ братомъ и желала, чтобъ ее отвезли на хуторъ къ Синтяниной, гдѣ была Форова. Для исполненія этого ея желанія Глафира Васильевна устроила переѣздъ въ городъ въ родѣ *partie de plaisir*; они поѣхали въ двухъ экипажахъ: Лариса съ Бодростиной, а Висленевъ съ Гордановымъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Послѣ скобеля топоромъ.

Увидавъ себя на дворѣ генеральши, Лариса въ первый разъ въ жизни почувствовала тотъ сладостный трепеть сердца, который ощущается человѣкомъ при встрѣчѣ съ близкими людьми, послѣ того какъ ему казалось, что онъ ихъ теряетъ невозвратно.

Лариса кинулась на шею Александрѣ Ивановнѣ и много разъ кряду ее поцѣловала; такъ же точно она встрѣтилась и съ теткой Форовой, которая, однако, была съ нею приторно холодна и приняла ея ласки очень сухо.

Бодростина была всегда и вездѣ легкой гостьей, никогда не заставлявшею хозяевъ заботиться о ней, чтобъ ей было не скучно. У нея всегда и вездѣ находились собесѣдники, она могла говорить съ кѣмъ угодно: съ честнымъ человѣкомъ и съ негодяемъ, съ монахомъ и комедіянтномъ, съ дуракомъ и съ умнымъ. Опытъ и практическія наблюденія убѣдили Глафиру Васильевну, что на свѣтѣ все можетъ пригодиться, что нѣтъ лишняго звена, которое бы умный человѣкъ не могъ положить не туда, такъ сюда, въ свое зданіе. Последняя мысль о спиритизмѣ, который она рѣшилась эксплуатировать для возстановленія своей репутаціи, еще болѣе утвердила ее въ томъ, что все стѣбитъ вниманія и все пригодно.

Очутая у Синтяниной, которую Бодростина ненавидѣла тою ненавистью, какую безсердечныя женщины ненавидятъ женщинъ строгихъ правилъ и открытыхъ, честныхъ убѣжденій, Глафира разсыпалась предъ нею въ шутливыхъ комплиментахъ. Она называла Александру Ивановну «русской матроной» и сожалѣла, что у нея нѣтъ дѣтей, потому что она вѣрно бы сдѣлалась матерью русскихъ Гракховъ.

По поводу отсутствія дѣтей, она немножко вольно попустила, но, замѣтивъ, что у генеральши дрогнула бровь, сей-часъ же обратила рѣчь къ Ларисѣ и воскликнула:

— Да когда же это ты, Лара, выйдешь наконецъ замужъ, чтобы при тебѣ можно было о чемъ-нибудь говорить?

Висленевъ, по обыкновенію, расхаживалъ важною журавлиною походкой и, заложивъ большіе пальцы обѣихъ рукъ въ карманы, остальными медленно и отчетисто ударялъ себя по панталонамъ. Говорилъ онъ сегодня, противъ своего обыкновенія, очень мало, и все какъ будто хотѣлъ сказать что-то необыкновенное, но только не рѣшался.

Зато Гордановъ смотрѣлъ на всѣхъ до паглости смѣло и видимо порывался къ дерзостямъ. Порывы эти проявлялись въ немъ такъ беззащитно, что Синтянина на него только глядѣла и подумывала: «каково заручился!» Отъ времени до времени онъ поглядывалъ на Ларису, какъ бы желалъ сказать: смотри, какъ я раздраженъ, и это все чрезъ тебя; я не дорожу никѣмъ и сорву свой гнѣвъ на комъ представится.

Лариса имѣла видъ невыгодный для ея красоты: она выглядывала потерянною и больше молчала. Не такова она была только съ одною Форовой. Лариса слѣдила за теткой, и когда Катерина Астафьевна ушла въ комнаты, чтобы наливать чай, бѣдная дѣвушка тихо, съ опущенною головкой, послѣдовала за нею и, догнавъ ее въ темныхъ сѣняхъ, обняла и поцѣловала.

Катерина Астафьевна притворилась, что она сердита и будто даже не замѣтила этой ласки племянницы.

Лариса сѣла противъ нея за столъ и заговорила о незначительныхъ постороннихъ предметахъ. Форова не отвѣчала.

— Вы, тетя, сегодня здѣсь ночуете?—наконецъ спросила Лариса.

— Не знаю-съ, какъ мнѣ Богъ по сердцу положить.

— Поѣдемте лучше домой.

— Куда это? Тебѣ одна дорога, а мнѣ другая. Вамъ въ Тверь, а намъ въ дверь.

Лариса встала и, зайдя сзади тетки, поцѣловала ее въ голову. Она хотѣла приласкаться, но не умѣла, — все это у нея выходило какъ-то неестественно. Форова это почувствовала и сказала:

— Сядь ужъ лучше, пожалуйста, милая, на мѣсто, не строй подлизѣ.

У Ларисы больше въ запасѣ ничего не нашлось, она въ самомъ дѣлѣ сѣла и отвѣчала только:

— Я думала, что вы, тетя, добрѣе.

— Какъ не добрѣе! ты вѣрно думала, что если меня по шеѣ будутъ гнать, такъ я буду шею только потолще обертывать. Не сподобилась я еще такого смиренія.

— Простите меня, тетечка, если я васъ обидѣла. Я была очень разстроена.

— Что-й-то, говорятъ, ты скоро замужъ идешь?

— За кого это?

— За кого же, какъ не за Гордашку? Нѣтъ, а Подозровъ, ей-Богу, молодець!

Форова захохотала.

— Ты, вѣрно, думала, что ему уже живого разстанья съ тобою не будетъ, а онъ раскланялся и былъ таковъ: носъ наклеилъ. Вотъ, на же тебѣ!.. Люблю такихъ мужчинъ до смерти и хвалю.

— И даже хвалите?

— А, разумѣется, хвалю! Да что на насъ, дурь, смотрѣть, какъ мы ломаемся? Этого добра вездѣ много, а женишки нынче въ сапожкахъ ходить, а особенно хорошіе.

Лариса встала и вышла.

— Кусаетъ, барышня, кусаетъ! — промолвила про себя Форова и еще долго продолжала сидѣть одна за чайнымъ столомъ въ маленькой передней и посылать гостямъ стаканы въ осинникъ. Размышленіямъ ея никто не мѣшалъ, кромѣ дѣвочки, приходившей переменять стаканы.

Но вотъ по крыльцу послышался шорохъ юбокъ, и въ комнату скорыми шагами вошла Александра Ивановна.

— Что сдѣлалось съ Гордановымъ?—сказала она, быстро подходя къ Форовой.—Представь ты, что онъ, что ни слово, то старается всѣмъ сказать какую-нибудь дерзости!

— И тебѣ что-нибудь сказалъ?

— Да, разные намеки. И Бодростиной, и Висленеву. А бѣдняжка Лара совсѣмъ при немъ смущена.

— Есть грѣхъ.

— А Подозеровъ съ Гордановымъ даже и не говорятъ; между ними что-то было.

Въ это время голоса гостей послышались подъ самыми окнами на дворѣ.

— Огня! Жизни! Господа, въ комъ есть огонь: я горѣть хочу!—говорила, стоя на одномъ мѣстѣ, Бодростина.

Ни Лариса, ни Подозеровъ, ни Гордановъ и Висленевъ не трогались, но въ эту минуту вдругъ сильнымъ порывомъ запахнула калитка и на дворъ влетѣли отецъ Евангель и майоръ Форовъ, съ огромной палкой въ рукѣ и вѣчною толстою папирскою во рту.

Оба эти новыя лица были отчего-то въ большихъ попыхахъ и неслись какъ буревѣстники передъ грозой.

Встрѣтивъ стоящее на дворѣ общество, они, повидимому, смѣшались, но, однако, Форовъ тотчасъ же поправился и, взявъ за руку Бодростину, сказалъ:

— Цѣлую вашу ланку!—и дѣйствительно поцѣловалъ ее.

— Merci, Филетеръ Ивановичъ, за вниманіе, я нуждаюсь въ немъ, я хочу горѣть и никто не спѣшитъ угасить мой пламень... Вы умѣете бѣгать?

— Какъ скороходъ.

— Заяцъ быстрѣ бѣгаетъ, чѣмъ скороходъ,—отозвался Гордановъ.

Майоръ не обратилъ на эти слова никакого вниманія.

— Кто же со мной?—вызывалъ онъ.

— Я,—отвѣчала, сходя съ крыльца, генеральша и стала съ Форовымъ и побѣжала.

Бодростина поймала Александру Ивановну.

Форовъ былъ неуловимъ: онъ дѣйствительно бѣгалъ какъ заяцъ.

Висленевъ подаль руку сестрѣ и сталъ во вторую пару.

Майоръ тотчасъ же поймалъ Ларису.

Шумъ, бѣготня этой игры и крики и смѣхъ, безъ которыхъ не обходятся горѣлки, придали всѣмъ неожиданное оживленіе и вызвали даже майоршу.

— Давайте и мы съ вами пожуируемъ, — пригласилъ ее тотчасъ отецъ Евангель и, подобравъ вокругъ себя подрясникъ, побѣжалъ третьей парой, но спутался со своею дамой и упалъ.

Это возбудило общій хохотъ.

— Одинъ Гордановъ не принималъ участія! Что это такое? Играйте сейчасъ, Гордановъ, я вамъ это приказываю,—пошутила Бодростина.

— Не слушаю я ничьихъ приказовъ.

— Послушайте хоть въ шутку.

— Ни въ шутку, ни въ серьезъ.

— Вышелъ изъ повиновенія! Ну, такъ серьезничайте же за наказаніе.

— Я не серьезничаю, а не хочу падать.

— Не велика бѣда.

— Да, кому падать за обычаи, тому дѣйствительно не штука и еще одинъ лишній разъ упасть.

Бодростина сдѣлала видъ, что не слышала этихъ словъ, побѣжала съ Форовымъ, но майоръ все слышалъ и немножко покосился.

— Послушайте-ка,—сказалъ онъ, уловивъ минуту, Снитягиной.—Замѣчаете вы, что Гордановъ забирается!

— Да, замѣчаю.

— И что же?

— Ничего.

— Гмъ!

— Онъ этимъ себѣ реноме здѣсь составилъ; но все-таки

я думала, что онъ умнѣе и знаетъ, гдѣ что можно и гдѣ нельзя.

— Чортъ его знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось

— Ничего; онъ зазнался; а можетъ-быть и совсѣмъ не зналъ, что мои двери такимъ людямъ закрыты.

Между тѣмъ Катерина Астафьевна распорядилась закуской. Столъ былъ накрытъ въ той комнатѣ, гдѣ въ началѣ этой части романа сидѣла на полу Форова. За этимъ покоемъ, въ отворенную дверь была видна другая очень маленькая комнатка, гдѣ надъ диваномъ, какъ разъ предъ дверью, висѣлъ задернутый густою драпировкой изъ кисеи портретъ первой жены генерала, Флоры. Эта каютка была спальня генеральни и Вѣры, и болѣе во всемъ этомъ жильѣ никакого помѣщенія не было.

Мужчины подошли къ закускѣ и выпили водки.

— Фора! — возгласилъ неожиданно Гордановъ, наливалъ себѣ во второй разъ полрюмки вина.

— Чего-съ?—оборотился къ нему Форовъ.

— Ничего: я говорю «фора», даю знакъ пить снова и снова.

— Ахъ, это!..

— Ну-съ; я васъ поздравляю: ему быть отъ меня битому,—шепнулъ, наклонясь къ Сингяниной, майоръ.

— Надѣюсь, только не здѣсь.

— Нѣтъ, нѣтъ, въ другомъ мѣстѣ!

Висленевъ рассказывалъ сестрѣ, Форовой и Глафирѣ о странномъ снѣ, который ему привидѣлся прошлою ночью.

— Не вѣрь, батюшка, снамъ, все они врутъ,—отвѣтила ему майорша.

— Есть пустые сны, а есть сны вѣщіе, — возразилъ ей Висленевъ. — Мнѣ нравится на этотъ счетъ теорія спиритовъ. Вы ее знаете, Филетеръ Ивановичъ?

— Читали мы кой-что. Помнишь, отецъ Евангель, новый завѣтъ-то ихній... Эка белиберда какая!

— Оно, говорить, вѣдь по Евангелію писано.

— Да; въ здоровый бульонъ мистическихъ помой подлить.

— Тѣхъ же щей, да пожиже захотѣлось,—вставилъ свое слово Евангель.

— А я уважаю спиритовъ и увѣренъ, что они дадутъ намъ нѣчто обновляющее. Смотрите: узкое, старое или такъ-

называемое церковное христіанство обветшало, и въ него—сознайтесь—искренно мало кто вѣритъ, а въ другой крайности, что же? Безплодный матеріализмъ.

— Ну-съ?

— Ну-съ, и должно быть что-нибудь новое, это и есть спиритизмъ. Смотрите, какъ онъ захватываетъ въ Америкѣ и повсюду, напримѣръ у насъ въ Петербургѣ: даже нѣкоторые государственные люди...

— Столы вертять,—подсказалъ майоръ.—Что же, и прекрасно.

— Нѣтъ; не одни столы вертять, — а въ самомъ дѣлѣ отвѣты отъ мертвыхъ получаютъ.

— Ничего-съ, стихійное мудрованіе, все это кончится вздоромъ,—отрѣзалъ Евангелъ.

— Ну, подождите, какъ-то вы съ нимъ справитесь.

— Ничего-съ: христіанство и не такихъ враговъ видало.

— Ну, этакихъ не видало, это новая сила: это не грубый матеріализмъ, а это тонкая, тонкая сила.

— Во-первыхъ, это не сила,—отозвался Форовъ:—а во-вторыхъ, вы исторіи не знаете.

— Вотъ какъ! Кто вамъ сказалъ, что я ее не знаю?

— А, разумѣется, не знаете! Все это, государь мой, старье.

И Форовъ началъ перечислять Висленеву связи спиритизма съ мистическими и спиритуальными школами всѣхъ временъ.

— Да,—перебилъ Висленевъ:—но сказано вѣдь, что ново только то, что хорошо забыто.

— Анси ретурнементъ гумень-эсть-феть,—отозвался отецъ Евангелъ, произнося варварскимъ, бурсацкимъ языкомъ французскія слова.—Да и сіе не ново, что все не ново.

Paix engendre prospérité,
De prospérité vient richesse,
De richesse orgueil et volupté,
D'orgueil—contentions sans cesse;
Contention—la guerre se presse...
La guerre engendre pauvreté,
La pauvreté l'humilité,
L'humilité revient la paix...
Ainsi retournement humain est fait!

Прочиталъ, ничто же сумняся и мня себя говорящимъ по-французски, Евангелъ.

Заинтересованные его французскимъ чтеніемъ, къ нему обернулись всѣ, и Бодростина воскликнула:

— Ахъ, какая у васъ завидная память!

— Нѣтъ-съ, и начитанность какая, добавьте! — заступился Форовъ.—Вы, Иосафъ Платонычъ, знаете ли, чьи это стихи онъ намъ привелъ? Это французскій поэтъ Климентъ Маро, котораго вы вотъ не знаете, а котораго, между тѣмъ, согнившія въ землѣ поколѣнія наизусть твердили.

— А за всѣмъ тѣмъ я все-таки спирить!—рѣшилъ Висленевъ.

Онъ ожидалъ, что его заявленіе просто произведетъ тревогу, но оно не произвело ничего. Только Форовъ одинъ отозвался, сказавъ:

— Я самъ, когда порядкомъ наспиртуюсь, такъ тоже дѣлаюсь спирить.

— Значить, это хроническое,—послышалось отъ Горданова.

Форовъ всталъ изъ-за стола и, отойдя къ свѣчѣ, стоявшей на комодѣ, началъ перелистывать книжку журнала.

— Что это такое вы разсматриваете, майоръ?—спросилъ его Гордановъ, ставъ у него за спиной и чистя перышкомъ зубы. Но Форовъ, вмѣсто отвѣта, вдругъ нетерпѣливо махнулъ локтемъ и грубо крикнулъ:—Но-о!

Павель Николаевичъ, сдерживая улыбку, удивился.

— Чего это вы по-кучерски кричите?—сказалъ онъ:—я вѣдь не лошадь.

— Я не люблю, чтобъ у меня за ухомъ зубы чистили, я брюзгливъ.

— И не буду, майоръ, не буду, — успокоилъ его Гордановъ, фамильярно касаясь его плеча; но эта новая шутка еще больше не понравилась Форову, и онъ закричалъ:

— Не троньте меня, я нервный.

— При этакой-то корруленціи и нервный?

И Гордановъ еще разъ слегка коснулся боковъ Форова. Майоръ совсѣмъ взбѣсился и у него затряслись губы.

— Говорю вамъ, не троньте меня: я щекотливъ!

— Господинъ Гордановъ, да не троньте же вы его!—проговорила, подходя къ мужу, Форова.

— Извините, я шутилъ,—отвѣчалъ Гордановъ:—и вовсе не думалъ разсердить майора. Вотъ, Висленевъ, ты теперь спирить, объясни же намъ по спиритизму, что это дѣлается

со здоровымъ человѣкомъ, что онъ вдругъ становится то брюзгливъ, то нервнѣе, то щекотливъ и...

— Вонъ у него какая палка нынче съ собою! — поддержаль пріятеля Висленевъ, взявъ поставленную майоромъ въ углу толстую бѣлую палку.

Но Форовъ, дѣйствительно, сталъ и нервнѣе, и щекотливѣе; онъ уже слышалъ то, чего другіе не слыхали, и обижался, когда его не хотѣли обидѣть.

— Не троньте моей палки! — закричалъ онъ, поблѣднѣвъ и весь заколотаясь въ лихорадкѣ азарта, бросился къ Висленеву, вырвалъ палку изъ его рукъ и, ставя ее на прежнее мѣсто въ уголъ, добавилъ: — Моя палка чужихъ бьетъ!

— Господа, прекратите, пожалуйста, все это, — серьезно объявила, вставая, Александра Ивановна.

Гости почувствовали себя въ неловкомъ положеніи, и Гордановъ, Глафира и Висленевъ вскорѣ стали прощаться.

— Не будемъ сердиться другъ на друга, — сказала Бодрина, пожимая руки Синтяниной.

— Нисколько, — отвѣчала та. — До свиданія, Юсафъ Платоновичъ.

— А со мною вы не прощаетесь? — отнесся къ ней Гордановъ, котораго она старалась не замѣтить.

— Нѣтъ, съ вами-то именно я рѣшительнѣе всѣхъ прощаюсь.

— Позвольте вашу руку!

— Нѣтъ; не подаю вамъ и руки на прощанье, — отвѣчала Синтянина, принимая свою руку отъ руки Висленева и пряча ее себѣ за спину.

— Конечно, я знаю, мой пріятель во всемъ и всегда былъ счастливѣе меня... Я конкурировать съ Жозефомъ не посмѣю. Но, во всякомъ случаѣ, не желалъ бы... не желалъ бы по крайней мѣрѣ навлечь на себя небезопасный гнѣвъ вашего превосходительства.

Александра Ивановна слегка поблѣднѣла.

— Ваше превосходительство такъ хорошо себя поставили.

— Надѣюсь.

— Супругъ вашъ генералъ, имѣетъ такое вліяніе...

— Что даже его жена не защищена отъ наглостей въ своемъ домѣ.

— Нѣтъ; что предъ вами должно умолкнуть все, чтобы потомъ не каяться за слово.

— Вонь!—воскликнула быстро Александра Ивановна и, вытянув вперед руку, указала Горданову пальцемъ къ выходу.

Павель Николаевичъ не успѣлъ опомниться, какъ Форовъ отмахнулъ предъ нимъ настежь дверь и, держа въ другой рукѣ свою палку, которая «чужихъ бьетъ», сказалъ:

— Имѣю честь!

Гордановъ оглянулся вокругъ и, видя попрежнему вытянутую руку Синятиной, вышелъ.

Вслѣдъ за нимъ пошли Бодростина и Висленевъ и покапали въ городъ, Богъ вѣсть въ какомъ настроеніи духа.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Крестъ.

Отъ Александры Ивановны никто не ожидалъ того, что она сдѣлала. Выгнать человѣка вонъ изъ дома такимъ прямымъ и безцеремоннымъ образомъ, — это рѣшительно было не похоже на выдержанную и самообладающую Синтянину; по Гордановъ, давно ее злившій и раздражавшій, имѣлъ неосторожность или имѣлъ расчетъ коснуться такого больного мѣста въ ея душѣ, что сердце генеральши сорвалось, и произошло то, что мы видѣли.

На-время не станемъ доискиваться: былъ ли это со стороны Горданова неосторожный промахъ, или точно и вѣрно рассчитанный планъ, и возвратимся къ обществу, оставшемуся въ домикѣ Синятиной послѣ отъѣзда Водростинной, Висленева и Горданова.

Наглость Павла Николаевича и все его поведеніе здѣсь вообще взволновали всѣхъ. Никто, по его милости, теперь не былъ похожъ на себя. Форовъ бѣгалъ какъ звѣрь взадъ и впередъ; Подозеровъ, отворотясь отъ окна, у котораго стоялъ во все время дебюта Горданова, былъ блѣденъ какъ полотно и сжималъ кулаки; Катерина Астафьевна дергала свои сѣдые волосы, а отецъ Евангелъ сидѣлъ, сложа руки между колѣнъ, и, глядя себѣ въ ладони, то сдвигалъ, то раздвигалъ ихъ, не допуская одной до другой. Лариса же стояла какъ статуя печали. Одна Александра Ивановна была, повидимому, спокойнѣе всѣхъ, но и это было только повидимому: это было спокойствіе человѣка, удовлетворив-

шаго неудержимому порыву сердца, но еще не вдумавшись въ свой поступокъ и не давшего себѣ въ немъ отчета. Человѣкъ въ первыя минуты послѣ вспышки чувствуетъ себя бодро и крѣпко, — крѣпче чѣмъ всегда, въ пору обыкновеннаго спокойнаго состоянія. Таково было теперь еще состояніе и Александры Ивановны. Она спокойно слушала восторги Форовой и глядѣла на благодарственные кресты, которыми себя осѣняла майорша. Одна Катерина Астафьевна была вполнѣ довольна всѣмъ тѣмъ, что случилось.

— Слава же тебѣ, Господи,—говорила она:—что на этого шишимору наплась наконецъ гроза!

— Онъ уже слишкомъ зазнался! — замѣтила Александра Ивановна.—Ему давно надо было напомнить о его мѣстѣ.

И въ маленькомъ обществѣ начался весьма понятный при подобномъ случаѣ разговоръ, въ которомъ припоминались разныя выходки, безнаказанно сошедшія съ рукъ Горданову.

Александра Ивановна, слушая эти рассказы, все болѣе и болѣе укрѣплялась во мнѣніи, что она поступила такъ, какъ ей слѣдовало поступить, хотя и начинала уже сожалѣть, что нужно же было всему этому случиться у нея и съ нею.

— Я надѣюсь, господа, — сказала она: — что такъ какъ дѣло это случилось между своими, то сору за дверь некому будетъ выносить, потому что я отнюдь не хочу, чтобъ объ этомъ узналъ мой мужъ.

— А почему это? — вмѣшалась Форова. — А по-моему, такъ, напротивъ, надо рассказать это Ивану Демьянычу, пусть онъ, какъ генераль, и своею властью его за это хорошенько бы прошкодилъ.

— Я не хочу огорчать мужа: онъ вспыльчивъ и горячъ, а ему это вредно, и потомъ скандалъ—все-таки скандалъ.

— Ну, да! вотъ такъ мы всегда: все скандаловъ боимся, а мерзавцы, подобные Гордашкѣ, этимъ пользуются. А ты у меня, Соига Петровна! — воскликнула майорша, вдругъ подскочивъ къ Ларисѣ и застучавъ пальцемъ по своей ладони:—ты себѣ смотри и на усъ намотай, что если ты еще гдѣ-нибудь съ этимъ Гордашкой увидишься или позволишь ему къ себѣ подойти и станешь отвѣчать ему... такъ я... я не знаю, что тебѣ при всѣхъ скажу.

Синтяниной правился этот поворотъ въ отношеніяхъ Форовой къ Ларисѣ. Она хотя и не сомнѣвалась, что майорша недолго просердится на Лару и примирится съ нею по собственной инициативѣ, но все-таки ей было пріятно, что это уже случилось.

Форова теперь вертѣлась какъ юла, она вездѣ шарила свои пожитки, ласкала мужа, ласкала генеральшу и Вѣру, и нашла случай спросить Подозерова: говорилъ ли онъ о чемъ-нибудь съ Ларой или нѣтъ?

— Лариса Платоновна со мной не разговаривала,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Да; значить, ты не говорилъ. Ну, и прекрасно, такъ и показывай, что она тебѣ все равно, что ничего, да и только. Сапа!—обратилась она къ Синтяниной:—вели намъ запрячь твою карафашку! Или ужъ намъ ее запрягли?

— Да; лошадь готова.

— Ну, Лара, ѣдемъ! А ты, Форовъ, хочешь съ нами на передочкѣ? Мы тебя подвеземъ.

— Нѣтъ, я въ городъ не поѣду,—отвѣчалъ майоръ.

— Завтра пѣшкомъ идти все равно далеко... Садись съ нами! Садись, поѣдемъ вмѣстѣ, а то мнѣ тебя жаль.

Но Форовъ опять отказался, сказавъ, что у него еще есть дѣло къ отцу Евангелу.

— Ну, такъ я съ Ларой ѣду. Прощай.

И майорша, простясь съ мужемъ и съ пріятелями, выпла, подъ руку съ Синтяниной, съ Ларисой въ карафашку и взяла вожжи.

Вскорѣ по отъѣздѣ Ларисы и Форовой вышли и другіе гости, но передъ тѣмъ майоръ и Евангель предъявили Подозерову принесенныя имъ изъ города газеты съ литературой Клишенскаго и Ванскокъ. Подозеровъ поблѣднѣлъ, хотя и не былъ этимъ особенно тронутъ, и ушелъ спокойно, но на дворѣ вспомнилъ, что онъ будто забылъ свою папиросницу, и вернулся назадъ.

— Александра Ивановна! — позвалъ ея. — Не осудите меня... я вернулся къ вамъ съ хитростью.

— Я васъ не осуждаю.

— Нѣтъ; серьезно: у меня есть странная, но очень важная для меня просьба къ вамъ.

— Что такое, Андрей Ивановичъ! Я, конечно, сдѣлаю все, что въ силахъ.

— Да; вы это въ силахъ: не откажите, благословите меня этой рукой.

— Господи помилуй и благослови младенца Твоего Андрея,—произнесла, улыбаясь, Синтянина.

— Нѣтъ; вы серьезно, съ вашей глубокой вѣрой и отъ души вашей меня перекрестите.

— Но что съ вами, Андрей Иванычъ? Вы же сейчасъ только принимали все такъ холодно и были спокойны.

— Я и теперь спокоенъ какъ могила, но нѣтъ мира въ моей душѣ... Дайте мнѣ этого мира... положите на меня крестъ вашею рукой... Это... я увѣренъ, принесетъ мнѣ... очень нужную мнѣ силу.

Александра Ивановна минуту постояла, какъ бы призывая въ глубину души своей спокойствіе, и затѣмъ перекрестила Подозерова, говоря:

— Миръ мой даю вамъ и молю Бога спасти васъ отъ всякаго зла.

Подозеровъ поцѣловалъ ея руку и, выйдя, скоро догналъ за воротами Форова и Евангела, который, при приближеніи Подозерова, тихо говорилъ что-то майору. При его приближеніи они замолчали.

Подозеровъ догадался, что у нихъ рѣчь шла о немъ, но не сказалъ ни слова.

У перекрестка дорогъ, гдѣ священнику надо было идти направо, а Подозерову съ Форовымъ налево, они остановились, и Евангелъ сладостно заговорилъ:

— Андрей Иванычъ, зайдите лучше переночевать ко мнѣ.

— Нѣтъ, я не могу,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Видите ли что... мы тамъ поговоримте съ моей папилькой (отецъ Евангелъ и его попадья звали другъ друга «папильками»): она даромъ, что попадья, а иногда удивительные взгляды имѣетъ.

— Да, да, матушка умная женщина, поклонитесь ей; но я не могу, не могу, я спѣшу въ городъ.

Подозерову хотѣлось, чтобы никто, ни одна женщина съ нимъ болѣе не говорила и не касалась бы его ни одна женская рука.

Онъ несъ на себѣ благословеніе и хотѣлъ, чтобы оно почивало на немъ ничѣмъ не возмущаемое.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Лариса не узнаетъ себя.

Висленскъ ѣхалъ въ экипажѣ вмѣстѣ съ Бодростиной, Гордановъ же держалъ путь одинъ; онъ въ городѣ отсталъ отъ нихъ и, пріѣхавъ прямо въ свою гостиницу, отослалъ съ лакеемъ лошадь, а самъ остался дома.

Около полуночи онъ всталъ, взялъ, по обыкновенію, маленький револьверъ въ карманъ и вышелъ.

Когда Лариса и Форова пріѣхали домой, Иосафъ Висленевъ еще не возвращался. Катерина Астафьевна и Лара не намѣрены были его ждать. Форова обошла со свѣчей весь домъ, попробовала свою цитру и, раздѣвшись, легла въ постель.

Лариса тоже была уже раздѣта.

Комнаты, въ которыхъ онъ спали, были смежны.

Но Ларисѣ не спалось, она вышла въ залу, походила взадъ и впередъ и, взявъ съ фортепіанъ цитру, принесла ее къ теткѣ.

— Прощу васъ, сыграйте мнѣ что-нибудь, тетя

— Вздумала же: ночью я буду ей играть!

— Да, именно, именно теперь, тетя, ночью.

Форова поднялась на локоть и торопливо заглянула въ глаза племянницы острымъ и безпокойнымъ взглядомъ.

— Что вы, тетя? Я ничего, но... мнѣ нестерпимо... я хочу звуковъ.

— Открой же рояль и сыграй себѣ сама.

— Пѣть, не рояль, а это вотъ, это, — отвѣчала Лара, морща лобъ и подавая теткѣ цитру.

Катерина Астафьевна взяла инструментъ, и нѣжные, щиплющіе звуки тонкихъ металлическихъ струнъ зашѣли: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ».

Лариса стала быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и часто взглядывала на изображеніе распинаемаго на Голгоѣ Христа.

Цитра кончила, но чрезъ минуту крошечный инструментъ снова защищалъ сердце, и ему неожиданно началъ вторить дребезжащій, но еще довольно сильный голосъ майорши.

«Помощникъ и покровитель, бысть мнѣ во спасеніе», — пѣла со своею цитрой Катерина Астафьевна.

Лара вздохнула и, оборотись къ образу, тихо стала на

колѣни и заплакала, и молилась, молилась словами тетки, и вдругъ потеряла ихъ. Это ее удивило и разсердило. Она дѣлала всѣ усилія поймать оборванную мысль, но за стѣной ея спальни, въ залѣ, неожиданно грянулъ балльный оркестръ.

Лариса вскочила и взялась за лобъ... Ничего не было, никакого оркестра: ясно, что это ей только показалось.

Лариса посмотрѣла на часы, было уже часъ за полночь. Она взшла въ комнату тетки и позвала ее по имени, но Катерина Астафьевна крѣпко спала.

Лара поняла, что столбнякъ ея длился довольно долго, прежде чѣмъ ее пробудили отъ него звуки не существующаго оркестра, и удивилась, какъ она не замѣтила времени. Она торопливо заперла дверь въ залу на ключъ, помолилась наскоро предъ образомъ, раздѣлась, поставила свѣчу на предпостельномъ столикѣ и сѣла въ одной сорочкѣ и кофтѣ на диванѣ, который служилъ ей кроватью, и снова задумалась.

Такъ прошелъ еще часъ. Висленевъ все не возвращался еще; а Лариса все сидѣла въ томъ же положеніи, съ опущенною на грудь головой, съ одною рукой, упавшею на кровать, а другою окаменѣвшею съ перстомъ на устахъ. Черные волосы ея разбѣгались тучей по бѣлымъ плечамъ, нескромно открытымъ воротомъ сорочки; одна нога ея еще оставалась въ нескинутой туфлѣ, межъ тѣмъ какъ другая, босая и какъ мраморъ бѣлая, опиралась на голову разостланной у дивана тигровой шкуры.

«Господи! — думала она, мысленно проведя предъ собою всю свою недолгую прошлую жизнь. — Какой путь лежитъ предо мною и чѣмъ мнѣ жить? Въ какомъ капризѣ судьбы и для чего я родилась на этотъ свѣтъ, и для чего я, прежде чѣмъ начала жить, растеряла всѣ силы мои? Зачѣмъ предо мною такъ безпощадно одни осуждали другихъ и сами становились всѣ другъ друга хуже? Гдѣ же идеалъ?.. Я безъ него... Я вся дитя сомнѣній: я ни съ кѣмъ не согласна и не хочу соглашаться. Я не хочу бабушкиной морали и не хочу морали внучекъ. Мнѣ противны онѣ и противны тѣ, кто за нихъ стоитъ, и тѣ, кто ихъ осуждаетъ. Это все люди съ концомъ въ самомъ началѣ своей жизни... А гдѣ же живая душа съ вѣчнымъ движеніемъ впередъ? Не дядя ли Форовъ, замерзшій на отжившей старинѣ; не смиренный ли

Евангелъ; не братъ ли мой, мой жалкій Иосафъ, или не Подозероу ли,—Испанскій Дворянинъ, съ одною вѣчною и неизмѣнною честностью? Что я буду дѣлать съ нимъ? Я не могу же быть... испанскою дворянкой! Я хочу... ничего не хотѣть, и... Этотъ человѣкъ... Гордановъ... въ немъ мой покой! Я его ненавижу и... я люблю его... Я люблю этотъ трепеть и страхъ, которые при немъ чувствую! Боже, какое это наказаніе! Меня къ нему влечетъ невѣдомая сила, и между тѣмъ... онъ дерзокъ, наглъ, надмененъ... даже, можетъ-быть, не честенъ, но... онъ любитъ меня... Онъ любить меня, а любовь творить чудеса, и это чудо надъ нимъ совершу я!..»

Лариса покраснѣла и вздрогнула.

Можетъ-быть, что ее испугала свѣча, которая горѣла тихо и вдругъ вспыхнула: на нее метнулась ночная бабочка и, опаливъ крылышки, прилипла къ стеарину и затрепетала. Лариса осторожно сняла насѣкомое со свѣчи и въ особенномъ соболѣзнованіи вытерла его крылышки и хотѣла уже встать, чтобы выпустить бабочку въ садъ, какъ взглянула въ окно и совсѣмъ потерялась.

Въ узкой полосѣ стекла между недошедшею на вершокъ до подоконника шторой на нее смотрѣли два черные глаза; она въ ту же минуту узнала эти глаза: то были глаза Горданова.

Первымъ впечатлѣніемъ испуганной и сконфуженной Лары было чувство ужаса, затѣмъ весьма понятный стыдъ, потому что она была совсѣмъ раздѣта. Затѣмъ первое ея желаніе было закричать, броситься къ теткѣ и разбудить ее, но это желаніе осталось однимъ желаніемъ: открытыя уста Лары только задули свѣчу и не издали ни малѣйшаго звука.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ ожиданіи худшаго.

Оставшись впотьмахъ и обезпеченная лишь тѣмъ, что ея теперь не видно, Лара вскочила и безотчетно взялась за положенный на креслѣ пенъюаръ.

А между тѣмъ, когда въ комнатѣ стало темнѣе, чѣмъ въ саду, гдѣ былъ Гордановъ, Ларисѣ сталъ виденъ весь движущійся контуръ его головы.

Гордановъ двигался взадъ и впередь вдоль подзора шторы: имь, очевидно, все болѣе овладѣвало нетерпѣніе и наглость его бушевала безсиліемъ...

Ларисѣ еще представлялась полная возможность тихо разбудить тетку, но она этого не сдѣлала. Мысль эта отошла на второй планъ, а на первомъ явилась другая. Лара спѣшною рукой накинула на себя пеньюаръ и, зайдя стороной къ косяку окна, за которымъ метался Гордановъ, тихо ослабила шнурокъ, удерживавшій занавѣску.

Штора сползла и подзоръ закрылся; но это Горданову только придало новую смѣлость, и онъ сначала тихо, а потомъ все смѣлѣй и смѣлѣй началъ потрогивать раму.

Дѣвушка не могла себѣ представить, до чего это можетъ дойти и, отступя внутрь комнаты, остановилась. Гордановъ не ослабѣвалъ, страсть и дерзость его разгорались: въ комнатѣ послышался даже гулъ его говора.

Лара опять метнулась къ двери, которая вела въ столовую, гдѣ спала тетка, и... съ незнакомымъ до сихъ поръ чувствомъ страстнаго замиранія сердца притворила эту дверь.

Ей пришло на мысль, что если она разбудитъ тетку, то та затѣветъ цѣлую исторію и непременно станетъ обвинять ее въ томъ, что она сама подала поводъ къ этой наглости. Но Катерина Астафьевна спала крѣпкимъ сномъ, и хотя Лариса было перенугалась, когда дверь немножко пискнула на своихъ петляхъ, однако испугъ этотъ былъ совершенно напрасенъ. Лара приложила черезъ минуту ухо къ дверному створу и убѣдилась, что тетка спитъ,—въ этомъ убѣждало ее сонное дыханіе Форовой. А Гордановъ не отставалъ въ этомъ и продолжалъ свои настойчивыя хлопоты вокругъ рамы.

— Этой дерзости нельзя же оставить такъ, да и, наконецъ, это дойдетъ Богъ знаетъ до чего: Катерина Астафьевна можетъ проснуться и... еще хуже: внизу, въ кухнѣ, можетъ все это услышать прислуга...

Она ощутила въ себѣ рѣшимость и силу самой отстоять свою неприкосновенность и подошла къ окну,—минута, и край шторы зашевелился.

Гордановъ опять качнулъ раму.

Лариса положила трепещущую руку на крючокъ, и едва лишь его коснулась, какъ эта рама распахнулась, и рука Лары словно въ тискахъ замерла въ рукѣ Горданова.

— Ты открыла, Лариса! я такъ этого и ждалъ: тебѣ должна быть чужда пустая жеманность,—заговорилъ Павелъ Николаевичъ, страстно цѣлуя руку Лары.

— Я вовсе не для того...—начала было Лара, но Гордановъ ее перебилъ.

— Это все равно, я не могъ не видѣть тебя!.. прости меня!..

— Уйдите.

— Я обезумѣлъ отъ любви къ тебѣ, Лара! Твоя краса мутитъ мой разумъ!

— Уйдите, молю васъ, уйдите.

— Ты должна знать все... я иду умирать за тебя!

— За меня?!

— И я хотѣлъ тебя видѣть... я не могъ отказать себѣ въ этомъ... Дай же, дай мнѣ и другую твою ручку!—шепталъ онъ, хватая другую руку Лары и цѣлуя ихъ обѣ вмѣстѣ.—Нѣтъ; ты такъ прекрасна, ты такъ несказанно хороша, что я буду радъ умереть за тебя! Не рвись же, не вырывайся... Дай взглянуть... теперь... вся въ бѣломъ, ты еще чудеснѣй... и... клини и презирай меня, но я не въ силахъ овладѣть собой: я рабъ твой, я... раненъ на-смерть... мнѣ все равно теперь!

Ларисѣ показалось, что на глазахъ его показались слезы: это ее подкусило.

— Пустите меня! насъ непременно увидятъ... — чуть слышно прошептала Лара, въ страхъ оборачивая лицо къ двери тетяной комнаты. Но лишь только она сдѣлала это движеніе, какъ, обхваченная рукой Горданова, уже очутилась на подоконникѣ и голова ея лежала на плечѣ Павла Николаевича. Гордановъ обнимать ее и жарко цѣловать ея трепещущія губы, ея шею, плечи и глаза, на которыхъ дрожали и замирали слезы.

Лариса почти и оборонялась: это ей было и не подъ силу; дѣлая усилія вырваться, она только плотнѣе падала въ объятія Горданова. Даже уста ея, теперь такъ рѣшительно желавшія издать какой-нибудь звукъ, лишь шевелились, невольно отвѣчая въ этомъ движеніи поцѣлуямъ замыкавшихъ ихъ устъ Павла Николаевича. Лара склонилась все болѣе и болѣе на его сторону, смутно ощущая, что окно подъ ней уплываетъ къ ея ногамъ; еще одно мгновеніе, и она въ саду. Но въ эту минуту залаяла собака и по двору послышались шаги.

Гордановъ посадилъ Лару на подоконникъ и, тихо прикрывъ раму, пошелъ чрезъ садовую калитку на дворъ и поймалъ здѣсь на крыльцѣ Висленева.

— Чего ты здѣсь, Павелъ Николаевичъ?—освѣдомился у него Иосафъ.

— Вотъ вопросы! Какъ чего я здѣсь? Что же ты, любезный, вѣрно забылъ, что такое мы завтра дѣлаемъ?—отвѣчалъ Гордановъ.

— Нѣтъ, очень помню: мы завтра стрѣляемся.

— А если помнишь, такъ надо видѣть, что уже разсвѣтаетъ, а въ пять часовъ надо быть на мѣстѣ, котораго я, вдобавокъ, еще и не знаю.

— Я буду, Польша, буду, буду.

— Ну, извини, я тебѣ не вѣрю, а пойдемъ поспать ко мнѣ. Теперь два часа и ложиться уже некогда, а напьемся чаю и тогда какъ разъ будетъ время ѣхать.

— Да; вотъ еще дѣло-то: на чемъ ѣхать?

— Вотъ то-то оно и есть! А еще говоришь: «буду, буду, буду», и самъ не знаешь на чемъ ѣхать! Переодѣнься, если хочешь, и идемъ ко мнѣ,—я уже припасъ извозчика.

Висленевъ пошелъ переодѣться; онъ приглашалъ взойти съ собою и Горданова, но тотъ отказался и сказалъ, что онъ лучше походить и подождать въ саду.

Лишь скрылся Висленевъ, Гордановъ подбѣжалъ къ Ларисину окну и чуть только попробовалъ дверцу, какъ она сама тихо растворилась. Окно было не заперто, и Лара стояла у него въ прежнемъ положеніи.

Гордановъ ступилъ ногой на фундаментъ и страстно прошепталъ:

— Поцѣлуй меня еще разъ, Лара.

Лариса молчала.

— Сама! Лара! я прошу, поцѣлуй меня сама! Ты мнѣ отказываешь?

Лара колебалась.

— Лара, исполни этотъ мой капризъ, и я исполню все, чего ты захочешь... Ты медлишь?.. Ты не хочешь?

На дворѣ послышался голосъ Висленева, призывавшій Павла Николаевича.

— Идите... братъ мой,—прошептала Лара.

— Кто этотъ братъ? онъ во...

— О, Боже! не договаривайте... Онъ идетъ.

— Ну, знай же: если такъ,—я не уйду безъ твоего поцѣлуя!

Лара въ страхѣ подвинулась къ нему и, робко прильнувъ къ его губамъ устами, кинулась назадъ въ комнату. Гордановъ сорвалъ этотъ шtosъ и исчезъ.

Когда кончилась процедура поцѣлуевъ, Лариса, какъ разбитая, обернулась назадъ и попятилась: предъ нею, въ дверяхъ, стояла совсѣмъ одѣтая Форова.

— Послушай!—говорила охриплымъ и упалымъ голосомъ майорша.—Послушай! запри за мной двери, или вели запереть.

— Куда это вы?—прошентала Лара.

— Домой.

— Зачѣмъ... зачѣмъ... вы всѣ...

— Не знаю, какъ всѣмъ, а мнѣ здѣсь не мѣсто.

И Форова повернулась и пошла. Лара ее догнала въ залѣ и, схвативъ тетку за руку, сама потушилась.

— Пусти меня!—проговорила Форова.

— Одну минутку еще!..

— Ни одной, ни одной секунды здѣсь быть не хочу, послѣ того, что я видѣла своими глазами.

Лара зарыдала.

— Такъ зачѣмъ же, зачѣмъ же вы... его при мнѣ браили, обижали? Боже! Боже!

— Вотъ такъ и есть! Мы же виноваты?

Но Лариса въ отвѣтъ на это только зарыдала истерическимъ рыданьемъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ ожиданіи смерти.

Форовъ провелъ эту ночь у Подозерова; майоръ какъ пришелъ, такъ и завалился и спалъ, храпя, до самаго утра, а Подозеровъ былъ не во снѣ и не въ бѣднѣи. Онъ лежалъ съ открытыми глазами и думалъ: за что, почему и какъ онъ идетъ на дуэль?

— Они обидѣли меня клеветой, но это бы я снесъ; но обиды бѣдной Ларѣ, но обиды этой другой святой женщины я снести не могу! Я, впрочемъ... съ большимъ удовольствіемъ умру, потому что стыдно сознаться, а я разочарованъ въ жизни; не вижу въ ней смысла и... однимъ словомъ, мнѣ все равно!

И вдругъ послѣ этого Подозеровъ погрузился въ сосредоточенную думу о томъ: какъ шла замужъ Синтянина? и когда его въ три часа толкнулъ Форовъ, онъ не зналъ: спалъ онъ или не спалъ, и только почувствовалъ на лбу холодныя капли пота.

Форовъ шилъ чай и самъ приготовлялъ и подавалъ чай хозяину.

— Теперь подите-ка вотъ сюда!—позвалъ его майоръ въ спальню.—Завѣщаніе у васъ про всякій случай готово? Я говорю, про всякій случай.

— Зачѣмъ? имущества у меня нѣтъ никакого,—а что есть, раздавайте бѣднымъ.—Подозеровъ улыбнулся и добавилъ:—Это тоже про всякій случай!

— Да, такъ, но все-таки... это дѣлаютъ: причину, можетъ-быть, пожелаете объяснить... изъ-за чего?.. Волю, желаніе свое кому-нибудь сообщить?..

— Изъ-за чего? А кому до этого дѣло? Если васъ спросятъ, изъ-за чего это было, то скажите, пожалуйста, что это ни до кого не касается.

— Что же, и такъ bene! И еще вотъ что,—продолжалъ онъ очень серьезно и съ разстановкой:—вы знаете... я принадлежу къ такъ глаголемымъ нигилистамъ,—не къ мошенникамъ, которые на эту кличку откликаются, а къ настоящимъ... старовѣрческимъ нигилистамъ древляго благочестія...

-- Хорошо-сь, — отвѣчалъ, снова улыбнувшись, Подозеровъ.

— То-то, еще хорошо ли это, я... этого, по правдѣ вамъ сказать, и самъ достовѣрно не знаю. Я, какъ настоящій нигилистъ, самъ свои убѣжденія тоже, знаете... не высоко ставлю. Чортъ ихъ знаетъ: кажется что-нибудь такъ, а... вѣдь все оно, можетъ-быть, и иначе... Я, разумѣется, въ жизнь за гробомъ не вѣрю и въ Бога не вѣрю... но...

— Вы вѣрно хотите, чтобъ я помолился Богу?—перебилъ Подозеровъ.

— Да; я этого особенно не хочу, а только напоминаю,—отвѣчалъ, крѣпко сжавъ его руку, майоръ.—Вы не смѣйтесь надъ этимъ, потому что... кто знаетъ, чего нельзя узнать.

— Да я и не смѣюсь: я очень радъ бы помолиться, но я тоже...

— Да; понимаю: вы денсть, но не умѣете молиться... считаете это лишнимъ. Пожалуй!

— Но я по вашему совѣту пробѣгу одну-двѣ главы изъ Евангелія.

— И прекрасно, мой совѣтъ хоть это сдѣлать, потому что... я себѣ вѣренъ, я не считаю этого нужнымъ, но я это беру съ утилитарной точки зрѣнія: если тамъ ничего нѣтъ, такъ это ничему и не помѣшаетъ... Кажется, не помѣшаетъ?

— Разумѣется.

— А какъ если есть!.. Вѣдь это, какъ хотите, ошибиться не шутка. Подите-ка уединитесь.

И майоръ, направляя Подозерова въ его комнату, затворилъ за нимъ двери.

Когда они опять сошлись, Форовъ счелъ нужнымъ дать Подозерову нѣсколько наставленій, какъ стоять на поединкѣ, какъ стрѣлять и какъ держаться.

Подозеровъ все это слушалъ совершенно равнодушно.

Въ четыре часа они спохватились, на чемъ имъ ѣхать. Съ вечера эта статья была позабыта, теперь же ее нельзя было исправить.

Рискуя опоздать, они рѣшились немедленно отправиться пѣшкомъ и шли очень скоро. Утро стояло погожее, но неприятное: вѣтреное и красное.

Дорогой съ ними не случилось ничего особеннаго, только и майоръ, и Подозеровъ оба немножко устали.

Но вотъ завидѣлся и желтый, песчаный холмъ посреди молодого сосенника: это Корольковъ верхъ, это одно роковое условное мѣсто.

Форовъ оглянулся вокругъ и, снявъ фуражку, обтеръ платкомъ лобъ.

— Ихъ нѣтъ еще, значить?—спросилъ Подозеровъ.

— Да; ихъ, значить, нѣтъ. Вы садьте и поотдохните немножко.

— Нѣтъ, я ничего... я совсѣмъ не усталъ.

— Не говорите! переходы въ этихъ случаяхъ ужасно не хороши: отъ ходьбы ноги слабѣютъ и руки трясутся и въ глазу нѣтъ вѣрности. И еще я вамъ вотъ что хотѣлъ сказать... это, разумѣется, можетъ-быть, и не нужно, да я даже и увѣренъ, что это не нужно, но про всякій случай...

— Пожалуйста: что такое?

— Когда вы молились...

— Ну-съ?

— Указали ли вы надлежащимъ образомъ, что вѣдь то... зачѣмъ вы пришли сюда, неправосудно будетъ разматривать паравнѣ съ убійствомъ? Вѣдь вотъ и пророки, и мученики... за идею... умирали и...

— Да зачѣмъ же это указывать? Поставить на видъ, что ли?—И Подозеровъ даже искренно разсмѣялся.

Форовъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Да вѣдь я не знаю, какъ это надо молиться, или... мириться съ тѣмъ, чего не знаю.

— Нѣтъ: вы это знаете лучше многихъ!—проговорилъ Подозеровъ, дружески сжавъ руку майора.—Я не могу представить себѣ человѣка, который бы лучше васъ умѣлъ доказать, что хорошая натура всегда остается хорошею, во всякой средѣ и при всякомъ ученіи.

— Ну, извините меня, а я очень могу себѣ представить такого человѣка, который можетъ все это гораздо лучше меня доказать.

— Кто же это?

— Дѣвица Ванскокъ въ Петербургѣ. А вотъ кто-то и ѣдетъ.

За лѣскомъ тихо зарокотали колеса: это подъѣхали Висленевъ и Гордановъ.

Обѣ пары пошли, въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи, къ одной и той же песчаной полянѣ за кустами.

Форовъ пригласилъ Висленева въ сторону, и они начали заряжать пистолеты, то-есть, лучше сказать, заряжалъ ихъ Форовъ, а Висленевъ ему прислуживалъ. Онъ не умѣлъ обращаться съ оружіемъ и притомъ праздновалъ трусу.

Подозеровъ глядѣлъ на песокъ и думалъ, что кровь здѣсь будетъ очень быстро впитывать. Гордановъ держалъ себя соколомъ.

Форовъ съ важностью должностного лица началъ отсчитывать шаги, и зачѣмъ Подозеровъ и Гордановъ были поставлены имъ на урочномъ разстояніи лицомъ другъ къ другу.

Дерзкій взглядъ и нахальная осанка не покидали Горданова.

«Это чортъ знаетъ что!—думалъ Форовъ.—Знаю, увѣренъ и не сомнѣваюсь, что онъ естественный и презрѣннѣйшій

трусъ, но что можетъ значить это его спокойствіе? Нѣтъ ли на немъ латы? Да не на всемъ же на немъ латы! Или... не извѣстили ли они, бездѣльники, сами полицію и не поведутъ ли насъ всѣхъ отсюда на съѣзжую? Чего добраго: отъ этой дряни всего можно ожидать».

Но Форовъ не все предугадываль и ожидалъ совѣмъ не того, на что разсчитываль, держа высоко свою голову, Гордановъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Секретъ.

Александра Ивановна, выпроводивъ гостей, видѣла, какъ работникъ заперъ калитку, поманилъ за собою собакъ и ушелъ спать на погребницу.

Синтянина подошла къ окну и глядѣла черезъ невысокій тынъ на широкія поля, на которыхъ луна теперь выдвигала прихотливья очертанія тѣней отъ самыхъ незначительныхъ предметовъ на землѣ и мелкихъ облачковъ, бѣгущихъ по небу.

Вѣра сняла дневное платье, надѣла свою бѣлую блузку, заперла дверь, опустила бѣлыя шторы на окнахъ, въ которыя свѣтила луна, и, стоя съ лампой посреди комнаты, громко топнула.

Синтянина оглянулась.

— Ты не будешь спать? — спросила Вѣра своими знаками мачиху.

— Нѣтъ; мнѣ не хочется спать.

— Да; ты и не спи.

— Зачѣмъ?

Дѣвочка улыбнулась и отвѣчала: «Такъ... теперь хорошо», и съ этимъ она вошла въ спальню, легла на свой диванъ подъ материнымъ портретомъ, завѣшеннымъ кисеей, и погасила лампу.

Это Александрѣ Ивановнѣ не понравилось, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ затѣмъ, какъ погасъ огонь, въ спальнѣ послышался тихій шорохъ и при слабомъ свѣтѣ луны, сквозь опущенную штору, было замѣтно какое-то непокойное движеніе Вѣры вдоль стѣны подъ портретомъ ея матери.

Александра Ивановна съ неудовольствіемъ зажгла свѣчу и взошла въ спальню. Вѣра лежала на своемъ мѣстѣ и

казалось спала, но сквозь сонъ тихо улыбалась. У нея бывалъ нерѣдко особый родъ улыбокъ, добрыхъ, но ироническихъ, которыя нѣсколько напоминали улыбки опытной няни, любящей ребенка и насмѣхающейся надъ нимъ. Александра Ивановна въ теченіе многихъ лѣтъ жизни съ глухонѣмою падчерицей никогда не могла привыкнуть къ этимъ ея особеннымъ улыбкамъ, и онѣ особенно неприятно подѣйствовали на нее сегодня, послѣ шалости Вѣры въ осинникѣ. Генеральша давно была очень разстроена всѣмъ, что видѣла и слышала въ послѣднее время; а сегодня ее особенно тяготили наглые намеки на ея практичность и на ся давнюю слабость къ Висленеву, и старыя раны въ ея сердцѣ заняли и запынелись свѣжею кровью.

— Нѣтъ; этого невозможно такъ оставить: я могу умереть внезапно, мгновенно, со всею тяжестью этихъ укоризнъ... Нѣтъ; этого нельзя! Пока я жива, пускай говорятъ и думаютъ обо мнѣ чтѣ хотятъ, но память моя... она должна быть чиста отъ тѣхъ пятенъ, которыя кладутъ на нее и которыхъ я не хочу и не могу снять при жизни. Зачѣмъ откладывать вдаль? Я теперь взволнована, и все давно минувшее предо мною встаетъ свѣжо, какъ будто всѣ бѣды жизни ударили въ меня только сію минутою. Я все чувствую, все помню, вижу, знаю, и теперь я въ силахъ передать все, чтѣ и зачѣмъ я когда сдѣлала. Стало-быть, настала часъ, когда мнѣ надо открыть это, и Гордановъ принеси мнѣ пользу, заставивъ меня за это взяться.

Съ этимъ генеральша торопливо перемѣнила за ширмой платье на блузу и, распустивъ по спинѣ свои тучныя косы, зажгла лампу. Установивъ огонь на столѣ, она достала бумагу и начала писать среди нерушимаго ночного молчанія.

«Призвавъ Всемогущаго Бога, Которому вѣрую и суда Котораго несомнѣнно ожидаю, я, Александра Синтяпина, рожденная Гриневичъ, пожелала и рѣшилась собственно-ручно написать нижеслѣдующую мою исповѣдь. Дѣлаю это съ тою дѣлюю, чтобы бумага эта была вскрыта, когда не будетъ на свѣтѣ меня и другихъ лицъ, которыхъ я должна коснуться въ этихъ строкахъ: пусть эти строки мои представляютъ мои дѣла въ истинномъ ихъ свѣтѣ, а не въ томъ, въ какомъ ихъ толковали всѣ знавшіе меня при жизни.

«Я, незамѣтная и неизвѣстная женщина, попала подъ колесо обстоятельствъ, накатившихъ на мое отечество въ

началъ шестидесятихъ годовъ, которымъ принадлежитъ моя первая молодость. Безъ всякаго призванія къ политикѣ, я принуждена была сыграть роль въ событіяхъ политическаго характера, о чемъ, кромѣ меня, знаетъ только еще одинъ человѣкъ, но этотъ человѣкъ никогда объ этомъ не скажетъ. Я же не хочу умереть, не раскрывъ моей повѣсти, потому что человѣку, какъ бы онъ ни былъ малъ и незамѣтенъ, дорога чистота его репутациі.

«По всеобщему мнѣнію знающихъ меня людей, я позорно сторговала собою при моемъ замужествѣ и погубила моимъ вѣроломствомъ человѣка, подававшаго мнѣ большія надежды. Это—клевета, а дѣло было вотъ какъ. Я съ дѣтскихъ почти лѣтъ считалась невѣстой Иосафа Платоновича Висленева, котораго любила первою дѣтскою любовью. Онъ, по его словамъ, тоже любилъ меня, чему я, впрочемъ, имѣю основанія не вѣрить. И вотъ ему-то я и измѣнила, кинула его въ несчастіи, вышла замужъ за генерала и провожу *счастливую жизнь*... Такъ думаютъ всѣ, и я въ этомъ никого не разувѣряю, однакоже, все-таки, это не такъ. Въ самой ранней нашей юности, между нами съ Висленевымъ обнаружались непримиримыя и несогласимыя разности во взглядахъ и симпатіяхъ: то время, которое я отдавала приготовленію къ жизни, онъ уже посвящалъ самой жизни, но жизни не той, которую я считала достойною силъ и мужества отвѣчающаго за себя человѣка. Въ немъ была бездна легкомысленности, которую онъ считалъ въ себѣ за отвагу; много задора, принимавшагося имъ за эгергію; масса суетности, которая казалась ему пренебреженіемъ къ благамъ жизни, и при всемъ этомъ полное пренебреженіе къ спокойствію и счастью ближнихъ. Я все это замѣтила въ немъ очень рано и знала гораздо ближе всѣхъ стороннихъ людей, которыхъ Висленевъ могъ обманывать шумомъ и диалектикой; но, узнавъ и изучивъ его пороки, я все-таки никогда не думала отъ него отречься. Я знала, что я не могу ожидать истиннаго счастья съ такимъ человѣкомъ, который чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе научался и привыкалъ относиться съ непростительнымъ, легкомысленнымъ неуваженіемъ ко всему, къ чему человѣку внушается почтеніе самою его натурой. Я видѣла, что мы съ нимъ не можемъ составить пары людей, которые могли бы восполнять другъ друга и служить одинъ другому опорой въ неудачахъ и несчастіяхъ.

Мы ко всему относились розно, начиная съ нашихъ ближайшихъ родныхъ и кончая родиной. Но, тѣмъ не менѣе, я любила этого несчастнаго молодого человѣка и не только готовилась, но и хотѣла быть его женой, въ чемъ свидѣтельствуюсь Богомъ, Которому видима моя совѣсть. Я назначала мою жизнь на то, чтобы беречь его отъ его печальныхъ увлеченій; я знала, что во мнѣ есть своя доля твердости и терпѣнія, съ которыми можно взяться преодолѣть шероховатости довольно дурной природы. Но, уввы! у того, о комъ я говорю, не было никакой природы. Это былъ первый видимый мною человѣкъ довольно распространеннаго нынче типа несчастныхъ людей, считающихъ необходимою быть причисленными къ чему-нибудь новому, модному, и не заключающихъ сами въ себѣ ничего. Это люди, у которыхъ безпокойное воображеніе одолѣло умъ и замѣнило чувства. Помочь имъ, удерживать ихъ и регулировать нельзя: они уносятся какъ дымъ, таютъ какъ облако, выскользаютъ какъ мокрое мыло. Женщинѣ нельзя быть ни ихъ подругой, ни искать въ нихъ опоры, а для меня было необходимо и то, и другое; я всегда любила и уважала семью. Всленевѣ окончилъ курсъ, пріѣхалъ домой, поступилъ на службу и медлил на мнѣ жениться, я не знаю почему. Я полагаю, что я ему въ то время разиравилась за мою простоту, которую онъ счелъ за бессодержательность,—я имѣю основаніе такъ думать, потому что онъ не упускалъ случая отзываться съ ироніей, а иногда и прямо съ презрѣніемъ о женщинахъ такого простаго образа мыслей, каковы были мой, и такихъ скромныхъ намѣреній, каковы были мои, возникіи въ семьѣ простой и честной, дружной, любящей, но въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, чересчуръ неинтересной. Его идеаломъ въ то время были женщины другого, мнѣ вовсе неизвѣстнаго, но и незавиднаго для меня мірка. Онъ съ жаромъ говорилъ о покинутыхъ имъ въ Петербургѣ женщинахъ, презирающихъ бракъ, ненавидящихъ домашнія обязанности, издѣвающихся надъ любовью, вѣрностью и ревностью, не переносящихъ родственныхъ связей, говорящихъ только о «вопросахъ» и занятыхъ общественнымъ трудомъ, школами и обновленіемъ свѣта на необыкновенныхъ началахъ. Мнѣ все это представлялось очень смутно: и Петербурга никогда не видала, о жизни петербургской знала только по наслышкѣ да изъ книгъ; но я знала, что, если есть такіа

женщины, которыми бредилъ Висленевъ, то именно въ средѣ ихъ только и можетъ быть отыскана та или тѣ, которыми могли бы слиться съ нимъ во что-нибудь гармоническое. Я обдумала это, и найдя, что я ему по всему не пара, что я ему скорѣе помѣха, чѣмъ помощница, рѣшила предоставить наши отношенія судьбѣ и времени. Не скажу, чтобы это мнѣ было особенно тяжело, потому что любовь моя къ нему въ это время была уже сильно поколеблена и притуплена холоднымъ резонерствомъ, которымъ онъ обдавалъ мои горячіе порывы къ нему въ письмахъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ однажды, что, по его мнѣнію, «истинна только та любовь, которая не захватываетъ предметъ своей привязанности въ исключительное обладаніе себѣ, но предоставляетъ ему всю ширь счастья въ свободѣ». Послѣ этихъ словъ, которыя я поняла во всей ихъ безнатурности и цинизмѣ, со мною произошло нѣчто странное: они возбудили во мнѣ чувство... неодолимой гадливости,—человѣкъ этотъ точно отпалъ отъ моего сердца и уже болѣе никогда къ нему не приближался, хотя, тѣмъ не менѣе, я бы все-таки пошла за него замужъ, потому что я его безмѣрно жалѣла. Но Богъ рѣшилъ иначе. Онъ судилъ мнѣ другую долю и въ ней иныя испытанія.

«Вращаясь въ кружкѣ тревожныхъ и безпристальныхъ людей, Висленевъ попалъ въ исторію, которую тогда называли политической, хотя я убѣждена, что ее не слѣдовало такъ называть, потому что это была не болѣе какъ ребяческая глупость и по замыслу, и по способамъ осуществленія; но, къ сожалѣнію, къ этому относились съ серьезностью, для которой безъ всякаго труда можно бы указать очень много гораздо лучшихъ и достойнѣйшихъ назначеній. Иосафъ Висленевъ былъ взятъ, и въ бумагахъ его былъ отысканъ дерзостнѣйшій планъ, за который автора, по справедливости, можно было бы посадить, если не въ сумасшедшій, то въ смирительный домъ; но, что всего хуже, при этомъ планѣ былъ длинный списокъ лицъ, имѣвшихъ неосторожность довѣряться моему легкомысленному жезлику. Мой отецъ былъ возмущенъ этимъ до глубины души, и въ то время, какъ Иосафъ Висленевъ, въ качествѣ политическаго арестанта, пользовался въ городѣ почти общимъ сочувствіемъ, у насъ въ домѣ его строго осуждали, и я признавала эти осужденія правильными.

«Легкомысленность, составляющая недостатокъ человѣка,

пока онъ вредитъ ея только самому себѣ, становится тяжкимъ преступленіемъ, когда за нее страждутъ другіе. Таково было мнѣніе моего умнаго и честнаго отца, таковы же были и мои убѣжденія, и потому мы къ этому отнесли иначе, чѣмъ многіе.

«Дѣло Висленева было въ нашихъ глазахъ ничтожно по его несбыточности; но онъ, конечно, долженъ былъ знать, что его будутъ судить не по несбыточности, а по достоинству его намѣреній, и, несмотря на то, онъ игралъ не только репутаціей, но даже судьбой лицъ, имѣвшихъ необдуманность раздѣлять его вѣтренные планы и неосторожность вѣрить ему свои имена. Онъ погибалъ не одинъ, но предавалъ съ собою другихъ такихъ же, какъ онъ, молодыхъ людей, въ которыхъ гибли лучшія надежды несчастныхъ отцовъ, матерей, сестеръ и мнѣ подобныхъ невѣсть. Отецъ мой пользовался нѣкоторымъ довѣріемъ и расположеніемъ генерала Синтянина, который жилъ съ нами на одномъ дворѣ и сватался однажды ко мнѣ во время видимаго охлаждения ко мнѣ Висленева, но получилъ отказъ. Дѣло во многомъ отъ него зависѣло. Я это знала и... мнѣ вдругъ пришла мысль... но, впрочемъ, буду рассказывать по порядку.

«Былъ страшный, вѣчно живой и незабвенный для меня вечеръ, когда мы, вскорѣ послѣ ареста Висленева, говорили съ моимъ отцомъ объ этомъ дѣлѣ. Солидный и честный отецъ мой былъ очень взволнованъ, онъ не запрещалъ мнѣ и теперь выйти за Висленева, но онъ не скрывалъ, что не хотѣлъ бы этого. Онъ говорилъ, что это человекъ съ преступнымъ, ничего не щающимъ легкомысліемъ, и я въ глубинѣ души съ нимъ согласилась, что женщиноу нечего дѣлать съ такимъ человекомъ. Можетъ-быть, это было нѣсколько преувеличено, но вѣчная безнатурность Висленева, сквозь которую, какъ концы сквозь тѣнь, проникали все просьбы, убѣжденія и уроки прошлаго, внушала мнѣ чувство страшной безнадежности. Если бы онъ былъ подверженъ самымъ грубымъ страстямъ и порокамъ, я бы ихъ такъ не страшилась; если бы онъ былъ жестокъ, я бы надѣялась смягчить его; если бы онъ былъ корыстолюбивъ, я бы уповала подавить въ немъ эту страсть; если бы онъ имѣлъ позорныя пристрастія къ вину или къ картамъ, я бы старалась заставить его ихъ возненавидѣть; если бы онъ былъ развратенъ, я бы надѣялась устыдить его; но у него не было брошено

якоря ни во что; опъ тянулся за вѣяніями, его сфера была разладъ, его натура была безнатурность, его характеръ былъ безхарактерность. Его могло пересоздать одно: большое горе, способное вдругъ поднять со дна его души давно недѣйствующія силы. Вся жизнь моя явилась предо мной какъ бы въ одной чапѣ, которую я должна была или бережно донести и выпить на положенномъ мѣстѣ, или расплескать по сорному пути. Я вдругъ перестала быть дѣвухой, жившею въ своихъ мечтахъ и думахъ, и почувствовала себя женщиной, которой нѣчто дано и съ которой, по вѣрѣ моей, нѣчто спросится за гробомъ. (Я всегда вѣрила и вѣрую въ Бога просто, какъ велитъ церковь, и благословляю Провидѣніе за эту вѣру). Внутренній голосъ отвѣчалъ за меня отцу моему, что мнѣ нельзя быть женой Висленева. Внутренній же голосъ (я не могу думать иначе), изъ устъ моего отца, сказалъ мнѣ путь, которымъ я должна была идти, чтобы чѣмъ-нибудь облегчить судьбу того, котораго я все-таки жалѣла.

«Отецъ благословилъ меня на страданія ради избавленія несчастныхъ, выданныхъ мнѣ женихомъ. Это было такъ. Онъ сказалъ: «Не я научу тебя покинуть человѣка въ несчастіи, ты можешь идти за Висленевымъ, но этимъ ты не спасешь его совѣсти и людей, которые ради его гибнутъ. Если ты жалѣешь его — пожалѣй ихъ; если ты женщина и христіанка, поди спаси ихъ, и я... не стану тебя удерживать: я самъ, моими старыми руками, благословляю тебя, и скрой это, и Богъ тебя тогда благословитъ».

«Отецъ не зналъ, въ какія роковыя минуты нравственной борьбы онъ говорилъ мнѣ эти слова, или онъ зналъ болѣе, чѣмъ дано знать нашему чувственному вѣдѣнію. Онъ рисовалъ мнѣ картину бѣдствій и отчаянія семействъ тѣхъ, кого губилъ Висленевъ, и эта картина во всемъ ея ужасѣ огненными чертами напечатлѣлась въ душѣ моей; сердце мое преисполнилось сжимающей жалостью, какой я никогда ни къ кому не ощущала до этой минуты,—жалостью, предъ которою я сама и собственная жизнь моя не стоили въ моихъ глазахъ никакого вниманія, и жажда дѣла, жажда спасенія этихъ людей заклокотала въ душѣ моей съ такою силой, что я цѣлыя сутки не могла имѣть никакихъ другихъ думъ, кромѣ одной: спасти людей ради ихъ самихъ,

ради тѣхъ, кому они дороги, и ради его, совѣсть котораго когда-нибудь будетъ пробуждена къ тяжелому отвѣту. Въ душѣ моей я чувствовала Бога: я никогда не была такъ счастлива, какъ въ эти вѣчно памятные мнѣ минуты, и уже не могла позволить совершиться грозившему несчастью, не употребивъ всѣхъ силъ отворотить его. Тогда я впервые почувствовала, что на мой счетъ заблуждались всѣ, считая меня спокойною и самообладающею; тутъ я увидала, что въ глубинѣ моей души есть лава, которой мнѣ не сдержать, если она вскипитъ и расколется. Я должна была идти спасать ихъ, чужихъ мнѣ по убѣжденіямъ и вовсе мнѣ незнакомыхъ людей: въ этомъ мнѣ показалось *мое призваніе*. Онъ самъ въ своихъ разговорахъ не разъ указывалъ мнѣ путь къ такому служенію, онъ говорилъ о женщинахъ, которыя готовы были отдавать себя самихъ за избранное ими дѣло, а теперь средства къ такому служенію были въ моихъ рукахъ. Я уже сказала, что генераль Синтянинъ, нынѣшній мужъ мой, отъ котораго зависѣло все или, по крайней мѣрѣ, очень многое для этихъ несчастныхъ, искалъ руки моей, и послѣ моего отказа въ ней мстилъ отцу моему. Я была очень недурна собою: мою голову срисовывали художники для своихъ картинъ; извѣстный скульпторъ, проѣздомъ чрезъ нашъ городъ, упротилъ моего отца дозволить ему слѣпить мою руку. Я была очень стройна, свѣжа, имѣла превосходный цвѣтъ лица, веселые большіе голубые глаза и свѣтло-золотистые волосы, доходившіе до моихъ колѣнъ. Души моей генераль не зналъ, и я понимала, что я противъ воли моей внушала ему только одну страсть. Это было ужасно, но я рѣшила воспользоваться этимъ, чтобы совершить мой подвигъ. (Я называю его подвигомъ потому, что генераль Синтянинъ внушалъ мнѣ не только отвращеніе, которое, можетъ-быть, понятно лишь женщинѣ, но онъ возбуждалъ во мнѣ ужасъ, раздѣлявшійся въ то время всѣми знавшими этого человѣка. Онъ былъ вдовъ, и смерть жены его, по общей молвѣ, лежала на его совѣсти). Молодая душа моя возмущалась при одной мысли соединить жизнь мою съ жизнью этого человѣка, но я на это рѣшилась... Предо мной стоялъ Христосъ съ Его великой жертвой, и смятенія мои улегались. Я много молилась о дарованіи мнѣ силы, и она была мнѣ ниспослана.

«Утромъ одного дня, отстоявъ раннюю обѣдню въ одинокомъ храмѣ, я вошла въ домъ генерала, и тутъ со мною случилось даже нѣчто чудесное. Чуть я отворила дверь, вся моя робость и всѣ сомнѣнія мои исчезли; въ груди моей забилось сто сердецъ; я чувствовала, какъ множество незримыхъ рукъ подхватили меня и несли, какъ бы пригибая и сглаживая подъ ногами моими ступени лѣстницы, которою я всходила. Экзальтація моя достигала высочайшей степени: я дѣйствительно ощущала, что меня поддерживаютъ и мною руководятъ извнѣ какія-то невидимыя силы. Ни моя молодость и неопытность, ни прямота моей натуры и большое мое довѣріе къ людямъ, ничто не позволяло мнѣ разсчитывать, что я поведу дѣло такъ ловко, какъ я повела его. Когда я перечитываю библейскую повѣсть о подвигѣ жены изъ Витуліи, мнѣ, конечно, странно ставить себя, тогдашнюю маленькую дѣвочку, возлѣ этой библейской красавицы въ парчѣ и виссонѣ; но я, какъ и она, не забыла даже одѣться къ лицу. Не забываю никакихъ мелочей изъ моихъ экзальтацій этого дня: мнѣ всегдашло все черное, и я приняла это въ расчетъ: я была въ черномъ мериносовомъ платьѣ и черной шляпкѣ, которая отгнѣяла мои свѣтлорусые волосы и давала мнѣ видъ очень красиваго ребенка, но ребенка настойчиваго, своенравнаго и твердаго, не съ дѣтскою силой.

«Я приступила къ дѣлу прямо. Оставшись наединѣ съ Синтянинымъ, я предложила ему купить мое согласіе на бракъ съ нимъ добрымъ дѣломъ, которое заключалось въ облегченіи судьбы Висленева и его участниковъ. Я отдавала все, что было у меня, всю жизнь мою, съ обѣтомъ не нарушить слова и вѣрною дойти до гроба; но я требовала многого, и я теперь еще не знаю, почему я безъ всякихъ опытныхъ совѣтовъ требовала тогда именно того самаго, что было нужно. Я повторяю, что тамъ была не я: въ моей груди кипѣла сотня жизней и билось сто сердецъ, вокругъ меня кипѣлъ какой-то рой чего-то страннаго, меня учили говорить, меня сажали, поднимали, шептали въ уши мнѣ какія-то слова, и въ этомъ чудномъ хаосѣ была, однако, стройность, благодаря которой я все уладила. Остановить дѣло было невозможно, это уже было не во власти Синтянина, но я хотѣла, чтобы поступки и

характеръ Висленева получили свое настоящее опредѣленіе, чтобъ источникомъ его безразсудныхъ дѣлъ было признано его легкомысліе, а не злонамѣренность, и чтобы мнѣ были вручены и при мнѣ уничтожены важнѣйшія изъ компрометировавшихъ его писемъ, а главное, списки лицъ, писанные его рукой. Я не уступала изъ этого ничего; я вела торгъ съ тактомъ, который не перестаетъ изумлять меня и понынѣ. Я была тверда, осторожна и неуступчива, и я выторговала все. Мнѣ помогали моя тогдашняя милость и свѣжесть и оригинальность моего положенія, сдѣлавшая на Синтянина очень сильное впечатлѣніе. Ему именно хотѣлось купить себѣ жену, и онъ купилъ у меня мою руку тою цѣной, какой я хотѣла: любясь мною, онъ далъ мнѣ самой выбрать изъ груды взятыхъ у Висленева бумагъ все, что я признавала наиболѣе компрометирующимъ его и другихъ, и я въ этомъ случаѣ снова обнаружила опытность и осторожность, которую не знаю чему приписать. Все это было сожжено... по сожжено вмѣстѣ съ моею свободой и счастьемъ, которыя я спалила на этомъ огнѣ.

«Я дала слово Синтянину выйти за него замужъ, и сдержала это слово: въ тотъ день, когда было получено свѣдѣніе объ облегченіи участи Висленева, я была обвинена съ генераломъ, при всеобщемъ удивленіи города и даже самихъ моихъ добрыхъ родителей. Это былъ мой первый опытъ скрыть отъ всѣхъ настоящую причину того, что я сдѣлала по побужденіямъ, можетъ-быть, слишкомъ восторженнымъ и, пожалуй, для кого-нибудь и смѣшнымъ, но, надѣюсь, во всякомъ случаѣ не предосудительнымъ и чистымъ. Пришла ли я этимъ пользу и поступила ли осмотрительно и честно, пусть объ этомъ судитъ Богъ и тѣ люди, которымъ жизнь моя будетъ извѣстна во всей ея истинѣ, какъ я ее нынче исповѣдую, помысливъ день смертный и день страшнаго суда, на которомъ обнажатся всѣ совѣсти и обнаружатся всѣ помышленія. Я поступала по разумнѣю моему и неотразимому влеченію тѣхъ чувствъ, которымъ я повиновалась. Долго размышлять мнѣ было некогда, а совѣтоваться не съ кѣмъ, и я спасла какъ умѣла и какъ могла людей, мнѣ чуждыхъ. Болѣе я не скажу ничего въ мое оправданіе, и пусть Всеблагой Богъ да проститъ всѣмъ злословящимъ меня людямъ ихъ кле-

веты, которыми они осыпали меня, пзъясляя поступокъ мой побужденіями суетности и корыстолюбія.

«Случай, устроившій странную судьбу мою, быть-можетъ, совершенно исключительный, но полоса смятеній на Руси еще далеко не прошла: она, можетъ-быть, только едва въ началѣ, и къ тому времени, когда эти строки могутъ попасть въ руки молодой русской дѣвушки, готовящейся быть подругой и матерью, для нея могутъ потребоваться иныя жертвы, болѣе серьезныя и тягостныя, чѣмъ моя скромная и безвѣстная жертва: такой дѣвушкѣ я хотѣла бы сказать два слова, ободряющія и укрѣпляющія силой моего примѣра. Я хочу сказать, что страшныхъ и непереносимыхъ жертвъ нѣтъ, когда несешь ихъ съ сознаниемъ исполненнаго долга. Несмотря на тяжелый во многихъ отношеніяхъ путь, на который я ступила, я никогда не чувствовала себя на немъ несчастною свыше моихъ силъ. Въ пожертвованіи себя благу другихъ есть такое неописанное счастье, которое даритъ спокойствіе среди всѣхъ нравственныхъ пытокъ и мученій. А каждое усиліе надъ собою даетъ душѣ новыя силы, которымъ наконецъ самъ удивляешься. Пусть мнѣ въ этомъ повѣрять. Я опытомъ убѣждена и свидѣтельствую, что человѣкъ, разъ твердо и непреклонно рѣшившійся восторжествовать надъ своею землею природою и ея слабостями, получаетъ неожиданную помощь оттуда, откуда онъ ждалъ ея, и помощь эта бываетъ велика и могуча, и при ней душа крѣпнеть и закаляется до того, что ей уже нѣтъ страховъ и смятеній. Жизнь моя прошла не безъ тревогъ. Я отдала мужу моему все, что могла отдать, кромѣ того, чего у меня для него не было: я всегда была вѣрна ему, всегда заботилась о домѣ, о его дочери и его собственномъ покоѣ, но я никогда не любила его и, къ сожалѣнію, я не всегда могла скрыть это. Настолько душа и воля всегда оказывались безвластными надъ моею натурою. Въ первые годы моего замужества это было поводомъ къ большимъ неприятностямъ и сценамъ, изъ которыхъ одна угрожала трагической развязкой. Мужъ, приписывая мою къ нему холодность другому чувству, угрожалъ застрѣлить меня. Это было зимой, вечеромъ; мы были одни при закрытыхъ окнахъ и дверяхъ,—спастись мнѣ было невозможно, да я, впрочемъ, и сама не захотѣла спастись. Жизнь никогда не казалась мнѣ особенно дорогою и милою,

а тогда она потеряла для меня всякую цѣну, и я встрѣтила бы смерть, какъ высочайшее благо. Желаніе окончить съ моимъ существованіемъ минутами было во мнѣ такъ сильно, что я даже рада была бы смерти, и потому, когда мужъ хотѣлъ убить меня, я, не укрощая его бѣшенства, скрестила на груди руки и стала предъ пистолетомъ, который онъ взялъ въ своемъ азартѣ. Но въ это мгновеніе изъ двери вырвалась моя глухонѣмая падчерица Вѣра и, заслонивъ грудь мою своею головою, издала столь страшный и неспянный звукъ, что отецъ ея выронилъ изъ рукъ пистолетъ и, упавъ предо мною на колѣни, началъ просить меня о прощеніи. Съ тѣхъ поръ я свободна отъ всякихъ упрековъ и не встрѣчала ничего, за что могла бы жаловаться на судьбу мою. Я любима людьми, которыхъ люблю сама; я пользуюсь не только полнымъ довѣріемъ, но и полнымъ уваженіемъ моего мужа и, несмотря на клеветы насчетъ причинъ моего выхода за Синтянина, теперь я почти счастлива... Я была бы почти счастлива, совершая долгъ свой, если бы... я могла *уважать* моего мужа. Людскія укоризны меня порой тяготятъ, но не надолго. Поэтъ говоритъ: «кто все перевѣдалъ, тотъ все людямъ простилъ». Живя на свѣтѣ, я убѣдилась, что я была не права, считая безнатурнымъ одного Висленева; предо мною вскрылись съ этой же стороны очень много людей, за которыхъ мнѣ приходилось краснѣть. Все надо простить, все надо простить, иначе нельзя найти мира со своей совѣстью. Тайны моей не знаетъ никто, кромѣ моего мужа, но къ разгадкѣ ея нѣсколько приближались мать Висленева и другъ мой Катерина Форова: онѣ рѣшили, что я вышла замужъ за Синтянина изъ-за того, чтобы спасти Висленева!.. Бѣдные друзья мои! Онѣ считаютъ это возможнымъ и онѣ думаютъ, что я могла бы это сдѣлать! Онѣ полагаютъ, что я не поняла бы, что такую жертвой нельзя спасти человѣка, если онъ дѣйствительно любить и любилъ, а напротивъ, можно только погубить его и уронить себя! Нѣтъ, если бы дѣло шло о немъ одномъ, я скорѣе бы понесла за нимъ его арестантскую суму, но не разбила бы его сердца! Какая Сибирь и какая каторга можетъ сравниться съ горемъ измѣны? Какія муки тяжелѣе и ужаснѣе нестерпимыхъ мученій ревности? Я знаю эту змѣю... Нѣтъ! Я отдала себя за людей, которыхъ я никогда не знала и которые никогда

не узнають о моемъ существованіи. Вслепеву не принадлежитъ болѣе ни одной капли моей любви: я полна къ нему только одного сожалѣнія, какъ къ падшему человѣку. Онъ не любилъ меня, *онъ уступалъ меня свободѣ*, и я потеряла любовь къ нему за это оскорбленіе! Эта уступка меня моей свободѣ вычеркнула его изъ моего сердца разъ и навсегда и безъ возврата. Скажу болѣе: ревность мужа я вспоминаю гораздо спокойнѣе, чѣмъ эту постыдную любовь. Я чувствую и знаю, что могла снести всѣ оскорбленія лично мнѣ, но не могла стерпѣть оскорбленій моего чувства. Это дѣло выше моихъ силъ. Затѣмъ обязательства вѣрности моему мужу я несу и, конечно, донесу до гроба ненарушимыми, хотя судьбѣ было угодно и здѣсь послать мнѣ тяжкое испытаніе: я встрѣтила человѣка, достойнаго самой нѣжной привязанности, и... противъ всѣхъ моихъ усилій, я давно люблю его. Это случилось, повторяю, противъ моей воли, моихъ желаній и усилій не питать къ нему ничего исключительнаго, но... Богъ милосердъ: онъ любитъ другую, годы мои уже уходятъ, и я усерднѣе всѣхъ помогаю любви его къ другой женщинѣ. Все нарушеніе обѣта, даннаго мною моему мужу, заключается въ одномъ, и я этого не скрою: во мнѣ... съ той роковой поры, какъ я люблю... живеть неодолимое упованіе, что этотъ человѣкъ будетъ мой, а я его... Я гоню отъ себя эту мысль, но она, какъ тѣнь моя, со мной неразлучна, но я дѣлаю все, чтобъ ей не было возлѣ меня мѣста. О томъ, что я люблю его, онъ не знаетъ ничего и никогда ничего не узнаетъ».

Въ эту минуту Вѣра во снѣ разсмѣялась и за стѣной какъ бы снова послышался шорохъ.

Александра Ивановна вздрогнула, но тотчасъ же оправилась, подписала свое писанье, запечатала его въ большой конвертъ и подписала:

«Духовный отецъ мой, священникъ Евангелъ Минервинъ, возьметъ этотъ конвертъ къ себѣ и вскроетъ его при друзьяхъ моихъ послѣ моей смерти и послѣ смерти моего мужа».

Окопчивъ эту надпись, Сиятяпина заперла конвертъ въ ящикъ-п, облокотясь на комодъ, стала у него и задумалась.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Ходить сонъ и дрема говорить.

Луна уже блекла и синѣла, наступала предразсвѣтная пора, былъ второй часъ за полночь. Лампа на столѣ выгорѣла и стухла. Синтинина все стояла на одномъ и томъ же мѣстѣ.

«Все это кончится,—думала она:—онъ женится на Ларѣ, и тогда...» — Она задрожала и, хрустнувъ хладѣющими руками, прошептала: «О, Боже, Боже! И еще я же сама должна этому помогать... по вѣдь я тоже человѣкъ, въ моей душѣ тоже есть ревность, есть эти страшные порывы къ жизни. Неужто мало я страдала? Неужто... О, нѣтъ! Избавь, избавь меня отъ этого, Создатель! Пускай, когда я сплю, мнѣ и во снѣ снится счастье. Все кончено! Зачѣмъ эти тревоги? Я жизнь свою сожгла и лучше мнѣ забыть о всемъ, что думалось прошедшею порой. Чего мнѣ ждать? Ко мнѣ не можетъ прилетѣть ужъ вѣстникъ радости, или онъ будетъ.. вѣстникъ смерти... Его я жду и встрѣчу и уйду за нимъ... Туда, гдѣ ангелы, гдѣ мученица Флора».

И въ умѣ Александры Ивановны потянулась долгая, тупая пауза, онъ словно уснулъ, свободный отъ всѣхъ тревоженій; память, уставъ работать, легла какъ занавѣсъ, сокрывшій отъ зрителя опустѣлую сцену, и возобладавшій духъ ея унесся и виталъ въ безмятежныхъ сферахъ. Это прекрасное, легкое состояніе, непосылаемое какъ бы въ ослабу души, длилось долго: свѣжій вѣтеръ предосенняго утра плылъ ровнымъ потокомъ въ окно и ласково шевелилъ распущенной косой Синтининой, цѣловалъ ея чистыя щеки и убаюкивалъ ее тихимъ свистомъ, проходя сквозь пазы растворенной рамы. Природа дышала. И вотъ вздохъ одинъ глубже другого: рама встряхнулась на петляхъ, задрожало стекло, словно кому-то тѣсно, словно кто-то спѣшитъ на свиданье, вотъ даже кто-то ворвался, вотъ сзади Синтининой послышался электрическій трескъ и за спиной у нея что-то блеснуло и все освѣтилось свѣтло-голубымъ пламенемъ.

Александра Ивановна обернулась и увидала, что на полу, возлѣ шлейфа ея платья, горѣла спичка.

Генеральна сообразила, что она, вѣрно, зажгла спичку, наступивъ на нее, и быстро отбросила ее отъ себя дальше ногой; но чуть лишь блеснуло на полетѣ этотъ слабый

огонь, она съ ужасомъ ясно увидѣла очень странную вещь: скрытый портретъ Флоры, съ выколотыми глазами, тихо спускался изъ-подъ кутавшей его занавѣсы и, качаясь съ угла на уголъ, шелъ къ ней...

— Нить, Флора, не надо, не надо, уйди! — вскрикнула Синтянина, быстро кинувшись въ испугъ въ противоположный уголъ, и тотчасъ же сама устыдилась своего страха и крика.

«Можетъ-быть, ничего этого и не было и мнѣ только показалось, а я, между тѣмъ, подняла такой шумъ?» — подумала она, оправляясь.

Но между тѣмъ, должно-быть, что-то было, потому что въ спальнѣ снова послышалось чорканье спички, и два удара косточкой тонкаго пальчика по столу возвѣстили, что Вѣра не спитъ.

Александра Ивановна оборотилась и увидѣла трепещущій свѣтъ; Вѣра сидѣла въ постели и зажигала спичкой свѣчу.

— Не она ли и минуту тому назадъ зажгла и бросила спичку? Я, забывшись, могла и не слышать этого, но... Господи! портретъ, дѣйствительно, стоитъ предъ столомъ! Онъ дѣйствительно сошелъ со стѣны и... *онъ шелъ*, но онъ остановился!

Синтянина остолбенѣла и не трогалась.

Вѣра взяла въ руки портретъ и позвала мачиху.

— Зачѣмъ ты ее такъ оскорбила? — спросила она своими знаками генеральшу. — Это не хорошо, смотри, она тобой теперь огорчена.

Александра Ивановна вздрогнула, сдѣлала два шага къ Вѣрѣ и, торопливо озираясь, сказала рукой:

— Куда ты заставляешь меня смотрѣть?

— Назадъ.

— Чего?.. Кто тамъ? скажи мнѣ: я робѣю...

— Гляди!.. Она оскорблена... Зачѣмъ ее бояться?

— Не пугай меня, Вѣра! Я сегодня больна! Я никого не оскорбила.

Но дѣвочка все острѣй и острѣй глядѣла въ одну точку и не обращала вниманія на послѣднія мачихины слова.

— Гляди, гляди! — показывала она, ведя пальцемъ руки по воздуху.

— Ахъ, отстань, Вѣра!.. Не пугай!

— Я не пугаю!.. Я не пугаю... Она здѣсь... ты тихо, тихо стой... вотъ, вотъ... не трогайся... не шевелись... она идетъ къ тебѣ... она возлѣ тебя...

— Оставь, прошу тебя, оставь, — шептала генеральша, растерявшись, стыня отъ внезапно охватившаго ее холоднаго тока.

— Какая добрая!—продолжала сообщать Вѣра, и вдругъ, задыхаясь, схватила мачиху за руку и сказала:

— Бери, бери скорѣй... она тебѣ даетъ... Ахъ, ты, неловкая!.. теперь упало!

И въ это же мгновеніе по полу дѣйствительно что-то стукнуло и покатилося.

Александра Ивановна оглянулась вокругъ и не видѣла ничего, что бы могло причинить этотъ стукъ, но Вѣра скользнула подъ столъ, и Синтянина ощутила на пальцѣ своей опущенной руки холодное кольцо.

Она подняла руку: да; ей это не казалось, — это было дѣйствительно настоящее кольцо, ровное, простое золотое кольцо.

Изумленію ея не было мѣры. Она торопливо взяла это кольцо и посмотрѣла внутрь: видно было, что здѣсь когда-то была вырѣзана надпись, но потомъ сдарапана ножомъ и тщательно затерта.

— Откуда же оно взялось?

Вѣра тихо указала ей пальцемъ на уголь протертаго полотна въ портретѣ: тутъ теперь была прорѣха и съ испода значокъ отъ долго здѣсь лежавшаго кольца.

Синтянина пожала плечами и, глядя на Вѣру, которая вѣшала на мѣсто портретъ, безотчетно опять надѣла себѣ на палець кольцо.

— Второй разъ поздравляю тебя!—сказала, прыгнувъ ей на шею, Вѣра и поцѣловала мачиху въ лобъ.

Александра Ивановна замахала руками и хотѣла сбросить кольцо; но Вѣра ее остановила за руку и погрозила пальцемъ.

— Это нельзя!—сказала она: —этого никакъ нельзя! никакъ нельзя!

И съ этимъ дѣвочка погасила свѣчу, чему Синтянина была, впрочемъ, несказанно рада, потому что иски ся алѣли предательскимъ, яркимъ румянцемъ, и она была такъ сконфужена и взволнована, что не въ силахъ была сдѣлать ни-

чего много, какъ добрести до кровати и, упавъ головой на подушки, заллакала слезами безпричинными, безотчетными, въ которыхъ и радость, и горе были смѣшаны вмѣстѣ и вмѣстѣ лились на свободу.

«Нѣтъ; тутъ вокругъ насъ гнѣздятся какія-то чары,— думала она, засыпая.— Въ мою жизнь... мѣшается кто-то такой, про кого не снилось земнымъ мудрецамъ... или я мѣшаюсь въ умѣ! О, ангель мой! О, страдалица Флора! молись за меня! Зачѣмъ еще мнѣ жить... жить хочется!»

— И надо.

Молодая женщина вздрогнула и накрыла голову подушкой, чтобы ничего не слышать.

А сонъ все ходитъ вокругъ и дремá все ползеть подъ подушку и шепчетъ: «жить надо! непременно надо!»

Коварный сонъ, ехидная дремá!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Черный день.

Утро освѣтило Александру Ивановну во снѣ, продлившемся гораздо долѣе обыкновеннаго. Она спала сладко, дышала полно, уста ея улыбались и щеки горѣли яркимъ румянцемъ. Въ такомъ положеніи застала ее Вѣра, вставшая, по обыкновенію своему, очень рано и къ этой порѣ уже возвратившаяся съ своей далекой утренней прогулки. Она подошла къ матицѣ, посмотрѣла на нее и, поставивъ у изголовья генеральши стаканъ молока, провела по ея горячей щекѣ свѣжею озерною лиліей. Холодный, густой и клейкій сокъ выбѣжалъ изъ чашки цвѣтка и крушными, тяжелыми, какъ ртуть, каплями скатился по гладкой кожѣ.

Синтянина открыла глаза и, увидавъ улыбающееся лицо падчерицы, сама отвѣчала ей ласковою улыбкой.

— Ты хорошо спала,— сказала ей своєю ручною азбукой дѣвушка.— Вставай, пора; довольно спать, пора проснуться.

Синтянина оперлась на локоть и, заглянувъ чрезъ дверь на залитую солнцемъ залу, вдругъ безпричинно встревожилась.

Она еще разъ посмотрѣла на Вѣру, еще разъ взглянула на солнечный свѣтъ, и они оба показались ей странными: въ косыхъ лучахъ солнца было что-то зловѣщее, въ нихъ какъ-будто что-то млѣло и тряслось.

Бываетъ такой страшный свѣтъ: онъ гонитъ прочь покой нервозныхъ душъ и наполняетъ тяжкими предчувствіями душу.

Спокойное и даже пріятное расположеніе духа, которымъ Александра Ивановна наслаждалась во снѣ, мгновенно ее оставило и замѣнилось тревожною тоской.

Она умылась, убрала наскоро голову и сѣла къ поданному ей стакану молока; но только - что поднесла его ко рту, какъ глаза ея остановились на кольцѣ, и сердце вдругъ упало и замерло.

Необыкновеннаго ничего не было: она только вспомнила про кольцо, которое ей такъ странно досталось, да въ эту же секунду калитка стукнула немножко громче обыкновеннаго. Болѣе ничего не было, но Александра Ивановна встревожилась, толкнула отъ себя стаканъ и бросилась бѣгомъ къ окну.

По двору шла Форова; но какъ она шла и въ какомъ представилась она видѣ? Измятая шляпка ея была на боку, платье на груди застегнуто наперекось, въ одной рукѣ длинная, сухая, вѣтвистая хворостина, другою локтемъ она прижимала къ себѣ худой коленкоровый зонтикъ и тащила за собою, рукавами внизъ, свое рыжее драповое пальто.

Она шла скоро, какъ летѣла, и вела по окнамъ острыми глазами.

— О, Боже мой! — воскликнула при этомъ видѣ Синянина и, растворивъ съ размаху окно, закричала:—Что сдѣлалось... несчастье?

— Гибель, а не простое несчастье!—проговорила на бѣгу дрожащими губами Форова.

— О, говори скорѣй и сразу!—крикнула, рванувшись навстрѣчу къ ней, Синянина.—Скорѣй и сразу!

— Подозеровъ убиты! — отвѣчала Катерина Астафьевна, бросая въ сторону свою хворостину, зонтикъ и пальто и сама падая въ кресло.

Генеральша взвизгнула, взялась за сердце и, отыскавъ дрожащею рукой спинку стула, тихо на него сѣла. Она была блѣдна какъ платъ и смотрѣла въ глаза Форовой. Катерина Астафьевна, тяжело дыша, сидѣла предъ нею съ лицомъ, покрытымъ пылью и полузавѣщеннымъ прядями сѣдыхъ волосъ.

— Что-жъ дальше? Говори: я знаю, за что́ это, и я все снесу!—шептала генеральша.

— Дай мнѣ скорѣй воды, и умираю жаждой.

Синтянина ей подала воды и приняла назадъ изъ рукъ ея пустой стаканъ.

— Твой мужъ...

— Ну да, ну что-жъ мой мужъ?.. Скорѣй, скорѣй!

— Ударь, и пуля въ старой ранѣ опустилась книзу.

Стаканъ упалъ изъ рукъ Синтяниной и покатился по полу.

— Оба! — проговорила она и, обхвативъ голову руками, заплакала.

— Какъ былъ убитъ Подозеровъ и... что это такое,—заговорила, крихтя и съ остановками, Форова:—я этого не знаю... Ни отъ кого нельзя... добиться толку.

— Дуэль! Я такъ и думала,—прошептала генеральша:—я это чувствовала, но... меня обманули.

— Нѣтъ... Форовъ... говоритъ убійство... Весь городъ... мечется... ѡбжигъ туда... А твой Иванъ Демьянычъ... всталъ нынче утромъ... былъ здоровъ и... вдругъ пакетъ изъ Петербурга... ему совѣтуютъ подать въ отставку!

— Ну, ну же, Бога ради!

— За несмотрѣніе... за слабость... за моего Форова съ отцомъ Евангеломъ... будто они гордановскихъ мужиковъ мутили. Иванъ Демьянычъ какъ прочиталъ... такъ и покатился безъ языка.

— Скорѣй же ѣдем!—и Александра Ивановна, накинувъ на себя сѣрый суконный платокъ, схватила за руку Вѣру и бросилась къ двери.

Форова едва плелась и не поспѣвала за нею.

— Ты на чемъ приѣхала сюда?—оборотилась къ ней Синтянина.

— Все на твоей же лошади и... въ твоей же карафашкѣ.

— Такъ ѣдемъ.

И Александра Ивановна, выбѣжавъ за ворота, вспрыгнула въ телѣжку, втянула за собой Форову и Вѣру, и, повернувъ лошадь, погнала вскачь къ городу.

Дорогой никто изъ нихъ не говорилъ другъ съ другомъ ни о чемъ, но, переѣхавъ бродъ, Катерина Астафьевна вдругъ вскрикнула благимъ матомъ и потянулась въ бокъ съ телѣжки.

Синтянина едва удержала ее за руку, и тутъ увидала,

что въ нѣсколькихъ шагахъ предъ ними, на тряскихъ извозчичьихъ дрожкахъ ѣхалъ майоръ Форовъ въ сопровожденіи обнимавшаго его квартальнаго.

— Мой Форовъ! Форовъ!—неистово закричала Катерина Астафьевна, между тѣмъ какъ Синтянина опять пустила лошадь вскачь, а Филетеръ Ивановичъ вырвалъ у своего извозчика вожжи и осадилъ коня, задравъ ему голову до самой дуги.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Форовъ дѣлается Макаромъ, на котораго сыплются шишки.

Коренастый майоръ не только по виду былъ совершенно спокоенъ, но его и въ самомъ дѣлѣ ничто не беспокоило; онъ былъ въ томъ же своемъ партикулярномъ сюртукѣ безъ одной пуговицы; въ той же черной шелковой, доверху застегнутой жилеткѣ; въ военной фуражкѣ съ кокардой, и съ толстою крученою папирской.

— Торочка моя! Тора! Чего ты, глупая баба, плачешь?—заговорилъ онъ самымъ задушевнымъ голосомъ, оборотаясь на дрожкахъ къ женѣ.

— Куда?.. Куда тебя везутъ?

— Куда? А чортъ ихъ знаетъ, по началству,—пошутить онъ, по обыкновенію, выпуская букву ъ въ словѣ «начальство».

— Поди сюда скорѣй ко мнѣ? Поди, мой Форовъ!

— Сейчасъ, — отвѣтилъ майоръ, и съ этимъ повернулся по-медвѣжьи на дрожкахъ.

Полицейскій его остановилъ и сказалъ, что этого нельзя.

— Чего нельзя? — огрызнулся майоръ. — Вы еще не знаете, что я хочу дѣлать, а ужъ говорите нельзя. Учитесь прежде разуму, а послѣ говорите!

И съ этимъ онъ прыгнулъ съ извозчика и подбѣжалъ къ женѣ.

— Чего ты, моя дурочка, перепугалась? Пустое дѣло: спрось и больше ничего... Я скоро ворочусь... и банники тебѣ принесу.

Катерина Астафьевна ничего не могла проговорить и только манила его къ себѣ ближе и ближе, и когда майоръ придвинулся къ ней и сталъ на колесо телѣжки ногой, она обняла лѣвою рукой его голову, а правую схватила его

руку, прижала ее къ своимъ запекшимся губамъ и вдругъ погнулась и упала совсѣмъ на его сторону.

— Вотъ еще горе! Ей сдѣлалось дурно! Фу, какая гадость!—сказаль майоръ Синтяниной и, оборотаясь къ квартальному, проговорилъ гораздо громче:— Прошу васъ дать воды моей женѣ, ей дурно!

— Я не обязанъ.

— Что?—крикнуль азартно Форовъ:—вы врете! Вы обязаны дать больному помощь!—и тотчасъ же, оборотаясь къ двумъ проходящимъ солдатамъ, сказалъ:

— Ребята, скачите въ первый дворъ и вынесите скорѣй стаканъ воды: съ майоршей обморокъ!

Солдатики оба бросились бѣгомъ и скоро возвратились съ ковшомъ воды.

Синтянина стала мочить Катеринѣ Астафьевнѣ голову и прыскать ей лицо, а майоръ снова обратился къ квартальному, который въ это время сошелъ съ дрожекъ и стоялъ у него за спиной.

— Васъ бы надо по старому поучить вашимъ обязанностямъ.

— Я васъ прошу садиться и ѣхать со мной,—настаиваль квартальный.

— А я не поѣду, пока не провожу жену и не увижу ее дома, мой домъ отсюда въ двухъ шагахъ.

Занятая Форовой, Синтянина не замѣчала, что предъ нею разгоралась опасная сцена, способная приумножить вины майора. Она обратила на это вниманіе уже тогда, когда увидала Филетера Ивановича впереди своей лошади, которую майоръ тянулъ подъ-узды къ воротамъ своего дома, между тѣмъ какъ квартальный заступалъ ему дорогу.

Вокругъ уже была толпа зрителей всякаго сорта.

— Прочь! — кричалъ Форовъ. — Не выводите меня изъ терпѣнія. Законъ больныхъ падить, и государственнымъ преступникамъ теперь разрѣшаютъ быть при больной женѣ.

— Васъ вице-губернаторъ ждетъ,—напираль на него квартальный, начиная касаться его руки.

— Пусть чортъ бы ждалъ меня, не только вашъ вице-губернаторъ. Я не оставлю среди улицы мою жену, когда она больна.

— А я вамъ не позволю,—и квартальный, ободряемый массой свидѣтелей, взялъ Форова за руку.

Майоръ побѣлѣлъ и гаркнулъ: прочь! такимъ яростнымъ голосомъ, что народъ отступилъ.

— Отойдите прочь!.. Не троньте меня!

Квартальный держалъ за руку Форова и озирался, но въ это мгновеніе черный рукавъ майорскаго сюртука неожиданно описалъ полукругъ, и квартальный пошатнулся и отлетѣлъ на пять шаговъ отъ нанесеннаго ему удара.

Квартальный крикнулъ и кинулся въ толпу, которая, въ свою очередь, шарахнулась отъ него и захохотала.

Уличная сцена окрашивалась въ свои вѣковѣчныя грязныя краски, но, къ счастью генеральши, занятая безчувственною Форовой, она не все здѣсь видѣла и еще того менѣе понимала.

Освобождаясь отъ полицейскаго, майоръ сдѣлалъ знакъ Александрѣ Ивановнѣ, чтобъ она крѣпче держала его больную жену, а самъ тихо и осторожно подвелъ лошадь къ воротамъ своего дома, который дѣйствительно былъ всего въ двадцати шагахъ отъ мѣста свалки.

Ворота Форовскаго дома не отворялись: они были забиты наглухо и во дворъ было невозможно вѣхаться. Катерину Астафьевну приходилось снести на рукахъ, и Форовъ исполнилъ это вмѣстѣ съ тѣми же двумя солдатами, которые прислужились ему водой.

Тихо, осторожно и ловко, съ опытностію людей, пережившихъ раненыхъ, они внесли недышащую Катерину Астафьевну въ ея спальню и положили на кровать.

Синягина была въ больномъ затрудненіи, и затрудненіе ея съ каждою минутой все возрастало, потому что съ каждою минутой опасность увеличивалась разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ она хотѣла бы быть и куда влечь ее ея прямой долгъ, но Форова была бездыханна, и при ея кипучей душѣ и незнающихъ удержи нервахъ, ей грозила большая опасность.

Генеральша, скрѣпя сердце, ринулась къ больной, растегнула ей платье и стала тереть ей укусомъ лобъ, виски, грудь, а въ это же время скороговоркой разсиранивала Форова о происшедшемъ.

— За что они дрались?

— Ну, это все послѣ, послѣ,—отвѣчалъ майоръ.

— Но во всякомъ случаѣ это была дуэль?

— Нѣтъ; не дуэль—убійство!

— Прошу васъ говорить яснѣй.

— Это было убійство... самое подлое, самое предательское убійство.

— Но кто же убилъ?

— Мерзавцы! Развѣ вы не видите, кто на все способенъ? Вѣдь за все, бездѣльники, берутся, даже ужъ въ спириты лѣзутъ: ни отъ чего отказа, и изъ всего выходятъ цѣлы.

— Подозеровъ наповаль убить?

— Пулей въ грудь, подъ пятое ребро, навyleтъ въ спину, но полчаса тому назадъ, когда я отъ него вышелъ, онъ еще дышалъ.

Синтянина благодарно перекрестилась.

— Но все равно,—махнулъ рукой майоръ:—рана мертвая.

— И онъ теперь одинъ?

— Иѣтъ, тамъ осталась Лариса.

— Лариса тамъ? Что же съ нею, бѣдной?

Форовъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Что съ ней? Рветъ волосы, реветъ и, стоя на колѣняхъ въ ногахъ его постели, мѣшаетъ фельднеру.

— А Гордановъ?

— Раненъ въ пятку.

— Да время-ль теперь для шутокъ, Филетеръ Ивановичъ?

— Я не шучу-сь. Гордановъ раненъ въ пятку.

— Значить, Подозеровъ стрѣлялъ?

— Нимало.

Майоръ оглянулся и, увидавъ у двери снова появившагося кваргальнаго, прошепталъ на ухо генеральшѣ:

— Эту пулю ему, подлецу, я засадилъ.

— Господи! что-жъ это такое у васъ было?

— Ну, что это было? Ничего не было. Послѣ узнаете: видите вонъ штаха-квартиха торчитъ и слушаетъ, а вотъ и, слава Богу, Торочка оживаетъ!—молвилъ онъ, замѣтивъ дрожаніе вѣкъ у жены.

— Это была бойня! — простонала, едва открывая свои глаза, Форова.

— Ну, Торочка, я и въ походъ...—заторопился майоръ и поцѣловалъ женину руку.

Катерина Астафьевна смотрѣла на него безъ всякаго выраженія.

— И я, и я тебя оставлю, Катя, рванулась Синтянина.

— Иди... по... попроси... ты за него... Ты генеральша... тебя всё примутъ...

— Ничего не надо,—отказался Форовъ.

И они съ Синтяниной вышли.

— Меня арестуютъ,—заговорилъ онъ, идучи по двору:— дуэль, плевать, три пятницы молока не вѣсть: а вы...знайте-съ, что попъ Евангель уже арестованъ, и мы смутьяны... въ бунтѣ виноваты!.. Такъ вы, когда будетъ можно... позаботьтесь о ней... о Торочкѣ.

— Ахъ, Боже! разомъ столько требующихъ заботъ, что не знаешь куда обернуться! Но не падайте же и вы духомъ, Филетеръ Иванычъ!

— Изъ-за чего же? вѣдь два раза не повѣсятъ.

— Все Богъ устроить; а теперь молитесь Ему о крѣпости душевной.

— Да зачѣмъ Его и беспокоить такую малостью? Я исполнилъ свой долгъ, сдѣлалъ, что мнѣ слѣдовало сдѣлать, и буду крѣпокъ...—А вонъ, глядите-ка!—воскликнулъ онъ въ калиткѣ, увидя нѣсколькихъ полицейскихъ, несшихся взадъ и впередъ на извозчикахъ.—Все курьеры, сорокъ пять тысячъ курьеровъ; а когда, подлецы, втихомолку мутятъ да каверзятъ, тогда ни одного протоканальи нигдѣ не видать... Садись! — заключилъ онъ, грубо крикнувъ на квартальнаго.

Но квартальный оборотился къ Синтяниной съ просьбой быть свидѣтельницей, что Форовъ его ударилъ.

— Ахъ, идите вы себѣ, пожалуйста! Какое мнѣ до васъ дѣло,—отвѣчала, вспрыгнувъ въ телѣжку, Синтянина и, горя нетерпѣніемъ, шибко поѣхала къ своему дому.

— А ты, любезный, значить не знаешь китайскаго правила: «чинъ чина почитай»? Ты смѣешь просить генеральшу? Такъ вотъ же тебѣ за это наука!

И съ этимъ Форовъ сѣлъ самъ на дрожки, а квартальнаго поставилъ въ ноги между собой и извозчикомъ и повезъ его, утѣшая, что онъ такъ всѣмъ гораздо виднѣе и пригляднѣе.

Обгоняя Синтянину, Форовъ кивнулъ ей весело фуражкой.

— Ахъ, твори Богъ Свою волю!—прошентала генеральша, глядя вслѣдъ удалявшемуся Форову и еще нетерпѣливѣе погоняя лошадь къ дому.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Нѣсколько строкъ для объясненія дѣла.

Положеніе дѣлъ нашей исторіи, дозволяющее заключить эту часть романа рассказанными событіями, можетъ возбудить въ комъ-нибудь изъ нашихъ читателей желаніе немедленно знать нѣсколько болѣе, чѣмъ сколько подневольное положеніе майора Форова дозволило ему открыть генеральшѣ Синтяниной.

Какъ изъ дуэли вышла совсѣмъ не дуэль, а убійство, и почему Форовъ стрѣлялъ Горданову, какъ онъ выразился, въ пятку?

Мы имѣемъ возможность удовлетворить этому желанію, не рискуя такимъ образомъ предупредить событія въ предстоящемъ имъ развитіи, и спѣшимъ служить этою возможностью лицамъ, заинтересованнымъ судьбой нашихъ героевъ.

Послѣ того какъ Филстеръ Ивановичъ Форовъ разставилъ дуэлистовъ на мѣстѣ и, педантически исполняя всѣ обычаи поединка, еще разъ предложилъ имъ примириться, ни Гордановъ, ни Подозеровъ не отвѣтили ему ни слова.

— За что я долженъ принять ваше молчаніе? — освѣдомился Форовъ.

— Пусть онъ проситъ прощенія, — отвѣчалъ Гордановъ хладнокровно, цѣля въ одинокую бѣлую березку.

— Я васъ прошу, распоряжайтесь скорѣй стрѣлять! — проговорилъ едва слышно Подозеровъ.

Форовъ ничего иного и не ожидалъ.

— Извольте же готовиться! — сказалъ онъ громко и, сдѣлавъ шагъ къ Подозерову, шепнулъ: куражь, куражь! и стойте больше правымъ бокомъ... Смотрите, онъ, каналья, какъ стоитъ. Ну, защити Богъ праваго!

Подозеровъ молча кивалъ въ знакъ согласія головой, но онъ ничего не слышалъ. Онъ думалъ совсѣмъ о другомъ. Онъ припоминалъ *ее*, какую *она* вчера была въ осинникѣ и... покраснѣлъ отъ мысли, что она его любитъ.

— Неужто это такъ?.. но кажется... да.

Умирать съ *такою* увѣренностью въ любви *такой* женщины, какъ генеральша, и умирать въ высочайшую минуту, когда это счастье только-что создано и ничѣмъ не омрачено — это казалось Подозерову благодатью, незаслуженно заключающей всю его жизнь прекрасной страницей.

Онъ послалъ благословеніе ей за эту смерть; вспомнилъ о Богѣ, но не послалъ Ему ни просьбъ, ни воздыханія, и началъ обѣими руками поднимать пистолетъ, наводя его на Горданова какъ пушку.

Такой пріемъ съ оружіемъ не обѣщаль ничего добраго дуэлисту, и Форовъ это понималъ, но дѣлать было уже нечего, останавливаться было не время, да и Андрей Ивановичъ, очевидно, не могъ быть инымъ, какимъ онъ былъ теперь.

— Извольте же!—возгласилъ еще разъ Форовъ и, оглянувшись на высматривавшаго изъ-за куста Висленева, сталъ немного въ сторонѣ, на половинѣ разстоянія между поединщиками.—Я буду говорить теперь вамъ: разъ, и два, и три, и вы по слову «три» каждый спустите курокъ.

— Ладно, — отвѣчалъ, надвинувъ на лобъ козырекъ фуражки, Гордановъ.

Подозеровъ молчалъ и держалъ свою пушку предъ противникомъ, повидимому, не желая глядѣть ему въ лицо.

— Теперь я начинаю,—молвилъ майоръ, и точно фотографъ, снимающій шапочку съ камерной трубы, далъ шагъ назадъ и, выдвинувъ впередъ руку съ синимъ бумажнымъ платкомъ, громко и протяжно скомандовалъ: р-а-зъ, д-в-а и... Выстрѣлъ грянулъ.

Пистолетъ Горданова дымился, а Подозеровъ лежалъ навзничь и трепеталъ, какъ крылами трепещетъ подстрѣленная птица.

— Подлецъ!—заревѣлъ ошеломленный майоръ: — я говорилъ, что тебѣ быть отъ меня битымъ!—и онъ, однимъ прыжкомъ достигнувъ Горданова, ударилъ его по щекѣ, такъ что тотъ зашатался.—Секундантъ трусь! Ставьте на мѣсто убійцу, выстрѣлъ убитаго теперь мой.

И съ этимъ майоръ подбѣжалъ къ лежащему на землѣ Подозерову и схватилъ его пистолетъ, но Горданова уже не было на мѣстѣ: онъ и Висленевъ бѣжали рядомъ по полянѣ.

— А! такъ вотъ вы какъ! презрѣнная мразь!—воскликнулъ майоръ и выстрѣлилъ.

Бѣглецы оба упали: Гордановъ отъ раны въ пятку, а Висленевъ за компанію отъ страха. Черезъ минуту они, впрочемъ, также оба вмѣстѣ встали, и Висленевъ, подставивъ свое плечо подъ мышку Горданова, обнялъ его и потащилъ къ оставленному подъ горой извозчику.

Форовъ остался одинъ надъ Подозеровымъ, который слабо хрипѣлъ и у котораго при каждомъ незамѣтномъ вздохѣ выступало на жилетѣ все болѣе и болѣе крови.

Майоръ разстегнулъ жилетъ Андрея Ивановича, нащупалъ кое-какъ рану и, воткнувъ въ нее комъ грубой корпии, припасенной имъ про всякій случай въ карманѣ, бросился самъ на дорогу.

Невдалекѣ онъ заарестовалъ бабу, ѣхавшую въ городъ съ возомъ молодой капусты, и, давъ этой, ничего не понимавшей и упирившейся бабѣ нѣсколько толчковъ, насильно привелъ ее лошадь къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ безчувственный Подозеровъ. Здѣсь майоръ, не обращая вниманія на кулаки и вопли женщины, сбросилъ половину кочней на землю, а изъ остальныхъ устроилъ нѣчто въ родѣ постели и, поднявъ тяжело раненаго или убитаго на свои руки, уложилъ его на возъ, далъ бабѣ рубль, и Подозерова повезли.

Майоръ во все время пути стоялъ на возу на колѣняхъ и держалъ голову Подозерова, помертвѣлое лицо котораго начинало отливать синевою, несмотря на ярко освѣщавшее его солнце.

Этотъ восьмиверстный переѣздъ на возу, который чуть волокла управляемая бабой крестьянская кляча, показался Форову за большой путь. Съ сѣдой головы майора обильно катились на его загорѣлое лицо капли пота и, смѣшиваясь съ пылью, ползли по его щекамъ грязными потоками. Толстое, коренастое тѣло Форова давило на его согнутыя колѣна, и ноги его ныли, руки отекали, а поясницу ломило и гнуло. Но всего труднѣе было переносить пожилому майору то, что совершалось въ его головѣ.

«Какая мерзость! Нѣтъ-съ; какая неслыханная мерзость!— думалъ онъ.—Какая каторжная, наглая смѣлость и какой расчетъ! Онъ шель убить человѣка при двухъ свидѣтеляхъ и не боялся, да и нечего ему было бояться. Чѣмъ я докажу, что онъ убилъ его какъ злодѣй, а не по правиламъ дуэли? Да первый же Висленевъ скажетъ, что я вру! А къ этому же всему еще эта чортова ложь, будто я съ Евангеломъ возмущалъ его крестьянъ. Какой я свидѣтель? Миѣ никто не повѣритъ!»

При этомъ майоръ началъ дѣлать непривычныя и всегда противныя ему юридическія соображенія, которыя не слагались и путались въ его головѣ.

«Поведенія я неодобрительнаго,—высчитывалъ майоръ:—извѣстно всѣмъ, что я принимаю на нутро, ненавижу приказныхъ, часто грублю разному начальству, стремлюсь, по общему выраженію, къ осуществленію несбыточныхъ мечтаній и въ Бога не вѣрую... То-есть чортъ меня знаетъ, что я такое! Что тутъ возьмешь съ такою аттестацией? Всякій судъ меня засудитъ!.. И надѣяться не на что. Развѣ на Бога, какъ надѣется моя жена. Да; вѣдь истинно болѣе не на кого! Свидѣтели!—да кто же, какой чортъ велитъ подлецу, задумавши гадость, непременно сдѣлать ее при свидѣтеляхъ? Нѣтъ; это даже страшно, во что нынче обернулись эти господа: предусмотрительны, расчетливы, холодны... Неуязвимы ничѣмъ! Въ спириты идугъ; въ попы пойдутъ... въ монахи пойдутъ. Отчего же не пойдутъ? пойдутъ. Это ужъ начинается іезуитство. Въ шпіоны пойдутъ... Въ шпіоны!.. Да кто же взаправду Гордановъ? О, о-о! Нѣтъ, видно правъ пошъ Евангелъ, если Богъ Саваоѣ за насъ сверху не вступится, такъ мы міръ удивимъ своею подлостію!»

И съ этими-то мыслями майоръ вѣхалъ на возу въ городъ; достигъ, окруженный толпой любопытныхъ, до квартиры Подозерова; снесъ и уложилъ его въ постель, и послалъ за женой, которая, какъ мы помнимъ, осталась въ эту ночь у Ларисы. Затѣмъ Форовъ хотѣлъ сходить домой, чтобы смѣнить причинившее ему зудъ пропыленное бѣлье, но былъ взятъ.

Гордановъ былъ гораздо счастливѣе. Онъ былъ увѣренъ, что убилъ Подозерова, и исходъ дѣла предвидѣлъ тотъ же, какой мерещился и Форову, но съ тою разницей, что для Горданова этотъ исходъ былъ не позоромъ, а торжествомъ.

Павелъ Николаевичъ лежалъ на мягкомъ матрацѣ, въ блестящемъ серебристомъ бѣльѣ; перевязка его позорной раны въ ногу не причинила ему ни малѣйшей боли и расстройства, и онъ, обрызганный тонкими духами, глядѣлъ себѣ на розовые ногти и видѣлъ ясно волизи желанный край своихъ стремленій.

Подъ подушкой у него было письмо княгини Казимиръ, которая звала его въ Петербургъ, чтобы «сдѣлать большое дѣло!»

Бодростинъ былъ поставленъ своими друзьями какъ

шашка на конь, да притомъ и вмѣстѣ съ самою Бодростиной: княгиня Казимиръ вносила совѣмъ новый элементъ въ жизнь.

— Гм! гм! однако, у меня теперь ужъ слишкомъ большой выборъ!—утѣшался Гордановъ и разстилалъ передъ собою большой замыселъ, которому все доселѣ бывшее должно служить не болѣе, какъ прелюдией.

Начавъ ползкомъ, какъ котъ, подкрадываться къ цѣли, Гордановъ чувствовалъ ужъ теперь въ своихъ когтяхъ хвосты тѣхъ птицъ, въ которыхъ хотѣлъ впиться. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо окрѣпло въ немъ убѣжденіе, что въ нашемъ обществѣ все прощено и все дозволено безстыдной наглости и лицемѣріемъ прикрытому пороку.

Ошибался или не ошибался въ этомъ Гордановъ — читатели увидятъ изъ слѣдующей части нашего романа.

Часть четвертая.

МЕРТВЫЙ УЗЕЛЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тикъ и такъ.

Рана, нанесенная Подозерову предательскимъ выстрѣломъ Горданова, была изъ ранъ тяжкихъ и опасныхъ, но не безусловно смертельныхъ, и Подозеровъ не умеръ. Излѣченіе такихъ сквозныхъ ранъ навывлетъ въ грудь подъ пятое ребро слѣва относятъ къ разряду чудесныхъ; на самомъ же дѣлѣ здѣсь гораздо менѣе принадлежитъ чуду врачества, чѣмъ случаю. Все зависитъ отъ момента пролета пули по области, занимаемой сердцемъ. Отправленія сердца, какъ извѣстно, производятся постояннымъ его сокращеніемъ и расширеніемъ; эти попеременно одинъ за другимъ слѣдующіе моменты, называемые въ медицинѣ *systole* и *diastole*, даютъ два звука: *тикъ* и *такъ*.

Въ первомъ изъ нихъ органъ сокращается въ продольномъ своемъ діаметрѣ и оставляетъ около себя мѣсто, по которому стороннее тѣло можетъ пройти насквозь черезъ грудь человѣка, не коснувшись сердца и не повредивъ его. Назадъ тому очень немного лѣтъ, въ Москвѣ одинъ извѣстный злодѣй, въ минуту большой опасности быть пойманнымъ, выстрѣлилъ себѣ въ сердце и остался живъ, потому что сердце его въ моментъ прохожденія пули было въ состояніи сокращенія: сердце Подозерова тоже сказало «тикъ»

въ то время, когда Гордановъ рѣшалъ «такъ». Подозеровъ остался жить, но тѣмъ не менѣе онъ остановился на самомъ краю гроба: легкія его были поранены, и за этимъ послѣдовали и кровоизліяніе въ полость груди, и удушающая легочная опухоль, и травматическая лихорадка. Прошло около мѣсяца послѣ бойни, устроенной Гордановымъ, а Подозеровъ все еще былъ ближе къ смерти, чѣмъ къ выздоровленію. Опасная лихорадка не уступала самому внимательному и искусному лѣченію.

На дворѣ въ это время стояли человѣконенавидящіе дни октября: ночью мокрая вьюга и изморось, днемъ ливень, и въ промежуткахъ тяжелая сѣрая мгла; грязь и мошенихъ, и немощныхъ улицъ растворилась и томила и пѣшаго, и коннаго. Мокрые заборы, мокрыя крыши и запотѣлыя окна словно плакали, а осклизшія деревья садовъ, доставлявшихъ лѣтомъ столько пріятной тѣни своею зеленью, теперь безпокойно качались и, скрипя на корняхъ, хлестали черными вѣтвями по стекламъ не закрытыхъ ставнями оконъ и наводили уныніе.

Спальня Подозерова, гдѣ онъ лежалъ, была комната средней величины; она выходила въ садъ двумя окнами, въ которыя такимъ образомъ жутко стучали голыя вѣтви. Во все это время Андрей Ивановичъ не возвращался къ сознательной жизни человѣка: онъ былъ чуждъ всякихъ заботъ и желаній и жилъ лишь спеціальною жизнію больного. Онъ постоянно или находился въ полузабытѣ, или, приходя въ себя, сознавалъ лишь только то, на что обращали его вниманіе; отвѣчалъ на то, о чемъ его спрашивали; думалъ о томъ, что было предполагаемо ему для отвѣта, и никакъ не далѣе. Собственной инициативы у него не было ни въ чемъ. Все прошедшее для него не существовало; никакое будущее ему не мерещилось; все настоящее сосредоточивалось въ данной краткой терціи, потребной для сознанія предложеннаго вопроса. Онъ называлъ по именамъ Катерину Астафьевну Форову, генеральшу и Ларису, которыхъ во все это время постоянно видѣлъ предъ собою; но онъ ни разу не остановился на томъ, почему здѣсь, возлѣ него, находятся именно эти, а не какія-нибудь другія лица; онъ ни разу не спросилъ ни одну изъ нихъ, отчего всѣ онѣ такъ измѣнились; отчего Катерина Астафьевна осунулась, и всѣ ея волосы сплошь побѣлѣли; отчего также похудѣла

и пожелѣла генеральша Александра Ивановна и нѣтъ въ ней того спокойствія и самообладанія, которыя однихъ такъ успокоивали, а другимъ давали столько матеріала для разсужденій о ея безчувственности. Его не интересовало, отчего онъ, открывая глаза, такъ часто видитъ ее въ какомъ-то окаменѣломъ состояніи, со взглядомъ, неподвижно впереннымъ въ пустой уголъ полутемной комнаты; отчего бѣлые пальцы ея упертой въ високъ руки нетерпѣливо движутся и хрустятъ въ своихъ сѣставахъ. Ему было все равно. Лара, пожалуй, еще больше могла остановить на себѣ его вниманіе, но онъ не замѣчалъ и того, что стало съ нею. Лариса не похудѣла, но ея лицо... погрубѣло. Она подурнѣла. На ней лежалъ слѣдъ страданія тяжелаго и долгаго, но страданія не очищающаго и возвышающаго душу, а гнетущаго страхомъ и досадой. Подозеровъ ничего этого не наблюдалъ и ни надъ чѣмъ не останавливался. Объ отсутствующихъ же нечего было и говорить: онъ во всю свою бѣззнъ ни разу не вспомнилъ ни про Горданова, ни про Висленева, не спросилъ про Филетера Ивановича и не любопытствовалъ, почему онъ не видалъ возлѣ себя коренастаго майора, а между тѣмъ въ положеніи всѣхъ этихъ лицъ произошли значительныя перемѣны съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ ними въ концѣ третьей части нашего романа.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Гдѣ обрѣтается Форовъ.

Вспомнутый нами майоръ Форовъ еще до сего времени не возвращался домой съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его ѣдущимъ на дрожкахъ съ избитымъ имъ квартальнымъ надзирателемъ. На майора Форова обрушились всѣ напасти: его воинственнымъ поступкомъ было какъ бы затушовано на время преступленіе Горданова. Уличная сцена майора, составлявшая относительно нѣсколько позднѣйшую новость дня, была возведена въ степень важнаго событія, за которымъ дуэль Подозерова сходила на степень событія гораздо низшаго. Тотъ самый вице-губернаторъ, котораго такъ безцеремонно и нагло осмѣивалъ Гордановъ, увидѣлъ въ поступкѣ Форова вѣрное средство подслужиться обществу миѣню, заинтересованному бравурствами Павла Николаевича, и ринулся со всею страстію и суровостью на

безпомощнаго майора. Молодые, прилизанные и зашитыю въ виць-мундиры канцелярскіе шавки, изъ породы еще не сознающихъ себя гордановцевъ, держали ту же ноту. Въ кабинетѣ начальника было изречено слово о немедленномъ же и строжайшемъ арестѣ майора Форова, оказавшаго примѣръ такого явнаго буйства и оскорбленія должностнаго лица; въ канцеляріяхъ слово это облеклось плотію; тамъ строчились бумаги, открывавшія Филетеру Ивановичу тяжелыя двери тюрьмы, и этими дверями честный майоръ былъ отдѣленъ отъ міра, въ которомъ онъ оказался вреднымъ и опаснымъ членомъ. О другихъ герояхъ этого дня пока было словно позабыто; нѣкоторымъ занимавшимся ихъ судьбой мнилось, что Горданова и Подозерова ждетъ тягчайшая участь впереди; но справедливость требуетъ сказать, что двумя этими субъектами занимались лишь очень немногіе изъ губернскаго бомонда; наибольшее же вниманіе массъ принадлежало майору. По исконному обычаю массъ радоваться всякимъ напастямъ полиціи, у майора вдругъ нашлось въ городѣ очень много друзей, которые одобряли его поступокъ и передавали его изъ устъ въ уста съ самыми невѣроятными преувеличеніями, доходившими до того, что майоръ вдругъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ сказочнаго богатыря, одареннаго такою силой, что возьметъ онъ за руку—летитъ рука прочь, схватитъ за ногу—нога прочь. Говорили, будто бы Филетеръ Ивановичъ совсѣмъ убилъ квартальнаго, и утверждали, что онъ даже хотѣлъ перебить все начальство во всемъ его составѣ, и непремѣнно исполнилъ бы это, но не выполнилъ такой программы лишь только по неполученію своевременно надлежащаго подкрѣпленія со стороны общества, и былъ заключенъ въ тюрьму съ помощію цѣлаго батальона солдатъ. Въ городѣ оказалось очень много людей, которые искренно сожалѣли, что майору не была оказана надлежащая помощь; въ тюрьму, куда посадили Филетера Ивановича, начали притекать обильныя приношенія булками, пирогами съ горохомъ и вареною рыбой, а одна купчиха-вдова, ведшая тридцатилѣтнюю войну съ полиціей, даже послала Форову красный мѣдный чайникъ, фунтъ чаю, пуховикъ, двѣ подушки въ темныхъ ситцевыхъ наволочкахъ, частый роговой гребень, банку персидскаго порошку, соломенныя бирюльки и пучокъ сухой травы. Майоръ принялъ все, не исключая травы и бирюлекъ, которыя онъ

выровнял и устроилъ изъ этого припошенія очень удобныя стелки въ свои протекшіе салоги. Затѣмъ онъ преспокойно уѣхалъ жить въ острогъ, согрѣвая себя кунчихинымъ чаемъ изъ ея же мѣднаго чайника.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Каково поживаютъ другіе.

Что касается до Горданова, Подозерова и Висленева, то о нихъ вспомнили только на другой день и, въ виду болѣзненнаго состоянія Горданова и Подозерова, подчинили ихъ домашнему аресту въ ихъ собственныхъ квартирахъ; когда же пришли къ Висленеву съ тѣмъ, чтобы пригласить его переѣхать на гауптвахту, то нашли въ его комнатѣ только обрывки газетныхъ листовъ, которыми Иосафъ Платоновичъ обертывалъ вещи; самъ же онъ еще вчера вечеромъ уѣхалъ Богъ вѣсть куда. Спрошенная о его исчезновеніи, сестра его Лариса не могла дать никакого опредѣлительнаго отвѣта, и это вовсе не было съ ея стороны лукавствомъ: она въ самомъ дѣлѣ не знала, куда скрылся Иосафъ. Она разсталась съ братомъ еще утромъ, когда онъ, возвратясь съ поединка, сразилъ ее вѣстью о смерти Подозерова. Не отходя съ той поры отъ постели умирающаго, Лариса ничего не знала о своемъ братѣ, людямъ же было извѣстно лишь только то, что Иосафъ Платоновичъ вышелъ куда-то вскорѣ за бросившеюся изъ дому барышней и не возвращался домой до вечера, а потомъ пришелъ, уложилъ самъ свои саквояжи, и какъ уѣхалъ, такъ уже и не возвращался. Къ разысканію его велѣно было принять самыя тщательныя мѣры, заключающіяся у насъ, какъ извѣстно, въ перепискѣ изъ части въ часть, изъ квартала въ кварталъ,—мѣры, приносящія какую-нибудь пользу тогда лишь, когда тотъ, о комъ идетъ дѣло, самъ желаетъ быть пойманнымъ.

Прошелъ мѣсяць, а о Висленевѣ не было ни слуху, ни духу. Исчезновеніе его было загадкой и для сестры его, и для тетки, которая писала ему въ Петербургъ на имя его жены, но письма ихъ оставались безъ отвѣта,—на что, впрочемъ, и Катерина Астафьевна, и Лариса, занятые положеніемъ ближайшихъ къ нимъ лицъ, не слишкомъ и сѣтовали. Но наконецъ пришелъ отвѣтъ изъ Петербурга путемъ

официальнымъ. Мѣстная пререржжающая власть сносилась съ подлежащею властью столицы о разысканіи Висленева и получила извѣстіе, что Юсафъ Платоновичъ въ Питерѣ не появлялся. Да и зачѣмъ ему было туда ѣхать? Чтобы попасть въ лапы своей жены, отъ которой онъ во время своей кочевки уже немножко эмансипировался? Онъ даже льстилъ себя надеждой вовсе отъ нея освободиться и начать свое «независимое существованіе», на что приближающееся его сорокалѣтіе давало ему въ собственныхъ глазахъ нѣкоторое право. Но куда онъ исчезъ и пропалъ? Это оставалось тайной для всѣхъ... для всѣхъ, кромѣ одного Горданова, который недѣли чрезъ двѣ послѣ исчезновенія Висленева получилъ изъ-за границы письмо, писанное рукой Юсафа Платоновича, но за подписью Espérance. Въ этомъ письмѣ злополучная Espérance, въ которой Гордановъ отгадалъ брата Ларисы, жаловалась безжалостному Павлу Николаевичу на преслѣдующую ее роковую судьбу и просила его «во имя ихъ прежнихъ отношеній» прислать ей денегъ на имя общаго ихъ знакомаго Joseph W. Гордановъ прочелъ это письмо и бросилъ его безъ всякаго вниманія. Онъ, во-первыхъ, не видѣлъ въ эту минуту никакой надобности дѣлиться чѣмъ бы то ни было съ Висленевымъ, а во-вторыхъ, ему было и недосужно. Павелъ Николаевичъ самъ собирался въ путь и преодолевалъ затрудненія, возникавшія предъ нимъ по случаю собственной его подсудимости. Препятствія эти казались неодолимыми, но Гордановъ поборолъ ихъ и, съ помощію ходатайствовавшаго за него передъ властями Бодростина, уѣхалъ въ Петербургъ къ Михаилу Андреевичу, оставивъ по себѣ поручительство, что онъ явится къ слѣдствію, когда возвращеніе къ Подозерову сознанія и силъ сдѣлаетъ возможными нужныя съ его стороны показанія. Гордановъ представилъ цѣлый рядъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ, что весьма важныя предпріятія потерпятъ и разрушатся отъ стѣсненія его свободы, и стѣсненіе это было расширено. Въ нашъ вѣкъ предпріятій нельзя отказывать въ такихъ мелочахъ крупному предпринимателю, какимъ несомнѣнно представлялся Гордановъ всѣмъ или почти всѣмъ, кромѣ развѣ Подозерова, Форова, Катерины Астафьевны и генеральши, которые считали его не болѣе какъ большимъ мошенникомъ. Но имъ было теперь не до него; одинъ изъ этихъ людей лежалъ на краю гроба, другой философство-

валь въ острогѣ, а женщины переходили отъ одного страдальца къ другому и не останавливались на томъ, что дѣлается съ негодеями.

Было и еще одно лицо, которое и эту оцѣнку для Горданова признавало слишкомъ преувеличенною: это лицо, находившее, что для Павла Николаевича слишкомъ много, чтобъ его признавали «большимъ мошенникомъ», была Глафира Васильевна Бодростина, непостижимо тихо и ловко спрятавшаяся отъ молвы и очей во время всей послѣдней передряги по поводу поединка. Она уѣхала въ деревню и во все это время, употребляя ея же французскую фразеологию, она была *sous le banc*. При всемъ провинціальномъ досужествѣ, про нее никто не вспомнилъ ни при одной смѣтѣ. Но она не забыла своихъ слугъ и друзей. Ея ловкая напрактикованная горничная пріѣзжала въ городъ и была два раза у Горданова. Глафира Васильевна, очевидно, была сильно заинтересована тѣмъ, чтобъ Павелъ Николаевичъ получилъ возможность выѣхать въ Петербургъ, но во всѣхъ хлопотахъ объ этомъ она не приняла ни малѣйшаго, по крайней мѣрѣ видимаго, участія. Ея словно не было въ живыхъ и о ней только невзначай вспомнили два или три человѣка, которые, возвращаясь однажды ночью изъ клуба, неожиданно увидѣли слабый свѣтъ въ окнахъ ея комнаты; но и тутъ, по всѣмъ наведеннымъ на другой день справкамъ, оказалось, что Глафира Васильевна пріѣзжала въ городъ на короткое время и затѣмъ выѣхала. Куда? Объ этомъ узнали не скоро. Она уѣхала не назадъ въ свою деревню, а куда-то далеко: одни предполагали, что она отправилась въ Петербургъ, чтобы, пользуясь болѣзнию Горданова, отговорить мужа отъ рискованнаго предпріятія устроить фабрику мясныхъ консервовъ, въ которое вовлекъ его этотъ Гордановъ, давній врагъ Глафиры, котораго она ненавидѣла; другіе же думали, что она, разсорясь съ мужемъ, поѣхала кунуть за границу. Сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія о направленіи, принятомъ Глафирой, имѣлъ одинъ лишь торопливо отѣзжавшій изъ города Павелъ Николаевичъ Гордановъ, но онъ, разумѣется, никому объ этомъ ничего не говорилъ. Откровенность въ этомъ случаѣ не была въ его планахъ, да ему было некогда: онъ самъ только-что получилъ разрѣшеніе съѣздить подъ поручительствомъ въ Петербургъ и торопился несказанно. Эта торопливость его

въ значительной мѣрѣ поддерживала то мнѣніе, что Бодростина поѣхала къ мужу разрушать пагубное вліяніе на него Горданова, и что сей послѣдній гонится за нею, открывая такимъ образомъ игру въ кошку и мышку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кошка и мышка.

Въ догадкѣ этой было нѣчто намекающее на что-то существовавшее на самомъ дѣлѣ. Гордановъ и Глафира должны были встрѣтиться, но какъ и гдѣ?.. На это у нихъ было распisanіе.

Подъѣзжая къ московскому дебаркадеру желѣзной дороги, по которой Гордановъ утекалъ изъ провинціи, онъ тревожно смотрѣлъ изъ окна своего вагона и вдругъ покраснѣлъ, увидѣвъ прохаживающуюся по террасѣ высокую даму въ длинной бархатной тальмѣ и такой же круглой шляпѣ, съ густымъ вуалемъ. Дама тоже замѣтила его въ окнѣ, и они оба кивнули другъ другу и встрѣтились на платформѣ безъ удивленія неожиданности, какъ встрѣчаются два агента одного и того же дѣла, съѣхавшіеся по своимъ обязанностямъ. Дама эта была Графира Васильевна Бодростина.

— Vous êtes bien aimable,—сказала ей Гордановъ, сходя и протягивая ей свою руку.—Я никакъ не ожидалъ, чтобы вы меня даже встрѣтили.

Бодростина вмѣсто отвѣта спокойно подала ему свою правую руку, а лѣвою откинула вуаль. Она тоже нѣсколько перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ мы ее видѣли отъѣзжавшею изъ хуторка генеральши съ потерпѣвшимъ тогда неожиданное пораженіе Гордановымъ. Глафира Васильевна немного поблѣднѣла, и прекрасные говорящіе глаза ея утратили свою безпокойную тревожность: они теперь смотрѣли сосредоточеннѣе и спокойнѣе, и на всемъ лицѣ ея выразилась сознательная рѣшимость.

— Я васъ ждала съ нетерпѣніемъ,—сказала она Горданову, сходя съ нимъ подъ руку съ крыльца дебаркадера вслѣдъ за носильщиками, укладывавшими на козлы наемной кареты щегольскіе чемоданы Павла Николаевича.—Мы должны видѣться здѣсь въ Москвѣ самое короткое время и потомъ разстаться, и, можетъ-быть, очень надолго.

— Ты развѣ не ѣдешь въ Петербургъ?

— Я въ Петербургъ не ѣду; вы поѣдете туда одни и непременно завтра же; я тоже уѣду завтра, но намъ не одна дорога.

— Ты куда?

— Я ѣду за границу, ну садись, пожалуйста, въ карету; теперь мы еще ѣдемъ вмѣстѣ.

— Я не рѣшилъ, гдѣ мнѣ остановиться,—проговорилъ Гордановъ, усаживаясь въ экипажъ. — Ты гдѣ стоишь? Я могу пристать гдѣ-нибудь поближе или возьму номеръ въ той же гостиницѣ.

— Вы остановитесь у меня, — отвѣтила ему скороговоркой Бодростина и, высунувшись изъ окна экипажа, велѣла кучеру ѣхать въ одну изъ извѣстнѣйшихъ московскихъ гостиницъ.

— Я тамъ живу уже недѣлю въ ожиданіи моего мужа,—добавила она, обращаясь къ Горданову. — У меня большой семейный номеръ, и вамъ вовсе нѣтъ нужды искать для себя другого помѣщенія и понапрасну прописываться въ Москвѣ.

— Ты, значитъ, дѣлаешь меня на это время своимъ мужемъ? Это очень обязательно съ твоей стороны.

Бодростина равнодушно посмотрѣла на него.

— Что ты на меня глядишь такимъ уничтожающимъ взглядомъ?

— Ничего, я такъ только немножко вамъ удивляюсь.

— Чему и въ чемъ?

— Намъ не къ лицу эти лица. Я везу васъ къ себѣ просто для того, чтобы вы не прописывали въ Москвѣ своего имени, потому что вамъ его, можетъ-быть, не совсѣмъ удобно выставлять на коридорной дощечкѣ, мимо которой ходятъ и читаютъ всѣ и каждый.

— Да, понимаю, понимаю. Довольно.

— Кажется, понятно.

И затѣмъ Глафира Васильевна, не касаясь никакихъ воспоминаній о томъ, что было въ покинутомъ захолустѣ, не особенно сухимъ, но серьезнымъ и дѣловымъ тономъ заговорила съ Гордановымъ о томъ, что онъ долженъ совершить въ Петербургѣ въ качествѣ ея агента при ея мужѣ. Все это заключалось въ нѣсколькихъ словахъ, что Павелъ Николаевичъ долженъ способствовать старческимъ слабо-

стямъ Михаила Андреевича Бодростина къ графинѣ Казимирѣ и спутать его съ нею какъ можно скандальнѣе и крѣпче. Гордановъ все это слушалъ и наконецъ возразилъ, что онъ только не понимаетъ, зачѣмъ это нужно, но не получилъ никакого отвѣта, потому что экипажъ въ это время остановился у подъѣзда гостиницы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Nota bene на всякій случай.

Номеръ, который занимала Бодростина, состоялъ изъ четырехъ комнатъ, хорошо меблированныхъ и устланныхъ сплошь пушистыми, нѣкогда весьма дорогими коврами. Комнаты отдѣлялись одна отъ другой массивными перегородками изъ орѣховаго дерева, съ тяжелою рѣзбой и точеными украшениями въ полуготическомъ, полурусскомъ стилѣ. Длинная комната направо изъ передней была занята подъ спальню и дорожный будуаръ Глафиры, а квадратная комнатка безъ окна, влѣво изъ передней, вмѣщала въ себѣ застланную свѣжимъ бѣлымъ кровать, комодъ и нѣсколько стульевъ.

Эту комнату Глафира Васильевна и отвела Горданову и велѣла въ ней положить прибывшіе съ нимъ пожитки.

— Гдѣ же ваша собственная прислуга?—полюбопытствовалъ Гордановъ, позируя и оправляясь предъ зеркаломъ въ ожиданіи умыванья.

— Со мною нѣтъ здѣсь собственной прислуги,—отвѣчала Бодростина.

— Такъ вы путешествуете однѣ?

Глафира Васильевна слегка прижала нижнюю губу и склонила голову, что Гордановъ могъ принять и за утвердительный отвѣтъ на его предположеніе, но что точно такъ же удобно можно было отнести и просто къ усиліямъ, съ которыми Бодростина въ это время открывала свой дорожный письменный бюваръ.

Пока Павелъ Николаевичъ умывался и прихорашивался, Бодростина писала, и когда Гордановъ взошелъ къ ней съ сигарой въ зубахъ, одѣтый въ тепленькую плюшевую курточку цвѣта шерсти молодого бобра, Глафира подняла на него глаза и, улыбувшись, спросила:

— Что это за костюмъ?

— А что такое? — отвѣчалъ, оглядываясь, Гордановъ. — Что за вопросъ? а? что тебѣ кажется въ моемъ платьѣ?

— Ничего... платьѣ очень хорошее и удобное, чтобъ отъ долговъ бѣгать. Но какъ вы стали тревожны!

— Чему же вы это приписываете?

Бодростина пожалала съ чуть замѣтною улыбкой плечами и отвѣчала:

— Вѣроятно, продолжительному сношенію съ глухими людьми: это злитъ и портитъ характеръ.

— Да; вы правы—это портитъ характеръ.

— Особенно у тѣхъ, у кого онъ и безъ того былъ всегда гадокъ.

Гордановъ хотѣлъ отшутиться, но, взглянувъ на Бодростину и видя ее снова всю погруженною въ писаніе, походилъ, посвисталъ и скрылся назадъ въ свою комнату. Тутъ онъ пошуршалъ въ своихъ саквояжахъ и, появясь черезъ нѣсколько минутъ въ пальто и въ шляпѣ, сказалъ:

— Я пойду пройдуся.

— Да; это прекрасно,—отвѣчала Бодростина:—только закутывайся хорошенько повыше кашне и надвигай пониже шляпу.

Гордановъ слегка покраснѣлъ и процѣдилъ сквозь зубы:

— Ну, ужъ это даже не совсѣмъ и остроумно.

— Я вовсе и не хочу быть съ вами остроумною, а говорю просто. Вы въ самомъ дѣлѣ подите походите, а я здѣсь кончу нужныя письма, и въ пять часовъ мы будемъ обѣдать. Здѣсь прекрасный поваръ. А кстати, можете вы мнѣ оказать услугу?

— Сдѣлайте одолженіе, приказывайте,—отвѣчалъ сухо Гордановъ, подиравая рукой загибъ своего мѣхового воротника.

— J'ai bon appétit aujourd'hui. Скажите, пожалуйста, чтобы для меня, между прочимъ, велѣли приготовить fricandeau sauce piquante. C'est délicieux, et j'espère que vous le trouverez à votre goût.

— Извольте,—отвѣчалъ Павелъ Николаевичъ и, повертись, вышелъ въ коридоръ.

Это его обидѣло.

Онъ позвалъ слугу тотчасъ, какъ только переступилъ порогъ двери, и передалъ ему приказаніе Бодростиной. Онъ исполнилъ все это громко, нарочно съ тѣмъ, чтобы Гла-

фиря слышала, какъ онъ обошелся съ ея порученіемъ, въ которомъ Павелъ Николаевичъ видѣлъ явную цѣль его унижить.

Гордановъ былъ жестоко золъ на себя и, быстро шагая по косымъ тротуарамъ Москвы, проводилъ самыя неелестныя для себя параллели между самимъ собою и своимъ *bête noire*, Иосафомъ Висленевымъ.

— Недалеко, недалеко я отбѣжалъ отъ моего бѣднаго пріятеля,—говорилъ онъ, вспоминая свои собственныя продѣлки съ наивнымъ Жозефомъ и приводя въ сопоставленіе съ ними то, что можетъ дѣлать съ нимъ Водростина. Онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что и его положеніе въ сущности немного прочнѣе положенія Висленева.

— Не все ли равно,—разсуждалъ онъ:—я верховодилъ этимъ глупымъ Ясафкой по поводу сотни рублей; мною точно такъ же верховодятъ за нѣсколько большія суммы. Мы оба одного разбора, только разныхъ сортовъ, оба лѣнтян, оба хотѣли подняться на фу-фу, и одна намъ и честь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Итогъ для новой смѣты.

Гордановъ припомнилъ, какія онъ роли отыгрывалъ въ провинціи и какой страхъ нагонялъ онъ тамъ на добрыхъ людей, и ему даже стало страшно.

— Что,—соображалъ онъ:—если бъ изъ нихъ кто-нибудь зналъ, на какомъ тонкомъ-претонкомъ волоскѣ я мотаюсь? Если бы только кто-нибудь изъ нихъ проникать, что у меня подъ ногами нѣтъ никакой почвы, что я зависимѣе каждаго изъ нихъ, и что пропустить меня и сквозь сито, и сквозь рѣшето зависитъ вполне отъ одного каприза этой женщины?.. Какъ бы презиралъ меня самый презрѣнный изъ нихъ! И онъ былъ бы правъ и тысячу разъ правъ.

— Но полно, такъ ли? Отъ каприза ли ея я, однако, завишу?—разсуждалъ онъ далѣе, приподымая слегка голову.—Нѣтъ; я ей нуженъ: я ея сообщникъ, я ея *bravo*, ея наемный убійца; она не можетъ безъ меня обойтись... Не можетъ?.. А почему не можетъ?.. Во мнѣ есть рѣшительность, есть воля, есть характеръ,—однимъ словомъ, во мнѣ есть свойства, на которыя она рассчитываетъ и которыхъ нѣтъ у каждаго встрѣчнаго-поперечнаго... Но развѣ только одинъ

путь, одно средство, которымъ она можетъ... развѣичаться... избавиться отъ своего супруга... сбыть его и извести. И наконецъ, чтò у нея за думы, чтò у нея за зачутанные планы? Просто не разберешь подчасъ, дѣлаетъ она что или не дѣлаетъ? Одно только мое большое и основательное знаніе этой женщины ручается мнѣ, что она что-то заводитъ, — заводитъ далекое, прочное; что она облагаетъ насъ цѣлымъ лагеремъ и именно *насъ*, т. е. всѣхъ насъ, — не одного Михаила Андреевича, а всѣхъ какъ есть, и меня въ томъ числѣ, и даже меня, можетъ-быть, перваго. Какой демонъ, какая страшная женщина! Я ничего не видалъ, я не успѣлъ опомниться, какъ она опутала! Страшно представить себѣ, какая глубокая и въ то же время какая скверная для меня разница между тѣмъ положеніемъ, въ какомъ я видѣлся съ нею тамъ, въ губернской гостиницѣ, въ первую ночь моего приѣзда, и теперь... когда она сама меня встрѣчаетъ, сама меня снаряжаетъ наемнымъ Мефистофелемъ къ своему мужу, и между тѣмъ обращается со мною какъ со школьникомъ, какъ съ влюбленнымъ гимназистомъ! Это чортъ знаетъ чтò такое! Она не удостоиваетъ отвѣта моихъ попытокъ узнать, чтò такое всѣ мы выплясываемъ по ея дудкѣ! И... посылаетъ меня заказывать фрикандо къ обѣду. Ея нынѣшнее обращеніе съ мною ничѣмъ не цвѣтище нѣкогда столь смѣшной для меня встрѣчи Висленева съ его генеральшей, а между тѣмъ Висленевъ отпѣтый, патентованный гороховый шутъ и притча во языцѣхъ, а я... во всякомъ случаѣ человекъ, надъ которымъ никто никогда не смѣялся...

Гордановъ, все краснѣвшій по мѣрѣ развитія этихъ думъ, вдругъ остановился, усмѣхнулся и шюнулъ. Вокругъ него трещали экипажи, сновали пѣшеходы, въ воздухѣ летали хлопья мягкаго снѣгу, а на мокрыхъ ступеняхъ Иверской часовни стояли черныя, перемокшія монахини и кланялся народъ.

— Какъ никто? Какъ никто не смѣялся?—мысленно вопрошалъ себя Гордановъ и отвѣчалъ съ ироніей: — А Клишенскій, а Алинка? развѣ не по ихъ милости я разоренъ и отброшенъ чортъ знаетъ на какое разстояніе отъ исполненія моего вѣрнѣйшаго и блестящаго плана? Нѣтъ; я только честнымъ людямъ умѣю не позволять наступать себѣ на ногу... я молодецъ на овецъ, а на молодца я самъ овца...

Да, да; меня спутало и погубило это якпанье со всею этой принципиною сволочью, которая обворовала меня кругомъ... Но ничего, друзья, ничего. Палача, прежде чѣмъ сдѣлать палачомъ, тоже пороли, — выпороли и вы меня, и еще до сихъ поръ все порете; но уже зато какъ я оттерплюсь, да васъ вздую, такъ вамъ небо покажется съ баранью овчинку!

Павель Николаевичъ крикнулъ, повернувшись спиной къ Иверской часовнѣ, и, перейдя площадь, зашелъ въ Гуринскій трактиръ, усѣлся къ столу и спросилъ себѣ чаю.

«Да; къ чорту это все! — думалъ онъ: — нечего себя обольщать, но нечего и робѣть. Глафира, чортъ ее знаетъ, — она, кажется, несомнѣнно умиѣе меня, да и потомъ у нея въ рукахъ вся сила. Я уже сдѣлалъ промахъ, страшный промахъ, когда я по одному ея слову рѣшился рвать всѣмъ носы въ этомъ пошломъ городишкѣ! Глушецъ, я взялся за роль страннаго и непобѣдимаго силача съ пустыми пятьюшестью тысячами рублей, которыя она мнѣ сунула, какъ будто я не могъ и не долженъ былъ предвидѣть, что этимъ широкимъ разгономъ моею бравадною репутациію на малыя средства она беретъ меня въ свои лапы; что, издержавъ эти деньги, — какъ это и случилось теперь, — я долженъ шлепнуться со всей высоты моего аршиннаго величія? А вотъ же я этого не видѣлъ; вотъ же я... я... умникъ Гордановъ, этого не предусмотрѣлъ! Правду говорятъ: кто поучаетъ женщину, тотъ готовитъ на себя палку... И еще я имѣлъ глупость часъ тому назадъ лютовать! И еще я готовъ былъ изыскивать средство дать ей отпоръ... возмутиться... Противъ кого? Противъ нея, противъ единственнаго лица, держась за которое я долженъ выплыть на берегъ! И изъ-за чего я хотѣлъ возмутиться? Изъ-за самолюбія, оскорбленій котораго никто не видитъ, между тѣмъ какъ я могу быть вынужденъ переносить не такія оскорбленія на виду у цѣлаго свѣта? Развѣ же не чистѣйшая это гиль теперь, мое достоинство? А ну его къ дьяволу! Смирюсь, смирю себя предъ нею до чего она захочетъ; снесу отъ нея все! Пусть это будетъ мой самый трудный экзамень въ борьбѣ за существованіе, и я долженъ его выдержать, если не хочу погибнуть, — и я не погибну. Она увидитъ, велика ли была ея проницательность, когда она располагала на мою «каторжную честность». Нѣтъ, дружокъ: à la guerre comme à

la guerre. Хитра ты, да вѣдь и я не промахъ: любуйся же теперь моей несмѣлостію и смиреніемъ: богатство и власть надъ Ларисой стѣятъ того, чтобы мнѣ еще потерпѣть горя; но разъ, что кончимъ мы съ Бодростинымъ и ты будешь моя жена, а Лариса будетъ моя невольница... моя рыдающая Агарь... а я тебя... въ бараній рогъ согну!..»

И съ этимъ Гордановъ опять всталъ, бросилъ на столъ деньги за чай и ушелъ.

«Вотъ только одно бы мнѣ еще узнать,—думалъ онъ, флуди на извозчикѣ: — любить она меня хоть капельку, или не любить? Ну, да и прекрасно; нынче мы съ нею все время будемъ одни... Не все же она будетъ тонировать да писать, авось и иное что будетъ?.. Да что же выправду, вѣдь жсяница же она и человѣкъ!.. Вѣдь я же знаю, что кровь, а не вода течетъ въ ней... Ну, ну, постой-ка, что ты заговоришь предъ нашимъ смиренствомъ... Эхъ, гдѣ ты мать черная немочь съ лихорадушкой?»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Черная немочь.

На дворѣ уже по-осеннему стемнѣло и былъ часъ обѣда, къ которому Глафира Васильевна ждала Горданова, полулежа съ книгой на небольшомъ диванчикѣ предъ сервированнымъ и освѣщеннымъ двумя жирандолями столомъ.

Гордановъ вошелъ и тихо снялъ свое верхнее платье. Глафира взглянула на его прояснившееся лицо и въ ту же минуту поняла, что Павелъ Николаевичъ обдумалъ свое положеніе, взвѣсилъ всѣ про и contra и рѣшился не замѣчать ея первенства и господства, и она его за это похвалила.

«Умный человѣкъ!—мелькнуло въ ея головѣ. — Что хотите, а съ такимъ человѣкомъ все легче дѣлается, чѣмъ съ межеумкомъ», и она ласково позвала Горданова къ столу, усердно его угощала и даже обмолвилась съ нимъ на «ты».

— Кушай хорошенько,—сказала она:—на хлѣбъ, на соль умные люди не дуются. Знаешь пословицу: губа толще, брюхо тоньше,—а ты и такъ не жиренъ. Ышь вотъ эту штучку,—угощала она, подвигая Горданову фрикасе изъ маленькихъ пичужекъ:—я это нарочно для тебя заказала, зная, что это твое любимое.

Гордановъ тоже уразумѣлъ, что Глафира поняла его и одобрила, и ласкаетъ, какъ покорившагося ребенка. Онъ уразумѣлъ и то, что этой покорностью онъ еще разъ капитулировалъ, но онъ уже рѣшился довершнить въ смиреніи свою «борьбу за существованіе» и не стоялъ ни за что.

— Вотъ видишь ли, Павелъ, какъ только ты вырвался отъ дураковъ и побылъ часъ одинъ самъ съ собою, у тебя даже видъ сдѣлался умнѣй,—заговорила Бодростина, оставшись одна съ Гордановымъ за десертомъ.—Теперь я опять на тебя надѣюсь и полагаюсь.

— А то ты уже было перестала и надѣяться?

— Я даже отчаялась.

— Я не понималъ твоихъ требованій и только, но я буду радъ, если ты мнѣ теперь расскажешь, чѣмъ ты мною недовольна? Вѣдь ты мною недовольна?

— Да.

— За что?

— Спроси свою совѣсть?—отвѣчала, глядя на носокъ своей туфли, Глафира.

Гордановъ просіялъ; онъ услышалъ въ этихъ словахъ укориэну ревности и, тихо вставъ съ своего мѣста, подошелъ къ Глафирѣ и, наклонясь, поцѣловалъ ея лежавшую на колѣняхъ руку.

Она этому не мѣшала.

— Глафира!—позвалъ Гордановъ.

Отвѣта не было.

— Глафира! Радость моя! Мое счастье, откликнись же!.. дай мнѣ услышать твое слово!

— Радость твоя не Глафира.

— Нѣтъ? Что ты сказала? Развѣ не ты моя радость?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Такъ скажи же мнѣ прямо, Глафира; ты можешь что-нибудь сказать *прямо*?

— Что за вопросъ! Разумѣется, я вамъ могу и смѣю все говорить *прямо*.

— Безъ шутокъ?

— Спрашивай и увидишь.

— Ты хочешь быть моей женой?

— Н... н... ну, а какъ тебѣ это кажется?

— Мнѣ кажется, что нѣтъ. Чтò ты на это скажешь?

— Ничего.

— Это развѣ отвѣтъ?

— Разумѣется, и самый искренній... Я не знаю, что ты для меня сдѣлаешь.

Гордановъ сѣлъ у ея ногъ и, взявъ въ свои руки руку Глафиры, прошепталъ, глядя ей въ глаза:

— А если я сдѣлаю *все*... тогда?

— Тогда? Я тоже сдѣлаю *все*.

— То-есть, что же именно ты сдѣлаешь?

— Все, что будетъ въ моихъ силахъ.

— Ты будешь тогда моею женой?

Глафира наклонила молча голову.

— Что же это значить: да или нѣтъ?

— Да, и это можетъ случиться,—уронила она, улыбаясь.

— Можетъ случиться!.. Здѣсь случай не долженъ имѣть мѣста!

— Онъ имѣетъ мѣсто повсюду.

— Гдѣ нѣтъ воли.

— И гдѣ она есть.

— Это вздоръ.

— Это высшая правда.

— Высшая?.. Въ какомъ это смыслѣ: въ чрезвычайномъ, можетъ-быть, въ сверхъестественномъ?

— Можетъ-быть.

— Скажи, пожалуйста, яснѣй? Мы не ребята, чтобы сверхъестественностями заниматься. Кто можетъ тебѣ помѣшать быть моею женой, когда мы покѣчимъ съ Водростинымъ?

— Тсъ!.. Тше!

— Ничего: мы здѣсь одни. Ну, говори: кто, кто?

— Почему я знаю, что и кто? Да и къ чему ты хочешь словъ?

Она положила ему на лобъ свою руку и, поправляя пальцемъ набѣжавшій впередъ локонъ волосъ, прошептала:

— Да... вотъ мы и одни... «какое счастье: ночь и мы одни». Чьи это стихи?

— Фета: но не въ этомъ дѣло, а говори мнѣ прямо, кто и что можетъ мѣшать тебѣ выйти за меня замужъ, когда не будетъ твоего мужа?

— Тсъ!

Глафира быстро откинулась назадъ къ спинкѣ дивана и сказала:

— Ты глупъ, если позволяешь себѣ такъ часто повторять это слово.

— Но мы одни.

— Одни!.. Во снѣ не бредь о томъ, чѣмъ занять, — кикимора услышнть.

— Я не боюсь кикиморы; я не суевѣръ.

— Ну, такъ я суевѣрка и прошу не говорить со мной иначе, какъ съ суевѣркой.

— Ага, ты меня отводишь отъ прямого отвѣта; но это тебѣ не удастся.

— Отчего же? — И Глафира тихо улыбнулась.

— Оттого, что я не такой вздорный человѣкъ, чтобы меня можно было втравить въ споръ о вѣрѣ или безвѣрїи, о Богѣ или о демонѣ: вѣрѣ или не вѣрѣ въ нихъ, — мнѣ это все равно, но отвѣчай мнѣ ясно и положительно: кто и что тебѣ можетъ помѣшать быть моею женой, когда... когда Бодростина не будетъ въ живыхъ.

— Совѣсть: я никогда не захочу разстраивать чужого счастья.

— Чьего счастья? Чтò за вздоръ.

— Счастья бѣдной Лары.

— Ты лжешь; ты знаешь, что я не думаю на ней жениться и не женюсь.

— А, жаль, она глупа и будетъ скверною женой.

— Мнѣ это все равно, ты не заговоришь меня ни Ларой и ничѣмъ на свѣтѣ; дай мнѣ отвѣтъ, чтò можетъ помѣшать тебѣ быть моею женой, и тогда я отстану!.. А, а! ты молчишь, ты не знаешь, куда еще увильнуть! Такъ знай же, что я знаю, кто и что тебѣ можетъ помѣшать! Ты любишь! Ты поймана! Ты любишь не меня, а Подозе...

Но Глафира быстрымъ движеніемъ руки захватила ему ротъ и воскликнула:

— Вы забываетесь, Гордановъ!

— Да, да, ты можешь дѣлать все, что тебѣ угодно, но это тебѣ не поможетъ; я далъ себѣ слово добиться отвѣта, кто и что можетъ тебѣ помѣшать быть моею женой, и я этого добьюсь. Волѣ: я это проникъ и почти уже всего добился; твое смущеніе мнѣ сказало, кто...

— Кто?.. Кто?.. Кто?.. — перебила его рѣчь, проникшаяся вдругъ внезапнымъ безпокойствомъ, Глафира. — Ты проникъ... ты добился...

И съ этими словами, она вдругъ сдѣлала порывистое движеніе впередъ и, стукнувъ три раза кряду похолодѣвшими бѣлыми пальцами въ жаркій лобъ Горданова, прошептала:

— А кто помѣшалъ тебѣ убить того, кого ты сейчасъ назвалъ?

Гордановъ молчалъ.

— Что же ты молчишь?

— Что же говорить? Его спасъ «тикъ и такъ»; это рѣдкостнѣйшій случай.

— Рѣдкостный случай? Случай!.. Случай сталъ между твоею рукой и его беззащитною грудью?..

— Да, «тикъ и такъ».

— Да, «тикъ и такъ»; это случай? — шептала Бодростина. — Много вы знаете съ своимъ «тикъ и такъ».

— А что же по-твоему его спасло?

— Я это знаю.

— Такъ скажи.

— Изволь: уйди-ка вонъ туда, за ту перегородку, и посмотри въ уголь.

— Что же я тамъ увижу?

— Не знаю; посмотри, что-нибудь увидишь.

Гордановъ всталъ и, заглянувъ за дверь въ полутемную комнату, въ которую слабый свѣтъ чуть падалъ черезъ рѣзную кайму орѣховой перегородки, сказалъ:

— Что же тамъ смотрѣть? платье, да тѣнь.

— Что такое: какъ платье, да тѣнь?

— Тамъ платье.

— Какое платье? Тамъ вовсе нѣтъ никакого платья. Тамъ образъ, и я хотѣла указать на образъ.

— А я тамъ вижу платье, зеленое женское платье.

Бодростина поблѣднѣла.

— Ты его видишь и теперь? — спросила она падающимъ и прерывающимся голосомъ.

Гордановъ опять посмотрѣлъ и, отвѣтивъ наскоро: «нѣтъ, теперь не вижу», схватилъ одну жирандоль и вышелъ съ нею въ темную комнату.

Уголь былъ пустъ, и сверху его на Горданова глядѣлъ благой, успокаивающій ликъ Спасителя. Гордановъ постоялъ и затѣмъ, возвратясь, сказалъ, что дѣйствительно уголь пустъ и платья никакого нѣтъ.

— Я знаю, знаю, знаю,—прошептала въ отвѣтъ ему Бодрина, которая сидѣла, снова прислонясь къ спинкѣ дивана и, глядя вдаль прищуренными глазами, тихо обирала вѣтку винограда.

Но вдругъ, сорвавъ устами послѣднюю ягоду съ виноградной кисти, она сверкнула на Павла Николаевича гнѣвнымъ взглядомъ и, замѣтивъ его покушеніе о чемъ-то ее спросить, простонала:

— Молчи, пожалуйста, молчи!—И съ этимъ нервно кинула ему въ лицо оборванную кисть и, упавъ лицомъ и грудью на подушку дивана, тихо, но неудержимо зарыдала.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Нѣмая исповѣдь.

Гордановъ стоялъ надъ плачущей Глафирой и, кусая слегка губу, думалъ: «Ого-го! Куда это, однако, зашло. И корчитъ, и ломаетъ. О, лукавая! Я дощупался до твоего злого лиха. Но дѣло, однако, зашло слишкомъ далеко, она его любить не только со всею страстью, къ которой она способна, но и со всею сентиментальностью, безъ которой не обходится любовь подобныхъ ей погулявшихъ барынь. Это надо покончить!» И съ этимъ онъ сдѣлалъ шагъ къ Глафирѣ и коснулся слегка ея локтя, но тотчасъ же отскочилъ, потому что Глафира рванулась какъ раненая львица, и съ судорожно подергивающимися щеками, вперивъ острые, блуждающіе глаза въ Горданова, заговорила:

— Да, да, да, есть... есть... его нѣтъ, но эвъ есть, есть оно...

— О чемъ ты говоришь?

Глафира не обращала на него вниманія и продолжала какъ бы сама съ собой.

— Нѣтъ, это нестерпимо! Это несносно!—воскликнула она слово отъ слова все громче и болѣзненнѣе, и при этомъ то ломала свои руки, то, хрустя ими, ударяла себя въ грудь, и вдругъ, какъ бы окаменѣвъ, заговорила быстрымъ истерическимъ шопотомъ:—Это зеленое платье... ты видѣлъ его, и я его видѣла... Его нѣтъ и оно есть... Это она... я ее знаю и ты, ты тоже узнаешь, и...

— Кто же это?

— Совѣсть.

— Успокойся, что съ тобою сдѣлалось! Какъ ты ужасно взволнована!

— Нѣтъ, я ничего...

И Водростина тихо подала Горданову обѣ свои руки и задумалась и поникла головой, словно забылась. Павелъ Николаевичъ подаль ей стаканъ воды, она его спокойно выпила.

— Лучше тебѣ теперь?—спросилъ онъ.

— Да, мнѣ лучше.

Она возвратила Горданову стаканъ, который тотъ припаялъ изъ ея рукъ, и, поставивъ его на столъ, проговорилъ:

— Ну, и прекрасно, что лучше; но этого, однако, нельзя такъ оставить; ты больна.—И съ этимъ онъ направился къ двери, чтобы позвонить *служу* и послать за докторомъ, но Глафира, замѣтивъ его намѣреніе, остановила его.

— Павелъ! Павелъ!—позвала она.—Что это? Ты хочешь посылать за докторомъ? Какъ это можно! Нѣтъ, это все пройдетъ само собой... Это со мной бываетъ... Я стала очень нервна и только... Я не знаю, что со мной дѣлается.

— Да, вотъ и не знаешь, что это дѣлается! Вотъ вы и всѣ такъ, подобныя барыни: жизни въ васъ въ каждой въ одной за десятерыхъ, жизнь борется, бьется, а вы ее въ тискахъ жмете...—заговорилъ было Гордановъ, желая прервать потокъ болѣзненныхъ мечтаній Водростиной, но она его сама перебила.

— Тссъ! Перестань... Какая жизнь и куда ей рваться?.. Глушость. Совсѣмъ не то!

И она опять хрустнула сложенными въ воздухѣ руками, потомъ ударила ими себя въ грудь и снова, задыхавъ, прошептала:

— Дай мнѣ воды... скорѣй, скорѣй воды!—И жадно глотая потокъ за глоткомъ, она продолжала шепотомъ:—Бога ради не бойся меня и ничего не пугайся... Не зови никого... не надо чужихъ... Это пройдетъ... Мнѣ хуже, если меня бояться... Зачѣмъ чужихъ? Когда мы двое... мы... При этихъ словахъ она сдѣлала усиліе улыбнуться и пошутила:—«Какое счастье: ночь и мы одни!» Но ее сейчасъ же снова передернуло, и она занипѣла:—Не мѣняй мнѣ: я въ памяти... я стараюсь... я помню... Ты сказалъ... это стихотвореніе Фета... «Ночь и мы одни!» Я помню, тамъ на хуторѣ у Синягиной... есть портретъ... его замученной

женъ... Портретъ безъ глазъ... Покойница въ такомъ зеленомъ платьѣ... какое ты видѣлъ... Молчи! молчи! не спорь... покойной мученицы Флоры... Это такъ нужно... Природа возмущается тѣмъ, что я дѣлаю... Гораціо! Гораціо!.. есть вещи... тѣ, которыхъ нѣтъ... Ему, ему онъ хотѣлъ слѣдовать — Гораціо! Гораціо!—И повторяя это имя по новоду извѣстнаго намъ письма Подозерова, Глафира вдругъ покрылась вся пламенемъ, и холодныя руки ея, тихо лежавшія до сихъ поръ въ рукахъ Горданова, задрожали, закорчились и, выскользнувъ на волю, стиснули его руки и быстро побѣжали вверхъ, какъ пальцы артиста, играющаго на флейтѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Безъ покаянія.

Въ комнатѣ царилъ нѣмой ужасъ. Руки больной Глафиры дрожа скользили отъ кистей рукъ Горданова къ его плечамъ, и то щипля, то скручивая рукава гордановскаго бархатнаго пиджака, взбѣжали вверхъ до его шеи, а оттуда обѣ разомъ укали внизъ на лацканы, схватились за нихъ и за петли, а на шипящихъ и ничего не выговаривающихъ устахъ Глафиры появилась тонкая свинцовая полоска мутной пѣны. Противный и ужасный видъ этотъ невольно отбросилъ Горданова въ сторону. Онъ отступилъ шагъ назадъ, но наткнулся сзади на табуретъ и еще ближе столкнулся лицомъ съ искаженнымъ лицомъ Глафиры, въ рукахъ которой трещали и отрывались все крѣпче и крѣпче забираемые ею лацканы его платья. Бодростина вся мѣнялась въ лицѣ и, дѣлая неимоверныя усилія возобладать надъ собою, напрасно старалась промолвить какое-то слово. Отъ этихъ усилій глаза ея, подъ вліяніемъ ужаса парализованной ея нѣмоты, и вертѣлись, и словно оборачивались внутрь. Гордановъ каждое мгновеніе ждалъ, что она упадетъ; но она одолѣла себя и, сдѣлавъ надъ собою послѣднее отчаянное усиліе, однимъ прыжкомъ перелетѣла на средину комнаты, но здѣсь упала на полъ съ замершими въ ея рукахъ лацканами его щегольской бобровой курточки. Свинецъ съ устъ ея исчезъ, и она лежала теперь съ закрытыми глазами, стиснувъ зубы, и тяжело дышала всею грудью.

Гордановъ бросился въ свою комнату, смѣнилъ пиджакъ и позвалъ дѣвушку и лакея.

Глафиру Васильевну подняли и положили на диванъ, расшнуровали и прохладили ей голову компрессомъ. Черезъ нѣсколько минутъ она пришла въ себя и, поводя вокругъ глазами, остановила ихъ на Гордановѣ.

Дѣвушка въ это мгновеніе тихо вытянула изъ ослабѣвшихъ рукъ больной лацканы гордановской куртки и осторожно бросила ихъ подъ стулъ, откуда лакей также осторожно убралъ ихъ далѣе.

— Воздуху! — прошептала Глафира, остановивъ на Гордановѣ глаза, наполненные страха и страданія.

Тотъ понялъ и сейчасъ же распорядился, чтобы была подана коляска. Глафиру Васильевну вывели, усадили среди подушекъ, укутали ей ноги пледомъ и повезли, куда попало, по освѣщенной луной Москвѣ. Рядомъ съ нею сидѣла горничная изъ гостиницы, а на передней лавочкѣ—Гордановъ. Они ѣздили долго, пока больная почувствовала усталость и позывъ ко сну; тогда они вернулись, и Глафира тотчасъ же легла въ постель. Дѣвушка легла у нея въ ногахъ на диванчикѣ.

Гордановъ спалъ мертвымъ сномъ и очень удивился, когда, проснувшись, услышалъ спокойный и веселый голосъ Глафиры, занимавшейся съ дѣвушкой своимъ туалетомъ.

«Неужто же,—подумалъ онъ:—все это вчера было при творство? Одно изъ двухъ: или она теперешнимъ весельемъ маскируетъ обнаружившуюся вчера свою ужасную болѣзнь, или она мастерски сыграла со мною новую плутовскую комедію, чтобы заставить меня оттолкнуть Ларису. Самъ дьяволъ ее не разгадаетъ. Она хочетъ, чтобы я бросилъ Ларису; будь по ея, я брошу мою Ларку, но брошу для того, чтобы крѣпче ее взять. Глафира не знаетъ, что мнѣ самому все это какъ нельзя болѣе на руку».

Съ этимъ онъ одѣлся, вышелъ въ залъ и, написавъ пять строкъ къ Ларѣ, положилъ въ незапечатанномъ конвертѣ въ карманъ и ждалъ Глафиры.

Предстоящія минуты очень интересовали его: онъ ждалъ отъ Глафиры «презрѣннаго металла» и... удостовѣренія, въ какой мѣрѣ сердце ея занято привязанностью къ другому человѣку: до того ли это дошло, что онъ, Гордановъ, ей

уже совѣмъ противенъ до судорогъ, или... она его еще можетъ переносить, и онъ можетъ надѣяться быть ея мужемъ и обладателемъ какъ бодростинскаго состоянія, такъ и красоты Ларисы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Съ толку сбила.

Вчерашней сцены не осталось и слѣда. Глафира была весела и простосердечна, что чрезвычайно шло ко всему ея живому существу. Когда она хотѣла быть ласковой, это ей до того удавалось, что обаянію ея подчинялись люди самые къ ней нерасположенные, и она это, разумѣется, знала. Гордановъ, расхаживая по залѣ, слушалъ, какъ она разспрашивала дѣвушку о ея семьѣ, о томъ, гдѣ она училась и пр., и пр. Эти разспросы предлагались такимъ участливымъ тономъ и въ такой мастерской послѣдовательности, что изъ нихъ составлялась самая нѣжкійшая музыка, постепенно все сильнѣе и сильнѣе захватывавшая сердце слушательницы. Съ каждою шишкой, которую дѣвушка, убирая голову Бодростиной, затыкала въ ея непокорные волнистые волосы, Глафира пускала ей самый тонкій и болѣзненно-острый уколъ въ сердце, и, слушавшій всю эту игру, Гордановъ не успѣлъ и услѣдить, какъ дѣло дошло до того, что голосъ дѣвушки началъ дрожать на низкихъ нотахъ: она рассказывала, какъ она любила и что изъ той любви вышло... Какъ *онъ*, — этотъ вѣковѣчный *онъ* всѣхъ милыхъ дѣвъ, — бросить ее; какъ *она* по немъ плакала и убивалась, и какъ потомъ явилось *оно* — также вѣковѣчное и неизбѣжное третье, возникшее отъ любви *двухъ* существъ; какъ это *оно* было завернуто въ пеленку и одѣяльце... все чистенькое-пречистенькое... и отнесено въ Воспитательный домъ съ ноготочками, намѣченными лянисомъ, и какъ этотъ лянисъ былъ сѣденъ свѣтомъ, и какъ потомъ и само *оно* тоже будетъ сѣдено свѣтомъ и пр., и пр. Однимъ словомъ, старая пѣсня, которая, однако, вѣчно нова и не теритъ интереса для своего пѣвца.

Глафира Васильевна очаровывала дѣвушку вниманіемъ къ этому разсказу и имъ же не допускала ее ни до какихъ рѣчей о своемъ вчерашнемъ припадкѣ.

Съ Гордановымъ она держалась той же тактики. Выйдя

къ нему въ залъ, она его встрѣтила во всеоружіи своей сверкающей красоты: подала ему руку и освѣдомилась, хорошо ли онъ спалъ? Онъ похвалился спокойнымъ и хорошимъ сномъ, а она пожаловалась:

— Je n'ai pas fermé l'oeil toute la nuit,—сказала она, наливая чай.

— Будто! Это досадно, а мы, кажется, вчера предъ сномъ вѣдь сдѣлали хорошую прогулку.

Бодростина пожала съ недоумѣніемъ плечами и, улыбаясь, отвѣчала:

— Ну, вотъ подите же: не спала да и только! Вѣрно оттого, что вы были монмъ такимъ близкимъ сосѣдомъ.

— Не вѣрю!

Глафира сдѣлала кокетливую гримасу.

— Очень жалко, — отвѣчала она: — всѣмъ дастся по вѣрѣ ихъ.

— Но я невѣрующій.

— Да я не знаю, чему вы тутъ не вѣрите? что вблизи васъ не спится? Вы борець за существованіе.

— А, вотъ ты куда мѣтишь?

— Да; но вы, впрочемъ, правы. Не вѣрьте этому болыне, чѣмъ всему остальному, а то вы въ самомъ дѣлѣ возмечтаете, что вы очень большой хищный звѣрь, тогда какъ вы даже не мышь. Я спала крѣпко и пресладко и видѣла во снѣ прекраснаго человѣка, который совсѣмъ не походилъ на васъ.

— Не оттого ли вы такъ добры и прекрасны?

— Вѣроятно.

Гордановъ, похлебывая чай, шутя подвинулся только: что за сравненіе къ нему примѣнено, что онъ не звѣрь и даже не мышь!

— А конечно, — отвѣчала, зажигая пахитоску, Бодростина: — вы ни сѣтей не рвете и даже не умѣете проникнуть по-мышинному въ щелочку, и только бредомъ о своей Ларисѣ мѣшаете спящей въ двухъ шагахъ отъ васъ женщины забыть о своемъ сосѣдствѣ.

— Вотъ вамъ письмо къ этой Ларисѣ,—отвѣтилъ ей на это Гордановъ и подалъ конвертъ.

— На что же мнѣ оно?

— Прочтите.

— Я не желаю быть повѣренной чужого чувства.

— Нѣтъ, ты прочти, и ты тогда увидишь, что здѣсь и слова нѣтъ о чувствахъ. Да; я прошу тебя, пожалуйста, прочти.

И онъ почти насильно всунулъ ей въ руку развернутый листокъ, на который Глафира бросила нехотя взглядъ и прочитала:

«Прошу васъ, Лариса Платоновна, не думать, что я бѣжалъ изъ вашихъ палатинъ оскорбленный вашимъ обращеніемъ къ Подозерову. Спѣшу успокоить васъ, что я васъ никогда не любилъ, и послѣ того, что было, вы уже ни на что болѣе мнѣ не нужны и не интересны для моей любознательности.»

Гордановъ зорко слѣдилъ во все это время и за глазами Глафиры, и за всѣмъ ея существомъ, и не проморгнувъ движенія ея бровей и блага мизинца ея руки, который, по мѣрѣ чтенія, все разгибался и, наконецъ выпрямись, сталъ въ уровень съ устами Павла Николаевича. Гордановъ схватилъ этотъ шаловливый пальчикъ и, цѣлуя его, спросилъ:

— Довольна ли ты мною теперь, Глафира?

— Я немножко нездорова, чтобы быть чѣмъ-нибудь очень довольною,—отвѣчала она спокойно, возвращая ему листокъ, и при этомъ какъ бы вдругъ вспомнила:—Нѣтъ ли у васъ большой фотографіи или карточки, снятой съ васъ вдвоемъ съ женщиной?

— На что бы это вамъ?

— Мнѣ нужно.

— Не могу этнмъ служить.

— Такъ послужите. Возьмите Ципри-Кипри... Впрочемъ, эти одѣваться не умѣютъ.

— Да ну ихъ къ чорту, развѣ безъ нихъ мало!

— Именно; возьмите хорошую, но благопристойную...

— Даму изъ Амстердама,—подсказалъ Гордановъ.

Бодростина кинула ему въ отвѣтъ утвердительный взглядъ и въ то же время, вынувъ изъ бумажника карточку Александры Ивановны Синяниной, проговорила:

— Во вкусъ можете не стѣсняться—*blonde* или *brune*—это все равно; *оттуда* поза и фигура, а головка *отсюда*.

Гордановъ принялъ карточку и вздохнулъ.

— Конечно, нужно, чтобы станъ какъ можно болѣе отвѣчалъ тѣлу, которое носитъ эту голову.

— Ужь разумѣтся.

— И поза скромная, а не какая-нибудь, à la чортъ меня побери.

— Перестань, пожалуйста, меня учить.

— И платьѣ черное, самое простое черное шелковое платьѣ, какое есть непременно у каждой женщины.

— Да знаю же, все это знаю.

— Лишній разъ повторить не мѣшаетъ. И потомъ, когда дойдетъ дѣло до того, чтобы приставить эту головку къ корпусу дамы, которая будетъ въ вашихъ объятіяхъ, надо...

Гордановъ перебилъ ее и скороговоркой прочелъ:

— Надо поручить это дѣло какому-нибудь темному фотографичку... Найду такого изъ полячковъ или жидковъ.

— И чтобы на оборотѣ карточки не было никакого адреса.

— Ахъ, какая ты безпокойная, ужъ объ этомъ они сами побезпокоятся.

— Да, я безпокойна, но это и не мудрено; все это ужъ слишкомъ долго тянется,—проговорила она съ нетерпѣливою гримасой.

— Вѣдь за тобою же дѣло. Скажи, и давно бы все прикончили,—отвѣтилъ Гордановъ.

— Нѣтъ; дѣло не за мной, а за обстоятельствами. Я иду такъ, какъ мнѣ слѣдуетъ идти. Послѣнить въ этомъ случаѣ, значитъ людей насмѣшить, а мнѣ нуженъ свѣтъ, и онъ долженъ быть на моей сторонѣ.

— Ну, чортъ ли въ немъ тебѣ, и врядъ ли это можно.

— Нѣтъ, извините, мнѣ это нужно, и это можно! Свѣтъ не караетъ преступленій, но требуетъ отъ нихъ тайны. А впрочемъ, это ужъ мое дѣло.

— Позволь, однако, и мнѣ дать тебѣ одинъ совѣтъ,—заговорилъ Гордановъ, потряхивая въ рукѣ карточкой Синяниной.—Ты, разумѣется, разсчитываешь что-нибудь поставить на этой фотографіи, которую мнѣ заказываешь.

— Еще бы, конечно, мнѣ это нужно не для того, чтобы раздражать мою ревность.

— Да перестань играть словами. А дѣло вотъ въ чемъ: это ни къ чему не поведетъ; на этотъ хрусталь ничто не воздѣйствуетъ.

— Ты бросаешься въ игру словъ: *считъ* на него не воздѣйствуетъ?

— Не повѣрять,—отвѣчалъ, замотавъ головой, Гордановъ.

— Кому? Солнцу не повѣрять. Оставь со мною споры; ты мелко плаваешь, да и намъ остается ровно столько времени, чтобы позавтракать и проститься, условясь кое-о-чемъ предъ разлукой. Итакъ, еще разъ: понимаешь ли ты, что ты долженъ дѣлать? Бодростинъ долженъ быть весь въ рукахъ Казимиры, какъ Ювъ въ рукахъ сатаны, понимаешь? Весь, совершенно весь. Я получила прекрасныя вѣсти. Казимира, какъ настоящая полька, влюбилась наконецъ въ своего санкюлота... скрипача... Она готовилась быть матерью... Этимъ безцѣннымъ слухомъ мы должны воспользоваться, и это будущее дитя должно быть поставлено на счетъ Михаилу Андреевичу.

— Но тутъ... позволь!..—Гордановъ размѣялся и добавилъ:—въ этомъ твоего мужа не увѣришь.

— Почему?

— Почему? Потому что il a au moins soixante dix ans.

— Tant mieux, mon cher, tant mieux? C'est un si grand âge, что какъ не увлечься такимъ лестнымъ поклономъ! Онъ назовется авторомъ, не бойтесь. Впрочемъ, и это тоже не ваше дѣло.

— Да ужъ... «мой дѣла», это я вижу, что-то чернорабочее: дѣлай что велятъ и не смѣй спрашивать,—сказалъ, съ худо скрываемымъ неудовольствіемъ, Гордановъ.

— Это такъ и слѣдуетъ: мужчины трутни, грубая сила. Въ ульѣ господствуютъ безполые, какъ я! Твое дѣло будетъ только уронить невзначай Казимирѣ сказанную мною мысль о ребенкѣ, а ужъ она сама ее разыграетъ, и затѣмъ ты мнѣ опять тамъ нуженъ, потому что когда яичница въ шляпѣ будетъ приготовлена, тогда вы должны извѣстить меня въ Парижъ, — и вотъ все, что отъ васъ требуется. Не велика услуга?

— Очень не велика. Но что же требуется? Чтобъ онъ взялъ къ себѣ этого ребенка, что ли?

— Нимало. Дитя непременно должно быть отдано въ Воспитательный домъ, и *непремѣнно* при посредствѣ моего мужа.

— Ничего не понимаю,—проговорилъ Гордановъ.

— Право не понимаешь?

— Ровно ничего не понимаю.

— Ну, ты золотой человекъ. Лети же мой вѣмой посоль и носи мою неписанную грамоту.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Брильянтъ и янтарь.

Бодростина достала изъ портфеля пачку ассигнацій и, положивъ ихъ предъ Гордановымъ, сказала:

— Это тебѣ на первую жизнь въ Петербургѣ и на первую уплату по твоимъ долгамъ. Когда приплешь мнѣ фотографію, исполненную какъ я велѣла, тогда получишь вдвое больше.

Гордановъ взялъ деньги и поцѣловалъ ее руку. Онъ былъ смятъ и даже покраснѣлъ отъ сознанія своего наемничьяго положенія на мелкія дѣлишки, въ значеніи которыхъ ему даже не даютъ никакого отчета.

Онъ даже былъ жалокъ, и въ его глазахъ блеснула предательская слеза униженія. Бодростина смотрѣла на него еще минуту, пока онъ нарочно долго копался, наклонясь надъ своимъ портфелемъ и, наконецъ, вставъ, подошла къ нему и взяла его голову. Гордановъ наклонился еще ниже. Глафира повернула къ себѣ его лицо и поцѣловала его поцѣлуемъ долгимъ и страстнымъ. Онъ ожилъ... Но Глафира быстрымъ движеніемъ отбросила отъ себя обвиншія ее руки Горданова и, погрозивъ ему съ улыбкой пальцемъ, подавила пуговку электрическаго звонка и сама отошла и стала противъ зеркала.

Приказавъ вошедшему на этотъ зовъ слугѣ подать себѣ счетъ, Глафира добавила:

— Возьмите кстати у барина письмо и опустите его тотчасъ въ ящикъ.

Слуга отвѣтилъ:

— Слушаю-съ.

И, взявъ изъ рукъ Горданова письмо къ Ларѣ, безмолвно удалился.

Глафира спокойно начала укладывать собственноручно различныя мелочи своего дорожнаго багажа, посоветовавъ заняться тѣмъ же и Горданову.

Загѣмъ Бодростина посмотрѣла поданный ей счетъ, заплатила деньги и, велѣвъ выносить вещи, стала надѣвать предъ зеркаломъ черную кастановую шляпу съ длиннымъ вуалемъ.

Гордановъ снаряжился и, ставъ сзади нея, съ дорожкой сумкой черезъ плечо, онъ смотрѣлъ на нее сухо и сурово.

Глафира все это было видно въ зеркаль, и она спросила его:

— О чемъ ты задумался?

— Я думаю о томъ, гдѣ у иныхъ женщинъ та женская чувствительность, о которой болтають поэты?

— А нѣкоторыя женщины ее берегутъ.

— Берегутъ? гмъ! Для кого же онѣ ее берегутъ?

— Для избранныхъ.

— Для нѣсколькихъ?

— Да, понемножку. Вѣдь ты и многіе учили женщинъ, что всякая исключительная привязанность порабощаетъ свободу, а кто же болѣе другъ свободы, какъ не мы, несчастныя порабощенныя вами созданія? Идемъ, однако: наши вещи уже взяты.

И съ этимъ она пошла къ двери, а Гордановъ за нею.

Сбѣжавъ на первую террасу лѣстницы, она полуоборотилась къ нему и проговорила съ улыбкой:

— Какой мѣрой человекъ мѣритъ другому, такой возмѣрится и ему!—и снова побѣжала.

— Смотрите, чтобъ это не приложилось и къ вамъ, — отвѣчала вдогонку ей Гордановъ.

— О-о-о! не безпокойся! Для меня пора исключительныхъ привязанностей прошла.

— Ты лжешь сама себѣ: въ тебѣ еще цѣлый вулканъ жизни.

— А, это другое дѣло; но про такія серьезныя дѣла, какъ скрытый во мнѣ «вулканъ жизни», мы можемъ договорить и въ каретѣ.

Съ этимъ она вступила въ экипажъ, а за ней и Гордановъ.

Черезъ полчаса Павелъ Николаевичъ, занявъ мѣсто въ первоклассномъ вагонѣ Петербургской желѣзной дороги, вышелъ къ периламъ, у которыхъ, въ ожиданіи отхода поѣзда, стояла по другой сторонѣ Бодростина.

Онъ опять совпадалъ съ собой и смирился.

— Ну, еще разъ прощай, «вулканъ»,—сказалъ онъ, смѣясь и протягивая ей свою руку.

— Только, пожалуйста, не «вулканъ»,—отвѣтила еще шутливо Глафира. — Вулканъ остался тамъ, гдѣ ты посѣялъ свой умъ... Ничего: авось два вырастутъ. А ты утѣшься:

скучать не стѣитъ долго по Ларисѣ, да она и сама скучать не будетъ долго.

— Ты это почему знаешь?

— Да развѣ дуры могутъ долго скучать!

— Она не такъ глупа, какъ ты думаешь.

— Нѣтъ, она именно *такъ* глупа, какъ я думаю.

— Есть роли въ жизни, для выполненія которыхъ умъ не требуется.

— Да; только она ни къ одной изъ нихъ не годна.

— Отчего же: очень много недалекихъ женщинъ, которыя прекрасно составляютъ счастье мужей.

— Ты правъ: великодушныя дурочки. Да; это прекрасный сортъ женщинъ, но онѣ рѣдки и она не изъ нихъ.

— Ну, такъ изъ нея можетъ выйти кому-нибудь путная любовница.

— Никогда на свѣтѣ! Успѣшное исполненіе такой роли требуетъ характера.

— Ну, такъ въ дорогія камелии пригодится.

— О, всего менѣе! Тамъ нуженъ... талантъ! А впрочемъ, уже недолго ждать: *le grand ressort est cassé*, какъ говорятъ французы: теперь скоро увидимъ, что она съ собой подѣлаетъ?

Раздался второй звонокъ.

Гордановъ протянулъ на прощанье руку и сказалъ:

— Ты умна, Глафира, но ты забыла еще одинъ способъ любить подобныхъ женщинъ: съ ними надо дѣйствовать по романсу: «Тебя томить, тебя терзать, твоимъ мученьемъ наслаждаться».

— А ты-таки достоялся здѣсь предо мной до того, чтобы проговориться, какъ ты думаешь съ ней обойтись? Понимаю, и пусть это послужитъ тебѣ объясненіемъ, почему я тебѣ не довѣряюсь; пусть это послужитъ тебѣ и урокомъ, какъ глупо стараться заявлять свой умъ. Но иди, тебя зовутъ.

Кондукторъ дѣйствительно стоялъ возлѣ Горданова и приглашалъ его въ вагонъ.

Павель Николаевичъ стиснулъ руку Глафиры и шепнулъ ей:

— Ты брильянтъ самыхъ совершеннѣйшихъ граней!

Бодростина, смѣясь, покачала отрицательно головой.

— Что? Развѣ не брильянтъ?

— Я-н-т-а-р-ь!—шепнула она, оглядываясь и слегка на-
двигая брови над улыбающимся лицомъ.

— Почему же не брильянтъ, почему янтарь?—шепталъ,
выглядывая изъ вагона, развеселившійся Гордановъ.

— Потому что въ янтарѣ есть свое постоянное электри-
чество, межъ тѣмъ, какъ брильянтъ, чтобы блеснуть, ну-
ждается въ свѣтѣ... Я полагаю, что это, впрочемъ, совсѣмъ
не интересно для того, кого заперли на защелку. Adieu!

Поѣздъ тронулся и поползъ.

— Sans adieu! Sans adieu! Je ne vous dis pas adieu!—
крикнулъ, высовываясь назадъ, Гордановъ.

Бодростина только махнула ему, смѣясь, рукой и въ
томъ же самомъ экипажѣ, въ которомъ привезла сюда изъ
гостиницы Горданова, отъѣхала на дебаркадеръ другой
железной дороги. Не тяготясь большимъ крюкомъ, она из-
брала окольный путь на западъ и покатила къ небольшому
пограничному городку, на станціи котораго давно уже
обращалъ на себя всеобщее вниманіе таинственный госпо-
динъ потеряннаго вида, встрѣчавшій каждый поѣздъ, при-
ѣзжающій изъ Россіи.

Господинъ этотъ есть не кто иной, какъ злополучный
Иосафъ Платоновичъ Висленевъ, писавшій отсюда Горда-
нову подъ псевдонимомъ покинутой Эсперансы и уготован-
ный теперь въ жертву новымъ судьбамъ, вѣдомымъ лишь
Богу на небѣ, да на землѣ грѣшной рабѣ Его Глафирѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Указъ объ отставкѣ.

Мы не погонимся за нашими путешественниками: пусть
они теперь ѣдутъ каждый своимъ путемъ-дорогой, пока не
достигнутъ пунктовъ, на которыхъ должны продолжать свои
«предпріятія», а сами мы вернемся назадъ въ губернское
захолустье, гдѣ остались слѣды соколяго перелета Гор-
данова.

Въ то самое время, какъ Павелъ Николаевичъ катилъ
на сѣверъ, соображая: насколько онъ прочитанъ Глафирой
и насколько онъ самъ могъ прочитать ее; въ то время,
какъ Глафира несется на западъ, лежа въ углу спокой-
наго куна, въ положеніи нашихъ провинціальныхъ друзей
нарушилась тягостная неподвижность, и первые признаки
этого движенія были встрѣчены и приняты Ларисой.

Тотъ короткій осенній день, когда главные наши предприниматели развѣхались изъ Москвы въ разныя стороны, въ покинутой ими провинціи рано заключился темными ненастными сумерками. Въ пять часовъ послѣ обѣда мрачные отъ сырости дома утопали въ сѣрой проникающей мглѣ. Вѣтеръ не дулъ, не рвалъ и не свистѣлъ, а вертѣлся и дергался кое-гдѣ на одномъ мѣстѣ, будто сновала частую основу. Поснуеть, похлопасть ставней словно бедромъ и перелетитъ дальше, и тамъ постучитъ, помаячитъ и опять поинель далѣе. Крупный мокрый снѣгъ то сыплетъ какъ изъ рукава, то вдругъ порвѣдетъ и движется какъ скатывающаяся кисея, — точно не то летитъ сова, не то дунь плыветъ.

Въ полутемной комнатѣ, гдѣ лежалъ больной Подозеровъ, сумерки пали еще ранѣе: за густыми суконными занавѣсками, которыми были завѣшаны окна, свѣтъ померкъ еще ранѣе. Благодаря защитѣ этихъ же занавѣсъ, здѣсь не такъ была слышна и разгулявшаяся на дворѣ непогода. Напротивъ, шумъ непогоды, доходившій сюда смягченнымъ черезъ двойныя рамы и закрывающія ихъ волны сукна, навѣвалъ нѣчто успокоивающее и спотворное. Поскрипитъ, поскрипитъ тихонько за угломъ на своихъ петляхъ старая рѣшетчатая калитка, крикнетъ подъ окномъ на корнѣ старая яблоня, словно старуха, отбивающаяся отъ шаловливаго внука, — и все затихнетъ; мокрый вѣтеръ уже покинулъ яблоню и треплетъ безлиственные прутья березы. Но вотъ и эта отдѣлалась: ея мокрые голые прутья стегнули по закрытой ставнѣ окна и, опустясь, зашумѣли; береза точно ворчитъ во снѣ, что ей мѣшаютъ спокойно погрузиться въ свою полугодовую спичку, пока затрепетитъ надъ нею въ высокомъ небѣ звонкій жаворонокъ и возвѣститъ, что пора ей проснуться, обливаться молокомъ съ макушки до низу и брызгать сокомъ черезъ ароматную почку.

Стѣитъ человѣку задремать подъ этотъ прибой и отбой стихійныхъ порывовъ, и его готовъ осѣсть цѣлый рой грезъ, уносящихъ воображеніе и память въ чудную область мечтаній.

Подозеровъ почти впервые послѣ разразившейся надъ нимъ катастрофы спалъ приятно и крѣпко. Въ убаюканной головѣ его расчищался понемногу долго густѣвшій туманъ, и тихое вліяніе мысли выяснило знакомые облики и про-

водило ихъ въ стройномъ порядкѣ. Предъ нимъ двигалось дѣтство, переходя, какъ въ туманномъ стеклѣ панорамы, изъ картины въ картину, и вотъ она, юность, и вотъ они, болѣе зрѣлыя годы. Вотъ наконецъ и она. Въ зноиномъ пространствѣ, на зыбкихъ качеляхъ колеблется Лара... Что хочетъ сказать ея неразгаданный взглядъ? чѣмъ дышитъ эта чудная красота, и что въ ней не дышитъ? Призракъ чудесный! и зачѣмъ она вправду не призракъ? Зачѣмъ этотъ толчокъ и жгучая боль возлѣ больного сердца? Зачѣмъ тонкія, слегка посинѣвшія вѣки больного зашевелились, какъ оживающая весной оса, и медленно ползутъ къверху? Ему, очевидно, больно. Пробужденные глаза его видятъ въ полумракѣ закрытой щиткомъ лампады всю укутанную сукномъ комнату... Ея здѣсь нѣтъ; нѣтъ и тревоги, которая родитъ этотъ призракъ. Все тихо, какъ сонъ въ царствѣ тѣней... Вѣсть тихимъ, теплымъ покоемъ... Не въ этомъ ли родѣ нѣчто будетъ въ тотъ таинственный мигъ, когда разрѣшенный духъ, воспрянувъ въ смятеніи, взлетитъ надъ собственнымъ покинутымъ футляромъ, и носясь горѣ, остановится надъ тѣмъ, что занимало его на землѣ? Все это какъ будто знакомо, все это было тогда, но только не вспомнишь когда. Не вспомнишь причины, почему это такъ, а не иначе, отчего, напримѣръ, шатаясь шевелится эта стѣна, которою больному представляется сукно, закрывающее дверь. А движеніе все идетъ своимъ чередомъ. Вотъ занавѣса распахнулась, и изъ-за нея выступили двѣ тѣни. У одной изъ нихъ въ рукахъ лампада, закрытая прозрачною ладною. Что это за видѣнье? Вотъ эти тѣни взошли, остановились, вытянули впередъ свои головы и, напрягая зрѣніе, долго и пристально посмотрѣли на него, и потомъ неслышною стопой попятились назадъ и скрылись. Складки сукна снова упали, и опять вокругъ густой полумракъ. Блуждающій взоръ больного теперь не различаетъ ничего въ темномъ покоѣ, хотя больной не одинъ здѣсь, а у него есть очень интересный товарищъ: въ темномъ углубленіи, въ головахъ у него, между окномъ и высокимъ массивнымъ комодомъ, дремлетъ въ мягкомъ креслѣ Лариса.

Какая чудная поза! Какъ хороши эти сочетанія Греза, въ очертаніи рисунка, и Рембрандта, въ туманномъ колоритѣ! Но больной Подозеровъ не видитъ ни черныхъ рѣс-

ницъ, павшихъ на матовыя щеки, ни этой дремлющей руки, въ которой замерло знакомое намъ письмо Горданова,—предательское письмо, писанное въ утѣху Бодрустиной, а также и въ другихъ видахъ, извѣстныхъ лишь самому Горданову. Какъ могла спать Лариса, только что прочитавъ такія унизительныя для ея самолюбія строки? да и спала ли она? Нѣтъ, состояніе, въ которомъ она находилась, было не сонъ. Получивъ около часу тому назадъ это письмо, она рѣшилась вскрыть его только здѣсь, въ комнатѣ больного, который теперь казался ей геніемъ-хранителемъ. Прочитавъ присланный ей Гордановымъ короткій и наглый указъ объ отставкѣ, она уронила голову, уронила руку и потеряла сознание. Было-ль жаль его?.. Нѣтъ. Любила-ль она его?.. Богъ вѣсть. Но она была сражена тѣмъ, что она,—красавица, которая не умѣла придумать себѣ достойной цѣны,—можетъ быть пренебрежена и кинута какъ негодная и ничего не стоящая вещь! Она чувствовала въ случившемся не только обиду, но и живую несобразность, которая требуетъ разъясненія и выхода. Она ждала и жаждала ихъ, и они не замедлили.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Собака и ея тѣнь.

За стѣной, куда скрылися тѣни, началась шопотомъ бесѣда.

— И ты съ тѣмъ это и пришла сюда, Катя?—внезапно послышалось изъ-за успокоившихся полосъ сукна.

Лариса тотчасъ же узнала голосъ генеральши Синяпанной.

— Да; я именно съ этимъ пришла, — отвѣчала ей немножко грубоватый, но искренній голосъ Форовой; я давно жду и не дождусь этой благословенной минутки, когда онъ придетъ въ такой разумъ, чтобъ я могла сказать ему: «прости меня, голубчикъ Андрюша, я была виновата предъ тобою, сама хотѣла, чтобы ты женился на моей племянницѣ, ну а теперь каюсь тебѣ въ этомъ и сама тебя прощу: брось ее, потому что Лариса не стоитъ путнаго человѣка».

— Горячо сказано, Катя.

— Горячо и праведно, моя милая.

— Ну, въ такомъ случаѣ мнѣ остается только порадо-

ваться, что мы съ тобой сошлись на его крыльцѣ, что онъ спитъ и что ты не можешь исполнить своего намѣренія.

— Я его непременно исполню,—отвѣчала Форова.

— Нѣтъ, не исполнишь: я увѣрена, что ты черезъ минуту согласишься, что ты не имѣешь никакого права вмѣшиваться такимъ образомъ въ ихъ дѣло.

— Ну, это старая пѣсня; я много слыхала про эти невмѣшательства и не очень ихъ почитаю. Нѣтъ, вмѣшивайся; если кому жалеешь добра, такъ вмѣшивайся. А онъ мнѣ просто жалости достоинъ.

Слышно было, какъ Форова сорвала съ себя шляпу и бросила ее на столъ.

— Въ этомъ ты права,—отвѣтила ей тихо Синтянина.

— Да какъ же не права? Я тебѣ говорю, сколько я большая лежала, да разсуждала про нашу Ларису Платоновну, сколько теперь къ мужу въ тюрьму по грязи шлепаю, или когда здѣсь надъ больнымъ сижу,—все она у меня изъ головы нейдетъ: чтò она такое? Нѣтъ, ты Расскажи мнѣ, пожалуйста, чтò она такое?

Синтянина промолчала.

— Молчишь,—нетерпѣливо молвила Катерина Астафьева:—это, мать моя, я и сама умѣю.

— Она... красавица,—сказала Синтянина.

— То-есть писанка, которою цацкаются, да поцацкавшись, другому отдають, какъ писанное яичко на Великъ День.

— Чтò же это позволяетъ тебѣ дѣлать на ея счетъ такія заключенія?

— Изъ чего я такъ заключаю?.. А вотъ изъ этого письма, которое мнѣ какой-то благодѣтель прислалъ изъ Москвы. Возьми-ка его, да поди къ окну, прочитай.

Синтянина встала и черезъ минуту воскликнула:

— Какая низость.

— Да; вотъ и разсуждай. Вотъ тебѣ и красавица,— Гордашка, и тотъ шлетъ отказъ какъ шесть.

— Анонимное письмо... конія... это все не стòитъ никакой вѣры.

— Нѣтъ, это вѣрно, да чтò въ самомъ дѣлѣ намъ себѣ врать: это такъ должно быть. Я помню, что встарь говорили: красота безъ нравовъ—это приманка безъ удочки; такъ оно и есть: подилываетъ карась, повертится, да и

уйдетъ, а тамъ голецъ толкнется, пескаръ губами пощипаетъ, пока развѣ какой шершавый еригъ халнетъ, да ужъ совѣмъ слопасть. Ларка... нѣтъ, эта Ларка роковая: твой мужъ правду говорить, что ее, какъ калмыцкую лошадь, одинъ калмыкъ переупрямить.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе послышался только тихій вздохъ.

— Да, вотъ видишь ли, и вздохнула? А хочешь ли я тебѣ скажу, почему ты вздыхаешь? Потому, что ты сама согласна, что въ ней, въ нашей прекрасной Ларочкѣ, нѣтъ ничего достойнаго любви и уваженія.

Синтянина на это не отвѣтила ни слова, а голова Ларисы судорожно оторвалась отъ спинки кресла и выдвинулась впередъ съ гнѣвнымъ взоромъ и расширяющимися ноздрями.

Форова не прерывала нити занимающихъ ее мыслей и продолжала свой разговоръ.

— Нѣтъ, ты не отмалчивайся,—говорила она:—мы здѣсь однѣ, насъ двухъ никто третій здѣсь не слышитъ, и я у тебя настоятельно спрашиваю: что же, уважаешь развѣ ты Ларису?

— Уважаю,—рѣшительно отвѣтила Синтянина.

— Лжешь! Ты честная женщина, ты никого не погубила и потому не можешь уважать такую метельцу.

— Она метелица, это правда, но это все оттого только, что она капризна,—отвѣчала генеральша.

— Да вотъ изволишь видѣть: она только капризна да пустоголова, а то всѣмъ бы взяла.

— Ну, извини: у нея есть умъ.

— Необыкновенно какъ умна! Цѣны себѣ даже не сложить, колочка не выбереть, на какой бы себя повѣсить! И то бы ей хорошо, а это еще лучше того; ступить шагъ, да оглянется, поидетъ впередъ и опять воротится.

— Все это значитъ только то, что у нея безпокойное воображеніе.

— Ну, вотъ выдумай еще теперь безпокойное воображеніе! Все что-нибудь виновато, только не она сама! А я вамъ доложу-съ одно, дорогая моя Александра Пваловна, что какъ вы этого ни называйте, — капризь ли это или по новому—безпокойное воображеніе,—а съ этимъ жить нельзя!

Генеральша пожала плечами и отвѣчала:

— Однако же люди живутъ съ женщинами капризными.

— Живутъ-съ? Да, съ ними живутъ и маются и вѣкъ свой губятъ. Изъ человѣка сила-богатырь вышелъ бы, а кисейный рукавъ его на вѣтеръ пустить, и ученые люди въ родѣ васъ это оправдываютъ: «Женщина, женщина!» говорить. «Женщины несчастныя, ихъ надо во всемъ оправдывать».

— Я не оправдываю ни женщинъ, ни Ларисы, и, пожалуйста, прощу тебя, не считай меня женскимъ адвокатомъ; бываютъ виноватыя женщины, есть виноватыя мужчины.

— Какъ же вы не оправдываете Ларису, когда вы ее даже уважаете?—настаивала майорша.

— Я въ Ларисѣ уважаю то, что заслуживаетъ уваженія.

— Что же-съ это, что, позвольте узнать? Что же вы въ ней уважаете?

— Она строгая, честная дѣвушка.

— Что-съ?

— Она строгая къ себѣ дѣвушка; дѣвушка честная, не болтушка, не слетница; любить домъ, любить чтеніе и бесѣду умныхъ людей. А все остальное... отъ этого ей одной худо.

— Она строгая дѣвушка? Она честная? Поздравляю!

— Развѣ ты о ней какимъ-нибудь образомъ узнала что-нибудь нехорошее?

— Нѣтъ, образомъ я ничего не узнала, а меня это какъ полѣномъ въ лобъ свистнуло... но только нечего про это, нечего... А я сказала, что не хочу, чтобъ Андрей Ивановичъ принималъ какъ святыню ее, общѣлованную мерзкими губами; я этого не хочу и не хочу, и такъ сдѣлаю.

И разгорячившаяся Форова забылась и громко хлопнула по столу ладонью.

— Да!—подтвердила она:—я такъ сдѣлаю: дрянъ ее бросила, а хорошему я не дамъ съ ней обрушиться.

— Дрянъ бросила, а хорошій подниметь, — проговорила Синтянна.—Это такъ нерѣдко бываетъ, моя Катя.

— Ну бываетъ, или не бываетъ, а на этотъ разъ такъ не будетъ! Клянусь Богомъ, мужемъ моимъ, всѣмъ на свѣтѣ клянусь: этого не будетъ! Подыми только его Господь, а ужъ тогда я сама, я все ему открою, и онъ ее броситъ.

— Какъ же ты можешь за это ручаться? Ну, ты ска-

жешь ему, что она капризница, но большею частью всё хорошенькія женщины капризны.

— Нѣтъ, я и другое еще скажу.

— Ну... ты, положимъ, скажешь, что она кого-то когда-то поцѣловала, что ли...—произнесла, нѣсколько затрудняясь, генеральша:—но что же изъ этого?

— Такъ это ничего! Такъ это по-твоему ничего? Ну, не ожидала, чтобы ты, ты, строгая, чистая женщина, дѣвушкамъ ночные поцѣлуи съ мерзавцами совѣтовала.

— Я и никогда этого не совѣтовала, но скажу, что это бываетъ.

— И что это *ничего*?

— Почти. Спроси, пожалуйста, по совѣсти всѣхъ дамъ, не случилось ли имъ поцѣловать мужчину до замужества, и ручаюсь, что рѣдкой этого не случилось; а между тѣмъ это не помѣшало многимъ изъ нихъ быть потомъ и очень хорошими женами и матерями.

— Ну, а я говорю, что она не будетъ ни хорошей женой, ни хорошей матерью; мнѣ это сердце мое сказало, да и я знаю, что Подозеровъ самъ не станетъ по-твоему разсуждать. Я видѣла, какъ онъ смотрѣлъ на нее, когда былъ у тебя въ послѣдній разъ предъ дуэлью.

— Какъ онъ на нее смотрѣлъ? Я ничего особеннаго не видала.

— Именно особенно: совсѣмъ не такъ, какъ глядѣлъ на нее прежде. Бровки-то съ губками видно уже наприторѣли, а живая душа за душу потянула.

— Что это?.. другая любовь, что ли?

— Да-съ.

— Это любопытно,—уронила съ легкимъ смущеніемъ въ голосѣ генеральша.

— А ты не любопытствуй, а то я вѣдь, пожалуй, и скажу.

— Пожалуйста, пожалуйста, скажи.

— Да ты же сама эта живая душа, вотъ кто!

— Ну ты, Катерина, въ самомъ дѣлѣ съ ума сходишь.

— Нимало не схожу: ты его любишь, и онъ къ тебѣ тоже всей душой потянулся, и придетъ время дотянется.

Генеральша еще болѣе смущеннымъ голосомъ спросила:

— Что за вздоръ такой, какъ это онъ—*дотянется*?

— Да отчего жъ нѣтъ? Ты молода, ему тридцать пять

лѣтъ, а мужу твоему дважды тридцать пять, да еще не съ хвостикомъ ли? Иванъ Демьяновичъ умретъ, а ты за Андрюшу замужъ выйдешь. Вотъ и весь сказъ.— Не желаешь, чтобъ такъ было?

Послышался шорохъ, и двѣ женскія фигуры въ обѣихъ смежныхъ комнатахъ встали и двинулись: Лариса скользнула къ кровати Подозерова и положила свою трепещущую руку на изголовье больного, а Александра Ивановна сдѣлала шагъ на середину комнаты и, сжавъ на груди руки, произнесла:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты лжешь! Видитъ Богъ мое сердце, я не желаю смерти моему мужу! Я желаю ему выздоровленія, жизни, покоя и примиренія со всѣмъ, предъ чѣмъ онъ не правъ. И это такъ и будетъ: докторъ сегодня сказалъ, что Иванъ Демьяновичъ уже положительно внѣ всякой опасности, и мы поѣдемъ въ Петербургъ; тамъ вынуть его пулю, и онъ будетъ здоровъ.

— Да, да, все это вы сдѣлаете, а все-таки будетъ такъ, какъ я сказала: старому гнить, а молодымъ жить. Ты этого не хочешь, но тебѣ это желается; оно такъ и выйдетъ.

При этихъ новыхъ словахъ Форовой фигура генеральши, обрисовавшаяся темнымъ силуэтомъ на сѣромъ фонѣ густыхъ сумерекъ, поднялась съ дивана и медленно повернулась.

— Катя! это уже наконецъ жестоко! — проговорила она и, закрывъ рукой лицо, отошла къ стѣнѣ. Она какъ бы чего оробѣла, и на вѣкахъ ея глазъ повисли слезы.

Въ это же самое мгновенье, въ другой комнатѣ, Лара, упершись одною рукой въ блѣдный лобъ Подозерова и поднимая тоненькимъ пальцемъ его зѣницы, другою крѣпко сжала его руку и, глядя перепуганнымъ взглядомъ въ расширенные зрачки больного, шептала:

— Встаньте, встаньте же, встаньте! Проснитесь... я люблю васъ!

Лариса должна была нѣсколько разъ кряду повторить свое признаніе, прежде чѣмъ обнаружилось хотя слабое дѣйствіе того волшебства, на которое она рассчитывала. Но она такъ настойчиво тербила больного, что въ его глазахъ наконецъ блеснула слабая искра сознанія, и онъ вышелъ изъ своего окаменѣлаго безчувствія.

— Слышите ли вы, слышите ли, что я говорю вамъ?— добивалась шопотомъ Лара, во всю свою силу сжимая руку больного и удерживая пальцами другой руки вѣки его глазъ.

— Слы...ш...ш...ш...у!—тихо протянулъ Подозеровъ.

— Узнаете ли вы меня?

— Уз...на...ю.

— Назовите же меня, назовите: кто я?

— Вы?..

Больной вдругъ вперилъ глаза въ лицо Лары и послѣ долгаго соображенія отвѣтилъ:

— Вы не она.

Лариса выбросила изъ своихъ рукъ его руку, выпрямилась и, закусивъ нижнюю губку, мысленно послала не ему, а многимъ другимъ одно общее проклятіе, бѣлая доля котораго безъ раздѣла досталась генеральшѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Раненаго берутъ въ плѣнь.

Описанная неожиданная сцена между Ларисой и Подозеровымъ произошла очень быстро и тихо, но, тѣмъ не менѣе, нарушивъ безмолвіе, царившее во все это время въ покоѣ больного, она не могла утаиться отъ двухъ женщинъ, присутствовавшихъ въ другой комнатѣ, если бы вниманіе ихъ въ эти минуты не было въ сильнѣйшей степени отвлечено другою неожиданностью, которая, въ свою очередь, не обратила на себя вниманія Ларисы и Подозерова только потому, что первая была слишкомъ занята своими мыслями, а второй былъ еще слишкомъ слабъ для того, чтобы соображать разомъ, что дѣлается здѣсь и тамъ въ одно и то же время.

Дѣло въ томъ, что прежде чѣмъ Лара приступила къ Подозерову съ рѣшительнымъ словомъ, на крыльцѣ деревяннаго домика, занимаемаго Андреемъ Ивановичемъ, слышались тяжелые шаги, и въ тотъ моментъ, когда взволнованная генеральша отошла къ стѣнѣ, въ темной передней показалась еще новая фигура, которой нельзя было ясно разглядѣть, но которую сердце майорши назвало ей по имени.

Катерина Астафьевна, воззясь въ темноту, вдругъ по-

забыла всякую осторожность, требуемую близостью больного, и, отчаянно взвизгнувъ, кинулась впередъ, обхватила вошедшую темную массу руками и замерла на ней.

Генеральша торопливо оправилась и зажгла спичкой свѣчу. Огонь освѣтилъ предъ нею обросшую косматую фигуру майора Филетера Форова, къ которому, въ изступленіи самыхъ смѣшанныхъ чувствъ ужаса, радости и восторга, припала полновѣсная Катерина Астафьевна. Увидѣвъ при огнѣ лицо мужа, майорша только откинула назадъ голову и, не выпуская майора изъ рукъ, закричала: «Форъ! Форъ! ты ли это, мой Форъ!» и начала покрывать поцѣлуями его сильно посѣдѣвшую голову и мокрое отъ дождя и снѣга лицо.

— Ты это? ты? Говори же мнѣ, ты или нѣтъ? — доби- валась она, раздѣляя каждое слово поцѣлуемъ, улыбкой и слезами.

— Ну, вотъ тебѣ на! Я или нѣтъ? Разумѣется я, — отвѣ- чала майоръ.

— Господи! я глазамъ своимъ не вѣрю, что это ты!

— Ну, такъ повѣрь.

Майорша не отвѣчала: она, дѣйствительно, какъ бы не довѣряя ни зрѣнію своему, ни слуху, ни осязанию, жалась къ мужу, давила его плечи своими локтями и судорожно ерошила и сжимала въ дрожащихъ рукахъ его сѣдые во- лосы и обросшую въ острогѣ бороду!

— Откуда же ты? да говори же скорѣе: убѣжалъ?.. Я тебя скрою...

— Ничуть я не убѣжалъ, и нечего тебѣ меня скрывать. Здравствуйте, Александра Ивановна!

Генеральша отвѣчала пожатіемъ руки на его привѣтствіе, и съ своей стороны спросила:

— Какъ это вы, Филетеръ Ивановичъ?

— А очень просто: сначала на цѣпь посадили, а нынче спустили съ цѣпи, — только и всего. Стѣдствіе затянулось; Гордановъ съ поручительствомъ уѣхалъ, и меня, въ сравне- ніе съ сверстниками, на поруки выпустили. Спасибо госпо- дину Горданову!

— Да, спасибо ему, разбойнику, спасибо! Но что же мы стоимъ? Иди же, дружочекъ, садись, и Расскажи, какъ ты пришелъ... Только тихо говори, бѣдный Андруша чуть живъ.

— Пришелъ я очень просто: своими ногами, а Андрей Ивановичъ гдѣ же лежитъ?

— Тутъ за стѣной. Тише, онъ теперь спитъ, а мы съ Сашутой тутъ и сидѣли... Ея Ивану Демьянычу, знаешь, тоже легче... да; Саша повезетъ его весною въ Петербургъ, чтобъ у него вынули пулю. Не хочешь ли чаю?

— Ничего, можно и чаю; я тамъ привыкъ эту дрянъ пить.

— Садись же, а я скажу человѣку, чтобы поставилъ самоваръ. Ты вѣдь не заходилъ домой... ты прямо?..

— Прямо, прямо изъ острога,—отвѣчалъ майоръ, усаживаясь рядомъ съ Синтяниной на диванъ и принимаясь за сооруженіе себѣ своей обычной толстой папиросы.

— Я боялся идти домой, — заговорилъ онъ, обратясь къ генеральши, когда жена его вышла.—Думалъ: войду въ сумеркахъ, застаю одну Торочку: она, бѣдное творенье, перепугается, — и пошелъ къ вамъ; а у васъ говорятъ, что вы здѣсь, да вотъ какъ разъ на нее и напалъ. Хотѣлъ было ей башмаки, да лавки заперты. А что, гдѣ теперь Лариса Платоновна?

— Она вѣрно дома.

— Нѣтъ, я былъ у нея; ея дома нѣтъ. Я заходилъ къ ней, чтобы занять пять цѣлковыхъ для своего поручителя, да не нашелъ ее и отдалъ ему съ шеи золотой крестъ, который мнѣ Торочка въ острогѣ повѣсила. Вы ей не говорите, а то обидится.

— А кто же за васъ поручился? Впрочемъ, что я спрашиваю: конечно, другъ вашъ, отецъ Евангель.

— А вотъ же и не отецъ Евангель: зачѣмъ бы я Евангелю крестъ отдалъ?

— И правда: я вздоръ сказала.

— Да, кажется, что такъ. Нѣтъ, за меня не Евангель поручился, а цѣловальникъ Берко. Другъ мой, отецъ Евангель—атитаторъ и самъ подъ судомъ, а слѣдовательно довѣрія не заслуживаетъ. Другое дѣло жидъ Берко; онъ «цестный еврей». Но все дѣло не въ томъ, а что я такое вижу... те!.. те!.. тише.

Синтянина взглянула по направленію, по которому глядѣлъ въ окно майоръ, и глазамъ ея представилась огненная звѣздочка. Еще мгновение, и эта звѣздочка вдругъ краснымъ зайцемъ перебѣжала по сосѣдской крышѣ и закурилась дымомъ.

— Пожаръ! по сосѣдству пожаръ, у сосѣдей!—задыхаясь, прошептала, вбѣгая, Форова.

Майоръ, жена его и генеральша выбѣжали на крыльцо и убѣдились, что дѣйствительно въ двухъ шагахъ начинался пожаръ и что огонь черезъ нѣсколько минутъ угрожалъ неминуемою опасностью квартирѣ Подозерова. Больного надо было спасать: надо было его взять и перенести, по куда?—вотъ вопросъ. Неужто въ гостиницу? Но въ гостиницахъ такъ безпокойно и безпріютно. Къ Форовымъ? по это далеко, и потому у нихъ тоже не Богъ вѣсть какіе помѣстительные чертоги... Къ Синтянинымъ?.. У тѣхъ, разумѣется, есть помѣщеніе, но генераль Иванъ Демьянычъ самъ очень слабъ, и хотя онъ давно привыкъ вѣрить женѣ и нечего за нее опасаться, однакоже онъ подозрителенъ, ревнивъ; старыя страсти могутъ зашевелиться. Это промелькнуло въ головѣ генеральши одновременно съ мыслью взять къ себѣ больного, и промелькнуло особенно ясно потому, что недавніе намеки насчетъ ея чувства къ Подозерову были такъ живы и, къ крайнему ея стыду, къ крайней досадѣ ея, не совсѣмъ безосновательны.

«Вотъ и казнь!—подумала она:—вотъ и начинается казнь! Надъ чѣмъ бы я прежде не остановилась ни одного мгновенія, надъ тѣмъ я теперь размышляю даже тогда, когда дѣло идетъ о спасеніи человѣка»...

Но пока генеральша предавалась этимъ размышленіямъ, на дворѣ и на улицѣ закипѣла уже пожарная суматоха и черезъ минуту она должна была неизбежно достигъ до ушей больного и перепугать, а можетъ-быть, и убить его своею внезапностью. Настояла крайняя необходимость сейчасъ же рѣшиться, что предпринять къ его спасенію, — а между тѣмъ всѣ только ахали и охали. Катерина Астафьевна бросалась то на огородъ, то за ворота, крича: «Ахъ, Господи, ахъ, Николай угодникъ, что дѣлать?» Синтянина же, рѣшивъ взять, ни на что не смотря, больного къ себѣ, побѣжала въ кухню искать слугу Подозерова, а когда обѣ эти женщины снова столкнулись другъ съ другомъ, вбѣгая на крыльцо, вопросъ уже былъ рѣшенъ безъ всякаго ихъ участія. Онѣ въ сѣняхъ встрѣтили Форова, который осторожно несъ на рукахъ человѣка, укутаннаго въ долгорунную баранью шубу майора, а Лариса поддерживала ноги больного и прикрывала отъ вѣтра его истощенное тѣло. О

томъ, *кто* эта ноша—нечего было спрашивать. Катерина Астафьевна и Синтянина только воскликнули въ одинъ голосъ: «куда вы это?» на что Лара, не оборачиваясь къ нимъ, отвѣтила: «ко мнѣ»,—и эффектное перенесеніе шло далѣе, по ярко освѣщенному двору, по озареннымъ заревомъ улицамъ, мимо людей толпящихся, осуждающихъ, разсуждающихъ и не разсуждающихъ.

Синтянина и Форова послѣдовали за Ларой и майоромъ. Когда больного положили въ кабинетъ отсутствующаго Жозефа Висленева, Филетеръ Ивановичъ посидѣвши опять на пожаръ и, найдя помощниковъ, энергически принялся спасать подоzerовскіе пожитки, перетаскивая ихъ на Висленевскій дворъ. Къ утру все это было окончено, и хотя квартира Подозерова не сгорѣла, а только нѣсколько потерпѣла отъ пожарнаго переполоха, но возвратиться въ нее было ему неудобно, пока ее снова приведутъ въ порядокъ; а тѣмъ временемъ обнаружались и другія препятствія, состоявшія главнымъ образомъ въ томъ, что Лара не хотѣла этого возвращенія. Она дала это понять всѣмъ къ ней близкимъ въ тотъ же самый вечеръ, какъ Подозеровъ былъ положенъ въ кабинетъ ея брата.

Лара вдругъ обнаружила быстрѣйшую распорядительность: она, съ помощью двухъ слугъ и Катерины Астафьевны съ генеральшей, въ нѣсколько минутъ обратила комнату брата въ удобное помѣщеніе для больного и, позвавъ врача, пользовавшаго Подозерова, объявила Форовой и Синтяниной, что больной требуетъ покоя и долженъ остаться исключительно на однихъ ея попеченіяхъ.

Генеральша и майорша переглянулись.

— Мы, значить, теперь здѣсь лишнія?—спросила Катерина Астафьевна.

— Да, вамъ, тетя, хорошо бы посмотрѣть, чтò тамъ... дѣлается съ его вещами, а здѣсь я сама со всѣмъ управлюсь,—спокойно отвѣчала Лара и ушла доканчивать свои распоряженія.

Форова и Синтянина остались вдвоемъ въ пустой залѣ.

— Что же, это значить раненый теперь въ плѣнъ взять, что ли?—молвила майорша.

Синтянина въ отвѣтъ на это только пожала плечами, и обѣ эти женщины молча пошли по домамъ, оставивъ Ларису полною госпожой ея плѣнника и властительницей его живота и смерти.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Роза изъ сугроба.

Больной оставался тамъ, гдѣ его положили; время шло, и Лариса дѣлала свое дѣло.

Чуть только Подозеровъ, получившій облегченіе, началъ снова ясно понимать свое положеніе, Лара, строго удалявшая отъ больного всѣхъ и особенно Синтянину, открыла ему тайну униженія, претергнутаго ею отъ Горданова.

Это было вечеромъ, одинъ-на-одинъ: Лариса открыла Испанскому Дворянину все предшествовавшее полученію отъ Павла Николаевича оскорбительнаго письма. При этомъ разсказѣ, Ларису, конечно, нельзя было бы упрекнуть въ особенной откровенности; — нѣтъ, она многое утаивала и совсѣмъ скрыла подробности поцѣлуя, даннаго ею Павлу Николаевичу на окнѣ своей спальни; но чѣмъ неоткровеннѣе она была по отношенію къ себѣ, тѣмъ рѣзче и безповоднѣ выходила наглость Горданова, а Подозеровъ былъ склоненъ вѣрить на этотъ счетъ очень многому, и онъ, дѣйствительно, вѣрилъ всему, что ему говорила Лариса. Когда послѣдняя подала ему извѣстное намъ письмо Горданова, Подозеровъ, пробѣжавъ его, содрогнулся, откинулъ далеко отъ себя листокъ и проговорилъ:

— Я только одного не постигаю, какъ такой постулокъ до сихъ поръ не наказанъ!

И Подозеровъ началъ тихо вытирать платкомъ свои блѣдныя руки, въ которыхъ за минуту держалъ гордановское письмо.

— Кто же можетъ его наказать? — молвила потерянно Лариса.

— Тотъ, кто имѣетъ законное право за васъ вступаться,—вашъ братъ Жозефъ. Это его обязанность... по крайней мѣрѣ до сихъ поръ у васъ нѣтъ другого защитника.

— Мой братъ... гдѣ онъ? Мы не знаемъ, гдѣ онъ, и къ тому... эта исторія съ портфелемъ...

Подозеровъ поглядѣлъ на Ларису и, поправясь на изголовьи, отвѣтилъ:

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Онъ не смѣетъ?

— Да; я совершенно безпомощна, беззащитна и... у меня даже не можетъ быть другого защитника, — хотѣла доска-

зять Лара, но Подозеровъ понялъ ее и избавилъ отъ труда досказать это.

— Говорите, пожалуйста: чего вы еще боитесь, что еще вамъ угрожаетъ?

— Я вся кругомъ обобраана... я нищая...

— Ахъ, это!.. да развѣ уже срокъ закладной дома минулъ?

— Да, и этотъ домъ уже больше не мой; онъ будетъ проданъ, а я, какъ видите, — обогана, поругана и обезчещена.

Лариса заплакала, склоня свою фарфоровую голову на бѣлую ручку, по которой сбѣгалъ, извиваясь какъ змѣя, черный локонъ.

Подозеровъ молча глядѣлъ нѣсколько времени и наконецъ сказалъ даже:

— Что же теперь дѣлать?

— Не знаю; я все потеряла, все... все... состояніе, друзей и доброе имя.

— И отчего я здѣсь у васъ не вижу... ни Катерины Астафьевны, ни майора, ни Синтяпиной?

— Тетушкѣ изъ Москвы прислали копию съ этого письма; она всему вѣритъ и презираетъ меня.

— Боже! какой страшный мерзавецъ этотъ Гордановъ! Но будто уже это письмо могло вліять на Катерину Астафьевну и на другихъ?

Лариса вмѣсто отвѣта только хрустнула руками и прошептала:

— Я пойду въ монастырь.

— Что такое?—переспросилъ ее изумленный Подозеровъ, и, получивъ отъ нея подтвержденіе, что она непременно пойдетъ въ монастырь, не возразилъ ей ни одного слова.

Наступила долгая пауза: Лариса плакала, Подозеровъ думалъ. Мысль Лары о монастырѣ подѣйствовала на него чрезвычайно странно. Предъ нимъ точно вдругъ разогнулась страница одного изъ тѣхъ старинныхъ романовъ, къ которымъ Висленевъ намѣревался обратиться за усвоеніемъ себѣ манеръ и пріемовъ, сколько-нибудь пригодныхъ для житія въ обществѣ благопристойныхъ женщинъ. Въ памяти Подозерова промелькнули «Чернецъ» и «Тайственная монахиня» и «Тайны Донаретскаго аббатства», и вслѣдъ затѣмъ вечеръ на Синтянинскомъ хуторѣ, когда отецъ Евангелъ читалъ наизусть на непередаваемомъ французскомъ

языкъ стихи давно забытаго французскаго поэта Климента Маро, оканчивающіеся строфой:

«Ainsi retournement humain se fait».

И Подозерову стало дико. Неужели въ самомъ дѣлѣ колесо совсѣмъ перевернулось, и начинается сначала?.. Но когда же все это случилось и какъ? Неужели это произошло во время его тяжелой борьбы между жизнью и смертію? Нѣтъ; это стряслось не вдругъ: это шло чередомъ и полосой: мы сами только этого не замѣчали, и нынѣ дивимся, что общаго между прошлымъ тѣхъ героинь, которыя замыгались въ монастыри, и прошлымъ сверстницъ Лары, получившихъ болѣе или менѣе невнятные уроки въ словахъ пророковъ новизны и въ примѣрахъ, ненадолго опередившихъ ихъ мечтательницъ, кинутыхъ на распутьи жизни съ ихъ обманутыми надеждами и упованіями? Да; есть, однакоже, между ними нѣчто общее, есть даже много общаго: какъ преподаваемые встарь уроки «бабушекъ» проходили безъ проникновенія въ жизнь, такъ прошли по верхамъ и позднѣйшіе уроки новыхъ внушителей. По заслугамъ опроверченное, недавнее юродство отрицательницъ было выставлено пугаломъ для начинающихъ жить юношей и юницъ послѣдняго пятилѣтія, но въ противовѣсъ ему не дано никакого живого идеала, способнаго возвысить молодую душу надъ уровнемъ всеневныхъ столкновеній, теорій и житейской практики. Какъ панацея отъ всѣхъ бѣдъ и неурядицъ ставилась «бабушкина мораль», и къ ней оборотили свои насупленные и недовольные лики юныя внучки, съ трепетомъ отрекшіяся отъ ужаснущаго ихъ движенія «безповоротныхъ» жриць недавно отошедшаго или только отходящаго культа; но этотъ поворотъ былъ не поворотъ по убѣжденію въ превосходствѣ иной морали, а робкое пяченье назадъ съ протестомъ къ тому, что покинуто, и тайнымъ презрѣніемъ къ тому, куда направилось отступленіе. Изъ отреченія отъ недавнихъ, нынѣ самихъ себя отрицающихъ отрицателей, при полномъ отсутствіи всякаго иного свѣжаго и положительнаго идеала, вышло только новое, полнѣйшее отрицаніе: отрицаніе идеаловъ и отрицаніе отрицанія. Въ жизни явились люди безъ прошлаго и безъ всякихъ, хотя смутно опредѣленныхъ стремленій въ будущемъ. Мужчины изъ числа этихъ перевертней, выбирался изъ по-

ваго хаоса, ударились по пути иезуитскаго предательства. Коварство они возвели въ добродѣтель, которою кичились и кичатся до сего дня, не краснѣя и не совѣщаясь. Религія, школа, самое чувство любви къ родинѣ,—все это вдругъ сдѣлалось предметомъ самой безсовѣстной эксплуатаціи. Женщины пошли по ихъ стопамъ и даже обогнали ихъ: вчерашнія отрицательницы брака не пренебрегали никакими средствами обезпечить себя работникомъ въ лицѣ мужа и влекли съ собою неосторожныхъ юношей къ алтарю отрицаемой ими церкви. Этому изыскивались оправданія. Браки заключались для болѣе удобнаго вступленія въ безконечныя новые браки. Затѣмъ посыпались, какъ изъ рога изобилія, просьбы о разводахъ и самыя алчныя иски на мужей... Все это шло быстро, съ наглостію почти изумительною, и послѣдняя вещь становилась дѣйствительно горше первой.

Въ этой суматохѣ отъ толпы новыхъ лицемѣровъ отдѣлялся еще новѣйшій ассортиментъ, который не знаемъ какъ и назвать. Эти гнушались ренегатствомъ, признали за собою превосходство какъ предъ погибающими или уже погибшими откровенными отрицательницами, такъ и предъ коварницами новѣйшаго пошиба; но сами не могли избрать себѣ никакого неосудимаго призванія. Въ своемъ шатаніи онѣ обрѣли себя чуждыми всѣмъ и даже самимъ себѣ, и наибольшее ихъ несчастіе въ томъ, что онѣ чаще всего не сознаютъ этой отчужденности до самыхъ роковыхъ минутъ въ своей жизни. Онѣ не знаютъ, къ чему онѣ способны, куда бы хотѣли и чего бы хотѣли.

Красавица Лариса была изъ числа этихъ обреченныхъ на несносное страданіе существъ послѣдней культуры. Выросши на глазахъ заботливой, но слабой и недальновидной матери, Лариса выслушала отъ брата и его друзей самыя суровыя осужденія старой «бабушкиной морали», которой такъ или иначе держалось общество до проповѣданія учений, осмѣявшихъ эту старую мораль, и она охотно осудила эту мораль, но потомъ еще охотнѣе осудила и ученія, склонившія ее къ первымъ осужденіямъ. Отбросивъ одно за другимъ и то, и другое, она осталась сама ни при чемъ, и такъ и жила, много читая, много слушая, но не симпатизируя ничему.

«У нея нѣтъ ничего, — рѣшилъ, глядя на нее, Подозо-

ровь.—Она не обрѣжетъ волосъ, не забредитъ коммуной, не откроетъ швейной: все это для нея пустяки и утопія; но она и не склонитъ колѣна у алтаря и не помирится со скромною ролью простой, доброй семьянинки. Къ чему ей прилѣпиться и чѣмъ ей стать? Ей нечѣмъ жить, ей не къ чему стремиться, а между тѣмъ дѣвичья пора уходитъ, и особенно теперь, послѣ огласки этой гнусной исторіи, не сладко ей, бѣдняжкѣ!»

И онъ еще посмотрѣлъ на Ларису, и она показалась ему такою бѣдною и безпомощною, что онъ протянулъ ей руку и не успѣлъ одуматься и сообразить, какъ къ рукѣ этой, обхваченной жаркими руками Лары, прилѣнули ея влажныя, трепещущія губы и канула горячая слеза.

Что могло привести Ларису къ такому поступку? Къ нему побудило ее страшное сознаніе круглаго одиночества, неодолимый натискъ потребности казнить себя униженіемъ и малодушная надежда, что за этимъ ударомъ ея самолюбію для нея настанетъ возможность стать подъ крыло вполнѣ добраго человѣка, какимъ она признавала Подозерова.

Въ послѣднемъ расчетѣ было кое-что вѣрно.

Больной вскочилъ и дернулъ свою руку изъ рукъ Ларисы, но этимъ самымъ привлекъ ее къ себѣ и почувствовалъ грудь ея у своей груди и заплаканное лицо ея у своего лица.

— О, умоляю васъ,—шептала ему Лара.—Бога ради, не киньте меня вы... Выведите меня изъ моего ужаснаго, страшнаго положенія, или иначе... я погибла!

— Чѣмъ, чѣмъ и какъ я могу помочь вамъ? Приказывайте! говорите!

— Какъ хотите.

— Я сдѣлаю все, что могу... но что, что я могу сдѣлать! Права заступиться за васъ... я не имѣю... Вы не хотѣли этого сами...

— Это ничего не значить,—горячо перебила его Лара.

Подозеровъ взглянулъ на нее острымъ взглядомъ и, прошептавъ: «какъ ничего не значить?»—повернулъ лицо къ стѣнѣ.

— Ничего не значить! Возьмите всѣ права надо мною: я ихъ даю вамъ.

Подозеровъ молчалъ, но сердце его сильно забилося.

Лариса стояла на прежнемъ мѣстѣ возлѣ его постели. Въ комнатѣ продолжалось мертвое безмолвіе.

«Чего она отъ меня хочетъ?»—думалъ большой, чувствуя, что сердце продолжаетъ учащенно биться, и что на него отъ Лары опять пышетъ тонкимъ ароматомъ, болѣзненно усиливающимъ его безпокойство.

Онъ рѣшился еще разъ просить Ларису сказать ему, приказать ему, что онъ долженъ для нея сдѣлать, и, оборотясь къ ней съ этой цѣлю, остолбенѣлъ. Лариса стояла на колѣняхъ, положивъ голову на край его кровати, и плакала.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы такъ страдаете?—проговорилъ онъ.

— Мнѣ тяжело... за себя... за васъ... мнѣ жаль... прощеднаго,—отвѣчала, не поднимая головы, Лариса.

У Подозерова захватило дыханіе, и сердце его упало и заныло: онъ, молча, слабою рукой коснулся волосъ на головѣ красавицы и прошептала:

— Боже! Да я вѣдь тотъ же, какъ и прежде. Научите меня только, что же нужно для того, чтобы вамъ было легче? Вы помните, я вамъ сказалъ: я вѣчно, вѣчно другъ вашъ!

Лариса подняла личико и, взглянувъ заплаканными глазами въ пристально на нее глядѣвшіе глаза Подозерова, молча сжала его руку.

— Говорите же, говорите, не мучьте меня: что надо дѣлать?

— Вы за меня стрѣлялись?

— Нѣтъ.

— Вы не хотите мнѣ сказать правды.

Ларисѣ стало досадно.

— Я говорю вамъ правду: я тогда былъ приведенъ къ этому многимъ,—многимъ, и вами въ томъ числѣ, и Александрой Ивановной, и моею личною обидой. Я не знаю самъ хорошо, за что я шелъ.

— За Синтянину, — прошептала, блѣднѣя и потупляя глаза, Лариса.

— Нѣтъ... не знаю... мнѣ просто... не занимательно жить.

— Почему?—прошептала Лара и, еще крѣпче сжавъ его руку, добавила:—Пусть этого впередъ не будетъ.

— Ну, хорошо; но теперь дѣло не о мнѣ, а о васъ.

Мнѣ тогда будетъ хорошо,—трепеща, продолжала Лариса:—тогда, когда...

Лариса встала на ноги; глаза ея загорѣлись, занавѣсились длинными вѣками и снова распахнулись.

Она теребила и мjala въ рукахъ руку Подозерова и наконецъ нетерпѣливо сказала, морща лобъ и брови:

— О, зачѣмъ вы не хотите понять меня?

— Нѣтъ; я не умѣю понять васъ въ эту минуту.

— Да, да! Непремѣнно въ эту минуту, или никогда! Андрей, я васъ люблю! Не отвергайте меня! Бога ради, не отвергайте!—настойчиво и твердо выговорила Лара и быстро выбѣжала изъ комнаты.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

На курьерскихъ.

Наступившій за симъ день былъ рѣшителемъ судьбы плѣнника Ларисы. Несмотря на разницу въ нравѣ и образѣ мыслей этого человѣка съ нравомъ и образомъ мыслей Висленева, съ Подозеровымъ случилось то же самое, что нѣкогда стряслось надъ братомъ Лары. Подозеровъ женился совсѣмъ нехотя, не думая и не гадая. Разница была только въ побужденіяхъ, ради которыхъ эти два лица нашего романа посягнули на бракъ, да въ томъ, что Лариса не искала ничьей посторонней помощи для обвинчанія съ собою Подозерова, а напротивъ даже, она устраняла всякое вмѣшательство самыхъ близкихъ людей въ это дѣло.

Послѣ того случая, который рассказанъ въ концѣ предшествовавшей главы, дѣло уже не могло остановиться и не могло кончиться иначе какъ бракомъ. По крайней мѣрѣ такъ рѣшилъ послѣ безсонной ночи честный Подозеровъ; такъ же казалось и не спавшей всю эту ночь своенравной Ларисѣ.

Подозеровъ, поворачивая, съ насупленными бровями, свои подушки подъ головой, разсуждалъ: «Эта бѣдная дѣвушка, если въ нее всмотрѣться поближе... самое несчастное существо въ мірѣ. Она просто *никто*... человѣкъ безъ прошлаго! Какъ она все это мнѣ сказала? Именно какъ дитя, въ душѣ котораго рождается невѣдомо что, совсѣмъ новое и необъяснимое никакимъ прошлымъ... Съ ней нельзя обходиться какъ со взрослымъ человѣкомъ: ее нужно жалѣть и беречь...

особенно... теперь, когда этот мерзавец ее так уронил... Но кто же станет теперь жалеть и беречь? Я должен на ней жениться, хотя и не чувствую къ тому теперь любовнаго влеченія. Да и не все ли мнѣ равно: люблю ли я ее страстной любовью, или не люблю? Я, правда, не Печоринъ, но я равнодушенъ къ жизни. Я вникалъ въ нее, изучалъ ее и убѣдился, что вся она пустяки, вся не стоитъ хлопотъ и заботъ... Все, что я встрѣчалъ и видѣлъ, все это тлѣнь, суета и злоба; мнѣ надоѣло далѣе все это разсматривать. Я слишкомъ поздно узналъ женщину, которая не есть злоба и суета, и тлѣнь, и эта женщина взяла надо мною какое-то старшинство... и мнѣ пріятна эта власть ея надо мной; но кто сама эта женщина?—Жертва. Въ ея жертвѣ ея прелесть, ея обаяніе, и ея совершенство въ громадности любви ея... любви безъ критики, безъ анализа...»

И въ памяти Подозерова пронеслась вся его бесѣда въ хуторной рожицѣ съ Синтиной, и съ каждымъ вспомнутымъ словомъ этой бесѣды все ближе и ближе, яснѣй и яснѣй являлась предъ нимъ генеральша, съ ея логикой простой, нехитростной любви.

«Великій Господи! Насколько вся эта христіанская простота и покорность выше, прекраснѣе и сильнѣе всего, что я видѣлъ прекраснаго и сильнаго въ наилучшихъ мужчинахъ? Какъ гадко мнѣ теперешнее мое раздумье, когда бѣдная дѣвушка, которую я любилъ, оклеветана, опозорена въ этомъ мелкомъ міркѣ, и когда я, будучи властенъ поставить ее на ноги, раздумываю: сдѣлать это, или не дѣлать? Почему же не дѣлать? Потому что она не выдерживаетъ моей критики и сравненій съ другою. А развѣ я самъ выдерживаю съ *тою* какое-нибудь сравненіе? О чемъ тутъ думать, когда бѣдная Лара уже прямо сказала, что она меня любитъ и что ей не къ кому, бѣдняжкѣ, примкнуть. Что мнѣ мѣшаетъ назвать ее своею женой? Я разубѣдился немножко въ Ларисѣ; предо мною мелькнуло невыгодное для нея сравненіе, и только... И моя любовь рухнула отъ критики, ее одолѣла критика. Что же, еслибъ *она*, эта страдалица, взглянула теперь въ мое сердце? Какъ бы она должна была презирать меня съ моею минутною любовью! Нѣтъ; это значитъ, что я не любилъ Ларису прежде, что она лишь *правилась* мнѣ, какъ могла нравиться и Горданову... что я любилъ въ ней тогда мою утѣху, мою мечту о счастіи, а

счастье... счастье въ томъ, чтобы чувствовать себя слугой чужого счастья. Это одно, *это одно* только вѣрно, и кто хочетъ дожить жизнь въ мирѣ съ самимъ собою, тотъ долженъ руководиться одною этою истиной... Все другое къ этому само приложится. Какъ?.. Но, Господи, будто можно знать, чтѣ къ чему и какъ приложится? Надо просто дѣлать то, что можно дѣлать, что требуетъ счастье ближняго въ эту данную минуту».

Съ такими мыслями Подозеровъ слегка забылся предъ утромъ и съ ними же, открывъ глаза, увидѣлъ предъ собою Ларису и протянулъ ей руку.

Лара опустила глаза.

— Вы не отчаивайтесь,—сказаль ей тихо Подозеровъ.— Все поправимо.

Она пожалала едва замѣтнымъ движеніемъ его руку.

— Ошибки людямъ свойственны; не вы однѣ имѣли несчастіе полюбить недостойнаго человѣка,—продолжалъ Андрей Ивановичъ.

— Я его не любила,—прошептала въ отвѣтъ Лариса.

— Ну, увлеклись, довѣрились... Все это вздоръ! Повѣрьте, все вздоръ, кромѣ одного добра, которое человѣкъ можетъ сдѣлать другому человѣку.

— Вы ангель, Андрей Ивановичъ!

— О, нѣтъ! Не преувеличивайте, пожалуйста! Я человѣкъ, и очень дурной человѣкъ. Посмотрите, куда я гожусь въ сравненіи со многими другими, которые вамъ сочувствуютъ?

Лара молча вскинула на него глазами и какъ бы спрашивала этимъ взглядомъ: кого онъ разумѣетъ?

— Я говорю объ Александрѣ Ивановичѣ и о майоригѣ.

— Ахъ, онѣ!—воскликнула, спохватясь, Лариса и, насунивъ бровки, добавила шопотомъ:—Я вамъ вѣрю больше всѣхъ.

— Зачѣмъ же больше?.. Нѣтъ, васъ любятъ нѣжно... преданно и Форовы, и генеральша...

— А вы?—спросила вдругъ съ тревогой Лара.

— И я.

— Вы меня прощаете?

— Прощаю ли я васъ?

— Да?

— Въ чемъ же прощать?

— Ахъ, не говорите со мною такимъ образомъ!

— Но вы ни въ чемъ предо мною не виноваты.

— Нѣтъ, это не такъ, не такъ!

— Совершенно такъ: я васъ любилъ, но... но не нравился вамъ... И что же тутъ такого!

— Это не такъ, не такъ!

— Не такъ?

— Да, не такъ.

Лара закрыла ладонью глаза и прошептала:

— Не мучьте же меня; я уже сказала вамъ, что я люблю васъ.

— Вы ошибаетесь,—отвѣтилъ, покачавъ головой, Подозеровъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не ошибаюсь: я васъ люблю.

— Нѣтъ, вы очень ошибаетесь. Въ васъ говоритъ теперь жалость и состраданіе ко мнѣ, но все равно. Если бъ я не надѣялся найти въ себѣ силы устранить отъ васъ всякій поводъ прійти современемъ къ сожалѣнію объ этой ошибкѣ, я бы не сказалъ вамъ того, что скажу сію секунду. Отвѣчайте мнѣ прямо: хотите ли вы быть моею женой?

— Да!

— Дайте же вашу руку.

Лариса задрожала, схватила трепещущими руками его руку и второй разъ припала къ ней горячими устами.

Подозеровъ отдернулъ руку и, покраснѣвъ, вскричалъ:

— Никогда этого не дѣлайте!

— Я такъ хочу!.. Оставьте!—простонала Лариса и, обвивъ руками шею Подозерова, робко нашла устами его уста. Подозеровъ сдѣлалъ невольное, хотя и слабое, усиліе отвернуться: онъ понялъ, что за человекъ Лариса, и въ душѣ его мелькнуло... презрѣніе къ невѣстѣ

Боже, какая это разница въ сравненіи съ тою, другою женщиной, образъ которой нарисовался въ это мгновеніе въ его памяти! Какую противоположность представляетъ это судорожное метанье съ тѣмъ твердымъ, самообладающимъ спокойствіемъ той другой женщины!..

Лариса въ это время тоже думала о той самой женщинѣ и проговорила:

— Въ эту важную минуту я васъ прошу только объ одномъ, исполните ли вы мою просьбу?

— Конечно.

Лариса крѣпко сжала обѣ руки своего жениха и, краснѣя и потупляясь, проговорила:

— Поцадите мое чувство!

Подозеровъ посмотрѣлъ на нее молча.

Лариса выбросила его руки и, закрывъ ладонями свое пылающее лицо, прошептала:

— Не вспоминайте мнѣ...

Она опять остановилась.

— О чемъ? Ну, договаривайте смѣло, о чемъ?

— О Синтяниной.

Подозеровъ промолчалъ. Лариса становилась ему почти противна; а она, уладивъ свою судьбу съ Подозеровымъ, впала въ новую суету и вовсе не замѣчала чувства, какое внушила своему будущему мужу...

Подозеровъ обрадовался, когда Лариса тотчасъ послѣ этого разговора вышла, не дождавшись отъ него отвѣта. Онъ всталъ, заперъ за нею дверь и задумался... О чемъ? О томъ сѣдомъ кавказскомъ капитанѣ, который въ извѣстномъ разсказѣ графа Льва Толстого, готовясь къ смертному бою, ломалъ голову надъ рѣшеніемъ вопроса, возможна ли ревность безъ любви? Подозеровъ имѣлъ предъ глазами живое доказательство, что такая ревность возможна, и ревнивая выходка Лары была для него противнѣе извѣстной ему ревности ея брата въ Павловскомъ паркѣ и сто разъ недостойнѣе ревности генерала Синтянина.

«Однако, съ нею и не такъ легко, должно-быть, будетъ,— подумалъ онъ.— Да, не легко; но вѣдь только на картинахъ рисуютъ разбойниковъ въ плащахъ и съ перьями на шляпахъ, а ницету съ душистою геранью на окнѣ; на самомъ дѣлѣ все это гораздо хуже. И на словахъ тоже говорятъ, что можно жить не любя... да, можно, но каково это?»

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Еще шибче.

Событія эти, совершившіяся въ глубокой тайнѣ, разумѣется, не были никому ни однимъ словомъ выданы ни Подозеровымъ, ни Ларисой; но тонкій и необъяснимо наблюдательный во всѣхъ подобныхъ вещахъ женскій взглядъ прозрѣлъ ихъ.

Катерина Астафьевна, навѣстивъ вечеромъ того же дня племянницу, зашла прямо отъ нея къ генеральшѣ и сказала, за чашкой чаю, послѣдней:

— А наша Лариса Платоновна что-то устроила!

— Что же такое она могла устроить?—спросила генеральша.

— Не знаю; сейчасъ я была у нихъ, и они что-то оба очень вѣжливо другъ съ другомъ говорятъ и глазки потупляютъ.

— Ну, ты, Катя, кажется, опять сплетничаешь.

— Сходи, матушка, сама и посмотри; навѣсти больного-то послѣ того, какъ онъ поправился.

Форова подчеркнула послѣднее слово и, протягивая на прощанье руку, добавила:

— Въ самомъ дѣлѣ, онъ говорилъ, что очень желалъ бы тебя видѣть.

Съ этимъ майорша ушла домой; но, посѣтивъ на другой день Синтянину, тотчасъ же, какъ только усѣлась, запыгала:

— А что же, видѣла?

— Видѣла,—отвѣчала, не безъ усилія улыбувшись, Александра Ивановна.

— Ну и поздравляю; а ничего бы не потеряла, если бъ и не глядя повѣрила мнѣ.

Синтянина объявила, что Лариса сказала ей, что она выходить замужъ за Подозерова.

— Это смѣхъ!—отвѣтила майорша.—Отъ досады замужъ идти! Или она затѣмъ выходитъ, чтобы показать, что на ней еще и послѣ амуровъ съ Гордашкой честные люди могутъ жениться! Что же, дуракамъ законъ не писанъ: пусть хватитъ шиломъ нашей патоки!.. Когда же будетъ эта ихъ «маланьина свадьба»?

— Онъ мнѣ сказалъ, что скоро... На этихъ дняхъ, черезъ недѣлю или черезъ двѣ.

— Пропалъ, братъ, ты, бѣдный Андрей Ивановичъ!

— Полно тебѣ, Катя, пророчить.

— А не могу я не пророчить, милая, когда даръ такой имѣю.

— Даръ!—Генеральша улыбулась и спросила:—Что же ты, святая, что ли, что тебѣ данъ даръ пророчества?

— Ну, вотъ, святая! Святая ли или клятая, а проро-

чествую. Валаамова ослица тоже вѣдь не свята была, а прорекала.

Въ эту минуту въ комнату взошелъ майоръ Форовъ и разсказаль, что онъ сейчасъ встрѣтилъ Ларису, которая неожиданно сообщила ему, что выходитъ замужъ за Подозерова и просить майора быть ея посаженнымъ отцомъ.

— Чудесно!—воскликнула нетерпѣливая Катерина Астафьевна:— одна я пока еще осталась въ непосвященныхъ! Что же, ты ее похвалилъ и поздравилъ?—обратилась она къ мужу.

— А разумѣется поздравилъ и похвалилъ, — отвѣчалъ майоръ.

— И даже похвалилъ?

— Да вѣдь сказано же тебѣ, что похвалилъ.

— Мнѣ кажется, что ты все это врешь.

— Нимало не вру; его бы я не похвалялъ, а ее отчего же не хвалить?

— Потому что это подлость.

— Какая подлость? Никакой я тутъ подлости не вижу. Вольно же мужчинѣ дѣлать глупость — жениться, — къ бабѣ въ батраки идти; а женщины дуры были бы, если бѣ отъ этого счастья отказывались. Въ чемъ же тутъ подлость? Это принятіе подданства, и ничего больше.

— За что же ты Иосафову свадьбу осуждалъ?

— А-а! тамъ дѣло другое: тамъ принужденіе!

— А здѣсь умаливанье, просьбы.

— Почему ты это знаешь?

— Такъ: я пророчица.

— Ну и что же такое, если и просьбы? Она, значить, умная барышня и политичная; устраняется какъ можетъ.

— Передовая!

— А конечно; впередъ всѣхъ идетъ и честно просить: мнѣ-де штатный дуракъ нуженъ, — не согласитесь ли вы быть моимъ штатнымъ дуракомъ? И что же, если есть такой согласный? И прекрасно! Хвалю ее, поздравляю и даже образомъ благословлю.

— Да ты еще знаешь ли, какъ благословляютъ-то образомъ?

— Нѣтъ, не знаю, но я сейчасъ прямо отсюда къ Евангелу пойду и спрошу.

— Нѣтъ, по мнѣ эта свадьба сто разъ хуже ингилисти-

ческой Ясафкиной свадьбы въ Петербургѣ, потому что эта просто чортъ знаетъ зачѣмъ идетъ замужъ!

— Имѣть выгоды,—отвѣчала майоръ.

— Да; она репутацію свою поправляетъ; но его-то, его-то, шута, чтѣ волочить въ эту гибель?

— Его?.. А что же, это и ему хорошо: это тѣшить его испанское дворянство. И благо имъ обоемъ: пусть себѣ совершенствуются.

— Ну, пронадать же имъ! Въ этомъ бракѣ несчастіе и погибель.

— Отчего же погибель? — отозвался майоръ. — Мало ли людей бывають несчастливы въ бракѣ, но находятъ свое счастье за бракомъ.

— Да, вотъ это что!—всплила Катерина Астафьевна:— такъ по-твоему, чтѣ такое бракъ? Вздоръ, форма, фить — и ничего болѣе.

— Бракъ?.. нынче это для многихъ женщинъ средство переимѣнять мужей и не слыть нигилисткой.

— Вы дуракъ, господинъ майоръ!—проговорила, побагровѣвъ, майорша.

— Это какъ угодно,—я говорю, какъ понимаю.

— А ты зачѣмъ сюда пришелъ?

— Да я къ Евангелу въ гости иду и за новымъ журналомъ зашелъ, а больше ни за чѣмъ: я ругаться съ тобою не хочу.

— Ну, такъ бери книгу и отправляйся вонъ, гадостный нигилистъ. Съдыхъ волосъ-то своихъ постыдился бы!

— Я ихъ и стыжусь, но не помогаешь,—все больше съдѣють.

Послѣ этихъ словъ Форовъ незлобливо простился и ушелъ, а черезъ десять дней отецъ Евангель, въ небольшой деревенской церкви, сочеталъ нерушимыми узами Подозерова и Ларису. Свадьба эта, которую майорша называла «маланьиной свадьбой», совершилась тихо, при однихъ свидѣтеляхъ, послѣ чего у молодыхъ былъ скромный ужинъ для близкихъ людей. Веселья не было никакого, напротивъ, все вышло, по мнѣнію Форовой, «не по-людски».

Невѣста пріѣхала въ церковь озабоченная, сердитая, уѣхала съ мужемъ надутая, встрѣтила гостей у себя дома разсѣяннo и сидѣла за столомъ недовольная.

Лариса понимала, что она выходитъ замужъ какъ-то

очень не серьезно, и чувствовала, что это понимает не одна она, и вследствие того она ощущала досаду на всѣхъ, особенно на тѣхъ, кто былъ опредѣленіе ея, а таковы были всѣ. Особенно же ей были неприятны всякія превосходства въ сравненіяхъ: она какъ бы боялась ихъ, и въ этомъ-то родѣ опредѣлялись ея отношенія къ Синтяниной. Лара не ревновала къ ней мужа, но она боялась не совладѣть съ нею, а къ тому же послѣ вѣнчанія Лариса начала думать: не напрасно ли она поторопилась, что, можетъ-быть, лучше было бы... уѣхать куда-нибудь, вмѣсто того, чтобы выходить замужъ.

«Маланьина свадьба» выходила прескучная!

Никакія попытки друзей придать оживленіе этому бѣдному торжеству не удавались, а напротивъ, какъ-будто еще болѣе портили вечеръ.

Поэтическій отецъ Евангель явился съ цѣлымъ запасомъ теплоты и свѣтлоты: поздравилъ молодыхъ, весь сіяя радостію и доброжеланіями, подалъ Подозерову отъ своего усердія небольшую икону, а Ларисѣ преподнесъ большой вѣнокъ, добытый имъ къ этому случаю изъ бодростинскихъ оранжерей. Поднося цвѣты, «поэтическій поень» привѣтствовалъ красавицу-невѣсту восторженными стихами, въ которыхъ величалъ женщину «жемчужиной въ вѣнкѣ твореній». «Ты вся любовь! Ты вся любовь!» восклицалъ онъ своимъ звонкимъ теноромъ, держа предъ Ларисой вѣнокъ:

Всѣ дни твои—кругомъ извитыя ступени
Широкой лѣстницы любви.

Онъ декламировалъ, указывая на Подозерова, что ей «дано его поконить; судьбу и жизнь его дѣлать; его всѣ радости удвоить, его печали раздвоить», и заключилъ свое поэтическое поздравленіе словами:

И я, возникшій для волненія
За жизнь собратій я мою,
Тебѣ вѣнецъ благословенія
Отъ всѣхъ рожденныхъ подаю.

И съ этимъ онъ, отмахнувъ полу своей голубой кашемировой рясы на коричневомъ подбоѣ и держа въ рукахъ вѣнокъ предъ своими глазами, подалъ его воспѣтой имъ невѣстѣ.

Евангелу заплодировали и Синтянина, и Форовъ, и Катерина Астафьевна, и даже его собственная понадея. Да и

невозможно было оставаться равнодушнымъ при видѣ этого до умиленія восторженнаго священника.

Попъ Евангель и въ самомъ дѣлѣ былъ столько прекрасенъ, что вызывалъ восторги и хваленія. Этому могла не поддаться только одна виновница торжества, то-есть сама Лариса. Лариса нашла эту восторженность не идущую къ дѣлу, и усилившимся недовольнымъ выраженіемъ лица дала почувствовать, что и величаніе ея «жемчужиной въ вѣнкѣ твореній», и воспѣваніе любви, и указаніе обязанности «его печали раздвоить», и наконецъ самый вѣнокъ,—все это напрасно, все это ей не нужно, и она отнюдь не хочетъ врисовывать себя въ пасторально-буколическую картину, начертанную Евангеломъ. Лариса постаралась выразить все это такъ внушительно, что не было никого, кто бы ея не понималъ, и майоръ Форовъ, чтобы перебить неприятную натушность и вмѣстѣ съ тѣмъ слегка наказать свою капризную племянницу, вмѣшался съ своимъ тостомъ и сказалъ:

— А я вамъ, уважаемая Лариса Платоновна, попросту, какъ хохлы, скажу: «будь здорова якъ корова, щедровата якъ земля и плодovitа якъ свинья!» Желаю вамъ сто лѣтъ здравствовать и двадцать на четверенькахъ ползать!

При этой шуткѣ стараго циника Лариса совсѣмъ вспылала и хотя промолчала, но покраснѣла отъ досады до самыхъ ушей. Не удавалось ничто, и гости рано стали прощаться. Лариса никого не удерживала и не провожала далѣе залы. Подозеровъ одинъ благодарилъ гостей и жалъ имъ въ передней руки.

Съ Ларисой оставалась одна Синятинина, но и та ее черезъ минуту оставила.

Лара отвергнула услуги генеральши, желавшей быть при ея туалетѣ, и Александра Ивановна, принимая въ передней изъ рукъ Подозерова свою шаль, сказала ему:

— Ну, идите теперь къ вашей женѣ. Желаю вамъ съ нею безконечнаго счастья. Любите ее и... и... больше ничего, любите ее, по англійскимъ обѣтамъ брака, здоровую и больную, счастливую и несчастную, утѣшающую васъ или... да, однимъ словомъ, *любите* ее всегда, вѣчно, при всѣхъ случайностяхъ. Въ твердой рѣшимости любить такая великая сила. Затѣмъ еще разъ: будьте счастливы и прощайте!

Она крѣпко сжала его руку и твердою поступью вышла за дверь, ключъ которой поверотился за генеральшей одио-

временно съ ключомъ, щелкнувшимъ въ замкъ спальни Ларисы, искавшей въ тишинѣ и уединеніи исхода душившей ее досады на то, что она вышла замужъ, на то, что на свѣтѣ есть люди, которые поступаютъ такъ или иначе, зная, почему они такъ поступаютъ, на то, что она лишена такого вѣдѣнія и не знаетъ, гдѣ его найти, на то, наконецъ, что она не видитъ, на что бы ей разсердиться.

И благой рокъ помогъ ей въ этомъ: прекрасные глаза ея загорѣлись гнѣвомъ и ноздри расширились: она увидѣла прощаніе генеральши съ ея мужемъ и нашла въ этомъ непримиримую обиду.

Она залерлась въ спальнѣ и предоставила своему мужу полную свободу размышлять о своей выходкѣ наединѣ въ его кабинетѣ.

Что могло обѣщать такое начало и какъ его принялъ молодой мужъ красавицы Ларисы?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Майоръ и Катерина Астафьевна.

У Катерины Астафьевны, несмотря на ея чувствительные нервы, отъ природы было желѣзное здоровье, а жизнь еще крѣпче закалила ее. Происходя отъ бѣдныхъ родителей и никогда не бывъ красивою, хотя, впрочемъ, она была очень милοвидною, Катерина Астафьевна не находила себѣ жениха между губернскими франтами и до тридцати лѣтъ жила при своей сестрѣ, Висленевой, бѣгая по хозяйству, да купая и нянчая ея дѣтей. Изъ этой роли ее вывела Крымская война, когда Катерина Астафьевна, по неодолимымъ побужденіямъ своего кипучаго сердца, поступила въ общину сестеръ милосердія и отбыла всю тяжкую оборону Севастополя, служила выздоравливавшимъ и умиравшимъ его защитникамъ, великія заслуги которыхъ отечеству оцѣнены лишь нынѣ. Тамъ же, въ Крыму, Катерина Астафьевна выходила и вынянчила привезеннаго къ ней съ перевязочнаго пункта майора Форова и, ухаживая за нимъ, полюбила его какъ прямого, отважнаго и безкорыстѣйшаго человѣка. Полюбить извѣстныя достоинства въ человѣкѣ для Катерины Астафьевны значило полюбить самого этого человѣка; она не успѣла пережить самыхъ первыхъ восторговъ по поводу рассказовъ, которыми оживавшій Фо-

ровъ очароваль ее, какъ Отелло очароваль свою Дездемону, — какъ уже дѣло было сдѣлано: искренняя простолюдинка, Катерина Астафьевна всѣмъ существомъ своимъ привязалась къ дружившему съ солдатами и огрызавшемуся на старшихъ Филетеру Ивановичу. Майоръ отвѣчалъ ей тѣмъ же, и хотя они другъ съ другомъ ни о чемъ не условливались и въ любви другъ другу не объяснялись, но когда майоръ сталъ, къ концу кампаніи, на ноги, они съ Катериной Астафьевной очутились вмѣстѣ, сначала подъ обозною фурой, потомъ въ татарской мазанкѣ, потомъ на постояломъ дворѣ, а тамъ уже такъ и заочевали вдвоемъ по городамъ и городишкамъ, куда гоняла майора служба, до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, вылетѣлъ изъ этой службы по поводу той же Катерины Астафьевны. Дѣло это заключалось въ томъ, что невѣрующій майоръ Филетеръ Ивановичъ, соединясь неразлучнымъ союзомъ съ глубоко вѣрующею и убѣжденною, но крайне оригинальною Катериной Астафьевной, лѣтъ восемь кряду забывалъ перевѣнчиваться съ нею. Пока они кочевали съ полкомъ, имъ ничто и не напоминало объ этомъ упущеніи. Катерина Астафьевна, при ея вѣчномъ и неуклонномъ стремленіи вмѣшиваться во всякое чужое горе и помогать ему по своимъ силамъ и разумнію, къ своимъ собственнымъ дѣламъ обнаруживала полное равнодушіе, а майоръ еще превосходилъ ее въ этомъ. Катерина Астафьевна была любимицей всѣхъ, начиная съ полкового командира и кончая послѣднимъ фурштаномъ. Солдаты же того баталіона, которымъ командовалъ майоръ, просто боготворили ее: всѣ они знали Катерину Астафьевну, и Катерина Астафьевна тоже всѣхъ ихъ знала по именамъ и по достоинствамъ. Она была ихъ утѣшительницей, душеприказницей, казначеемъ, лѣкаремъ, духовною матерью: ей первой бѣжалъ солдатикъ открыть свое горе, заклѣчавшееся въ потерѣ штыка, или въ иной подобной бѣдѣ, значенія которой не понять тому, кто не носилъ ранца за плечами, — и Катерина Астафьевна не читала никакихъ моралей и наставленій, а прямо помогала какъ находила возможнымъ. Ей мастеровой солдатъ отдавалъ на сбереженіе свой тяжкимъ трудомъ собранный грошъ; ее звали къ себѣ умирающіе и изустно завѣщали ей, какъ распорядиться бывшими у нея на сохраненіи пятаю или шестью рублями, къ ней же приходили на духъ тѣ, кого «бѣсъ смущаль» сбѣжать или сдѣлать другую гадость,

давали ей слово воздержаться и просили прочитать за нихъ «тайный акахистъ», чему многіе смущаемые солдатики приписываютъ неодолимое значеніе. Катерина Астафьевна со всеѣмъ этимъ умѣла управлять въ совершенствѣ, и такая жизнь, и такіе труды не только нimalo не тяготили ее, но она даже почитала себя необыкновенно счастливою и, какъ въ пѣснѣ поется, «не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить».

Враговъ или такихъ недруговъ, которымъ бы она добра не желала, у нея не было. Если она замѣчала между товарищами майора людей не совсемъ хорошихъ, то старалась извинять ихъ воспитаніемъ и т. п., и все-таки не выдавала ихъ и не уклонялась отъ ихъ общества. Исключеніе составляли люди надменные и хитрые: этихъ Катерина Астафьевна, по прямотѣ своей натуры, ненавидѣла; но, во-первыхъ, такихъ людей, слава Богу, было немного въ армейскомъ полку, куда Форовъ попалъ по своему капризу, несмотря на полученное имъ высшее военное образованіе; во-вторыхъ, майоръ, весьма равнодушный къ себѣ самому и, повидному, никогда не заботившійся ни о какихъ выгодахъ и для Катерины Астафьевны, не стерпѣлъ бы ни малѣйшаго оскорбленія, ей сдѣланнаго, и наконецъ, въ-третьихъ, «майорша» и сама умѣла постоять за себя и дать сдачи заносчивому чванству. Поэтому ее никто не трогалъ, и она жила прекрасно.

Но при всемъ своемъ прямодушіи, незлобii и добротѣ, не находившей униженія ни въ какой услугѣ ближнему, Катерина Астафьевна была, однако, очень горда. Не любя жеманства и всякой сентиментальности, она не переносила невѣжества, нахальства, заносчивости и фанфаронства, и Боже сохрани, чтобы кто-нибудь попытался третировать ее ниже того, какъ она сама себя ставила: она *отдѣльвала* за такія вещи такъ, что человекъ этого потомъ во всю жизнь не позабывалъ.

Солдаты, со свойственною имъ отличною мѣткостью опредѣленій, говорили про Катерину Астафьевну, что она не живетъ по пословицѣ: «хоть горшкомъ меня зови, да не ставь только къ жару», а что она наблюдаетъ другую пословицу: «хоть полы мною мой, но не называй меня тряпкой».

Это было совершенно вѣрное и мастерское опредѣленіе характера Катерины Астафьевны, и въ силу этого-то са-

мага характера столь терпѣливая во всѣхъ нуждахъ и лишненіяхъ подруга майора не стерпѣла, когда при перемѣнѣ полкового командира, вновь вступившій въ командованіе полковникъ, изъ старыхъ товарищей Форова по военной академіи, не пригласилъ ее на полковой балъ, куда были позваны жены всѣхъ семейныхъ офицеровъ.

Катерина Астафьевна горячо приняла къ сердцу эту обиду и, не укоряя Форова, поставившаго ее въ такое положеніе, велѣла денщику стащить съ чердака свой старый чемоданъ и начала укладывать свои немудрые пожитки.

Хотѣла ли она разстаться съ майоромъ и куда-нибудь уѣхать?—это осталось ей тайной; но майоръ, увидѣвъ эти сборы, тотчасъ же надѣлъ мундиръ и отправился къ полковому командиру съ просьбой объ отставкѣ.

На вопросъ удивленнаго полковника: зачѣмъ Форовъ такъ неожиданно покидаетъ службу, Филетеръ Ивановичъ рѣзко отвѣчалъ, что онъ «съ подлецами служить не можетъ».

— Что это значитъ? — громко и сердито вскрикнулъ на него полковой командиръ.

— Ничего больше какъ то, что я не хочу служить съ тѣмъ, кто способенъ обижать женщину, и грошу васъ сдѣлать распоряженіе объ увольненіи меня въ отставку. А если вамъ угодно со мною стрѣляться, такъ я готовъ съ моимъ удовольствіемъ.

Полковой командиръ не захотѣлось затѣвать «исторіи» съ Филетеромъ Ивановичемъ на первыхъ порахъ своего командирства, и майоръ Форовъ благополучно вылетѣлъ въ отставку.

Съ Катериной Астафьевной у Форова не было никакихъ объясненій: они совершенно освоились съ манерой жить, ничего другъ другу не ставя на видъ и не внушая, но въ совершенствѣ понимая одинъ другого безъ всякихъ разговоровъ.

Вскорѣ за симъ Катерина Астафьевна сдала плачущимъ солдатамъ всѣ хранившіяся у нея на рукахъ ихъ собственныя деньги, а затѣмъ майоръ распростился съ своимъ баталіономъ, сѣлъ съ своею подругой въ рогажную кибитку и поѣхалъ.

За заставой ждалъ ихъ сюрпризъ: въ темной луговинѣ, у моста, стояла куча солдатъ, которые, при приближеніи майорской кибитки, сняли шанки и зарыдали.

Майоръ, натолкнувшись на эту засаду, задержался и застыл.

— Чего? чего, дурачье, высыпали? а? Пошли назадъ! Васъ вотъ палками за это взлупятъ!—закричалъ онъ, стараясь въ зычномъ окрикѣ скрыть дрожанье голоса, измѣпившаго ему отъ слезъ, поднимавшихся къ горлу.

Солдаты плакали; Катерина Астафьевна тоже плакала и, развязавъ за спиной майора кошелочку съ яблоками, печеными яйцами и пирогами, заготовленными на дорогу, стала бросать эту провизию солдатамъ, которые сію же минуту обсыпали кибитку, нахлынули къ ней и начали ловить и цѣловать ея руки.

— Фу, пусто вамъ будь! — воскликнулъ майоръ: — вы, каналы, такъ просто задавите!—И онъ, выскочивъ изъ кибитки, скомандовалъ къ кабаку, купилъ ведро водки, распилъ ее со старыми товарищами и наказалъ имъ служить вѣрой и правдой и слушаться начальства, далъ старшему изъ своего скуднаго кошелька десять рублей и сѣлъ въ повозку; но, садясь, онъ почувствовалъ въ ногахъ у себя что-то теплое и мягкое, живое и слегка визжащее.

— Стой! Чтѣ это такое тутъ возится? — запыталъ удивленный майоръ.

— Драдедамъ, ваше высокоблагородіе,—конфузливо отвѣчалъ ему шопотомъ ближе другихъ стоявшій къ нему солдатикъ.

Майоръ выразилъ изумленіе. «Драдедамъ» было не что иное, какъ превосходная легавая собака чистѣйшей, столь рѣдкой нынѣ маркловской породы. Собака эта, составлявшая предметъ всеобщей зависти, принадлежала полицеймейстеру города, изъ котораго уѣзжалъ майоръ. Эту собаку, имѣвшую кличку Трафаданъ и переименованную солдатами въ «Драдедама», полицеймейстеръ цѣнилъ и берегъ какъ зѣницу ока. Родовитаго пса этого сторожила вся полиція гораздо бдительнѣе, чѣмъ всю остальную собственность цѣлаго города, и вдругъ этотъ рѣдкій песь, этотъ Драдедамъ, со стиснутою ремнемъ мордой и завязанный въ рѣдинный мѣшокъ, является въ ногахъ, въ кибиткѣ отъѣзжающаго майора!

— Ребята! Что же вы это, съ ума, что ли, сошли, чтобы меня съ краденой собакой изъ полка выпроваживать? Кто васъ этому научилъ?—заговорилъ майоръ.

— Никто, ваше высокоблагородіе; мы по своему усердію васъ награждаемъ.

— Чудовый кобель, ваше высокоблагородіе! — подхватывали другіе.

— Берите, берите, ваше высокоблагородіе! мы вамъ жертвуемъ Драдедашку! — вскрикивали третьи. — Пошелъ, братецъ ямщикъ, пошелъ, пошелъ!

И солдатники загагайгали на лошадей и замахали руками.

— Стойте, дураки; развѣ благородно намъ воровскую собаку увезть?

— Эхъ, ваше высокоблагородіе! Отецъ вы нашъ, командирша-матушка: да что вамъ на это глядѣть? Да развѣ вы похожи на благородныхъ? Ну, ну! Эхъ вы, голубчики! Пошелъ, ямщикъ, пошелъ, пошелъ!

И по тройкѣ со всѣхъ сторонъ захлестали сломанные съ придорожныхъ ракъ прутья; лошади рванулись и понеслись, не чуя сдерживавшихъ ихъ вожжей.

А вслѣдъ еще долго слышались подгонные крики: «Ну, ну! Валяй, валяй, ребята! Прощайте, нашъ отецъ съ матерью!.. Прощай, Драдедашка!»

Подъ эти крики едва державшійся на облучкѣ ямщикъ и отчаявшійся въ своемъ благополучіи майоръ и Катерина Астафьевна и визжавшій въ мѣникѣ Драдедакъ во мгновеніе ока долетѣли на перенуганной тройкѣ до крыльца слѣдующей почтовой станціи, гдѣ привычные кони сразу стали.

Здѣсь майоръ хотѣлъ сейчасъ же высвободить изъ мѣника и отпустить назадъ полученную имъ «въ награду» краденую полицеймейстерскую собаку, какъ ямщикъ подступилъ къ нему съ совѣтомъ этого не дѣлать.

— Все единственно это, — заговорилъ онъ: — пусть ужъ она лучше пропадетъ, ваше высокоблагородіе, а только тутъ не выгаскивайте; смотритель увидитъ, все разберетъ, и кавалерамъ за это достанется.

— И то правда! — смекнулъ майоръ и добавилъ: — а ты же, каналья, развѣ не расскажешь?

— Да мнѣ что жъ казать? У меня у самого братья въ солдатахъ есть.

— Ну, такъ что жъ, что братья твои въ солдатахъ служатъ?

— А должны же мы хорошихъ начальниковъ почитать. Вишь, вонъ, что сказали, что вы, баять, на благороднаго не похожи.

Майоръ далъ ямщику полтину и покатишь далѣе съ Катериной Астафьевной и съ Драдедамомъ, котораго оба они стали съ той поры любить и холить, какъ за достоинство этой доброй и умной собаки, такъ и за то, что она была для нихъ воспоминаніемъ такого оригинальнаго и теплаго прощанія съ простосердечными друзьями.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О тѣхъ же самыхъ.

Прибывъ въ городъ, гдѣ у Катерины Астафьевны былъ извѣстный намъ маленькій домикъ съ наглухо забитыми воротами, изгнанный майоръ и его подруга водворились здѣсь вмѣстѣ съ Драдедамомъ. Пронель годъ, два и три, а они попрежнему жили все въ тѣхъ же неоформленныхъ отношеніяхъ, и очень возможно, что дожили бы въ нихъ и до смерти, если бы нѣкоторая невинная хитрость и нѣкоторая благоразумная глупость не поставила эту оригинальную чету въ законное соотношеніе.

Филетеръ Форовъ, выйдя въ отставку и водворясь среди родства Катерины Астафьевны, сначала былъ предметомъ нѣкотораго недоброжелательства и косыхъ взглядовъ со стороны Ларисиной матери; да и сама Лара, подрастая, стала смущаться по поводу отношеній тетки къ Форову; но Филетеръ Ивановичъ не обращалъ на это вниманія. Майоръ Филетеръ Ивановичъ не искалъ ни друзей, ни пріятелей; онъ повторялъ на все свое любимое «наплевать», лежебочествовалъ, слегка попивалъ, читалъ съ утра до поздней ночи и порой ругалъ всѣ силы, господствія, начальства и власти.

Но Катерину Астафьевну это сокрушало, и сокрушало въ одномъ отношеніи. Она боялась за *душу* Форова и всегда лелѣяла завѣтную мечту «привести его къ Богу».

Эта мысль въ первый разъ сверкнула въ ея головѣ, когда принесенный въ госпиталь раненый майоръ пришелъ въ себя и, поведя глазами, остановилъ ихъ на чепцѣ Катерины Астафьевны и зашевелилъ губами.

— Что вамъ: вѣрно желаете батюшку позвать?—участливо спросила она раненаго.

— Совсѣмъ нѣтъ; а я хочу выплюнуть, — отвѣчалъ Форовъ, отдѣляя опухшимъ языкомъ отъ поднебесья стуютокъ запекшейся крови.

— Вы не вѣруете въ Бога? — грустно спросила религіозная Катерина Астафьевна.

Майоръ качнулъ утвердительно головой.

— Ахъ, это ужасное несчастье!

И съ тѣхъ поръ она начала нѣжно за нимъ ухаживать и положила въ сердцѣ своемъ надежду «привести его къ Богу»; но это ей никогда не удавалось и не удалось до сихъ поръ.

Во все время службы майора въ полку она не безъ труда достигла только одного, чтобы майоръ не гасилъ на ночь лампы, которую она, на свои трудовыя деньги, теплила предъ образомъ, а днемъ не закуривалъ отъ этой лампы своихъ растрепанныхъ толстыхъ папирозъ; но удержать его отъ богохульныхъ выходокъ въ разговорахъ она не могла, и радовалась лишь тому, что онъ подобныхъ выходокъ не дозволялъ себѣ при солдатахъ, при которыхъ даже и крестился, и цѣловалъ крестъ. По удаленіи же въ свой городокъ, подруга майора, возобновивъ дружескія связи съ Снятинной, открыла ей свои заботы насчетъ обращенія Форова и была несказанно рада, замѣчая, что Филетеръ Ивановичъ, что называется, полюбилъ генеральшу.

— Нравится она тебѣ, моя Сашурочка-то?—говорила Катерина Астафьевна, заглядывая въ глаза майору.

— Прекрасная женщина,—отвѣчалъ Форовъ.

— А вѣдь чтò ее дѣлаетъ такую прекрасною жепщиной?

— Что? Я не знаю что: такъ, хорошая зародилась.

— Нѣтъ; она христіанка.

— Ну да, рассказывай! Будто нѣтъ богомольныхъ подлецовъ, точно такъ же, какъ и подлецовъ не молящихся?

И майоръ отходилъ отъ жены съ явнымъ нежеланіемъ продолжать подобные разговоры.

Затѣмъ онъ сошелся у той же Снятинной съ отцомъ Евангеломъ и заспорилъ-было на свои любимыя темы о несообразности вещественнаго поста, о словесной молитвѣ, о священствѣ, которое онъ называлъ «сословіемъ духовныхъ адвокатовъ»; но начитанный и либеральный Евангелъ шутилъ окопфузилъ майора и шутилъ уснокоилъ его словами, что «не

ядый о Господѣ не ѣсть, ибо лишаетъ себя для Бога, и ядый о Господѣ ѣсть, ибо вкушая хвалитъ Бога».

Форовъ сказалъ:

— Если такъ, то не о чемъ спорить. Впрочемъ, я въ этомъ и не знаюкъ.

— А въ чемъ же вы по этой части великій знаюкъ?

— Въ чемъ? Въ томъ, что ясно разумомъ постигаю моимъ.

— Напримѣръ-съ?

— Напримѣръ, я постигаю, что никакой всемогущій опекунъ въ дѣла здѣшняго міра не мѣшается.

— Такъ-съ. Это вы разумомъ постигли?

— Да, разумѣется, потому что иначе развѣ могли бы быть такія несправедливости, видя которыя у всякаго маломальски честнаго человѣка всѣ кишки въ брюхѣ отъ негодованія вертятся.

— А мы можемъ ли постигать, что справедливо и что несправедливо?

— Вотъ тебѣ на еще! Конечно, можемъ, потому что мы фактъ видимъ.

— А фактъ-то иногда совсѣмъ не то выражаетъ, что онъ значить.

— Темно.

— А вотъ я васъ сейчасъ въ этомъ просвѣщу, если угодно.

— Сдѣлайте милость.

— Извольте-съ. Положимъ, что есть на свѣтѣ мать, добрая, предобрая женщина, которая мухи не обидитъ. Допускаете вы, что можетъ быть на свѣтѣ такая женщина?

— Ну-съ; допускаю: вотъ моя Торочка такая.

— Ну-съ, прекрасно! Теперь допустимъ, что у Катерины Астафьевны есть дитя.

— Не могу этого допустить, потому что она уже не въ такихъ лѣтахъ, чтобы дѣтей имѣть.

— Ну, все равно: допустимъ это какъ предположеніе.

— Зачѣмъ же допускать нелѣпныя предположенія.

Евангелъ улыбнулся и сказалъ:

— Вы мелочной человѣкъ: васъ занимаетъ процессъ спора, а не искомое; но все равно-съ. Извольте, ну нѣтъ у нея ребенка, такъ у нея есть вотъ собака Драдедамъ, а этотъ Драдедамъ пользуется ся вниманіемъ, котораго онъ почему-нибудь заслуживаетъ.

— Допускаю.

— Теперь-съ, если бъ этотъ Драдедамъ былъ боленъ и ему нужно было дать мяса, а кушить его негдѣ.

— Ну-съ?

— Вотъ Катерина Астафьевна беретъ ножикъ и рѣжетъ голову курицѣ и варитъ изъ нея Драдедаму похлѣбку: справедливо это или нѣтъ?

— Справедливо, потому что Драдедамъ благороднѣйшее созданіе.

— Такъ-съ; а курица, которой отрѣзали голову, непременно думала, что съ нею поступали ужасно несправедливо.

— Что же вы этимъ доказали?

— То, что фактъ жестокости тутъ есть: курица убита,— это для нея жестоко и съ ея куриной точки зрѣнія несправедливо, а между тѣмъ вы сами, существо гораздо высшее и умнѣйшее курицы, нашли все это справедливымъ.

— Гмъ!

— Да такъ-съ. Есть будто фактъ жестокосердія, но и его нѣтъ.

— Ну, ужъ этого совѣмъ не понимаю и оно есть, и его нѣтъ.

— Да нѣтъ-съ ея, жестокости, нѣтъ, ибо Катерина Астафьевна остается столь же доброю послѣ накормленія курицей Драдедама, какъ была до сего случая и во время сего случая. Вотъ вамъ—есть фактъ жестокости и несправедливости, а онъ вовсе не значить того, чѣмъ кажется. Теперь возражайте!

— Я не хочу вамъ возражать,—отвѣчалъ, подумавъ, Форовъ.

— А почему, спрошу?

— Почему?.. потому что я въ этомъ не силенъ, а вы много надъ этимъ думали и имѣете начитанность и можете меня сбить, чего я отнюдь не желаю.

— Почему же вы не желаете придти къ какой-нибудь истинѣ и разубѣдиться въ заблужденіи?

— Такъ, не желаю, потому что не хочу забивать себѣ и безъ того темные памороки этою путаницей.

— Памороки не хотите забивать? Гмъ! Нѣтъ-съ, это не потому.

— А почему же?

Евангель снова улыбнулся и, сжавъ легоныко руку майора немножко пониже локтя, ласково проговорилъ:

— Вы потому не хотите объ этомъ говорить и думать какъ слѣдуетъ, что души вашей коснулось святое сомнѣніе въ справедливости рутины безвѣрія! И посмотрите зато сюда!

Съ этимъ отецъ Евангель, подвинувъ слегка майора къ себѣ, показалъ ему черезъ дверь другой комнаты, какъ Катерина Астафьевна, слышавшая весь ихъ разговоръ, вдругъ упала на колѣни и, протянувъ руки къ освященному лампадой образнику, плакала радостными и благодарными слезами.

— Эти слезы съ неба,—шепнулъ Евангель.

— Бабье, ото всего плачуть,—сухо отвѣчалъ, отворачиваясь, майоръ.

Но веселый Евангель вдругъ смутился и, взявъ майора за руку, тѣмъ же добродушнымъ тономъ проговорилъ:

— Бабье-съ? Вы сказали бабье?.. Это недостойно вашей образованности... Женщины—это прелесть! Онѣ наши муроносицы: безъ ихъ слезъ этотъ злой міръ заскорузъ бы-съ!

— Вы діалектикъ.

— Да-съ: я діалектикъ; а вы баба, ибо боитесь свободомысля и бѣжите чистаго чувства, женской слезой пробужденнаго. Что-съ? Ха-ха-ха... Да вы ничего, не робѣйте: это вѣдь проходитъ!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Еще о нихъ же.

На другой день послѣ этой бесѣды, происходившей за-долго предъ тѣми событіями, съ которыхъ мы начали свое повѣствованіе, майоръ Форовъ, часу въ десятомъ утра, пришелъ пѣшкомъ къ отцу Евангелу и сказалъ, что онъ ему очень понравился.

— Неужели?—отвѣчалъ веселый священникъ. — Что жъ, это прекрасно: это значить, мы честные люди, да!.. а жены у насъ съ вами еще лучше насъ самихъ. Я вамъ вотъ сейчасъ и покажу мою жену: она гораздо лучше меня. Паинька! Паинька! Паинька! — закричалъ отецъ Евангель, удерживая за руку майора и засматривая въ дверь сосѣдняго покоя.

— Чего тебѣ нужно, Паинька?—послышался оттуда звонкій, симпатическій, молодой голосъ.

— «Паинька», это она меня такъ зоветъ, — объяснилъ майору Евангель. — Мы привыкли другъ на друга все «ты паинька» да «ты паинька», да такъ ужъ свои имена со-всѣмъ и позабыли... Да иди же сюда, Паинька!—возвысилъ онъ нѣсколько нетерпѣливо свой голосъ.

Въ дверяхъ показалась небольшая и довольно худенькая, нѣсколько нестройно сложенная молодая женщина, съ очень добрыми большими коричневыми глазами и тоненькими колечками темныхъ волосъ на вискахъ.

Она была одѣта въ свѣтлое ситцевое платье и держала въ одной рукѣ полоскательную фарфоровую чашку съ обвареннымъ миндалемъ, который очищала другою, свободною рукой.

— Ну, что ты здѣсь, Паинька? Какой ты беспокойный, что отрываешь меня безъ толку?—заговорила она, ласково глядя на мужа и майора.

— Какъ безъ толку, когда гость пришелъ.

— Ну, такъ что же—гость пришелъ? Они къ намъ часто будутъ ходить.

— Превосходно сказано,—воскликнулъ Форовъ.—Буду-съ.

— Да; она у меня преумная, эта Пайка,—молвилъ, слегка обнимая жену, Евангель.

— Ну, вотъ ужъ и умная! Вы ему не вѣрьте: я въ лѣсу выросла, вереѣ молилась и цню поклонялася,—такъ откуда я умная буду?

— Нѣтъ; вы ей не вѣрьте: она преумная, — увѣрялъ, смѣясь и тряся майора за руку, Евангель. — Она вдругъ иногда, знаете, такое скажетъ, что только ротъ разинешь. А они, Паинька, въ Бога изволятъ не вѣрвать,—обратился онъ, указывая женѣ на майора.

— Ну, такъ что же такое: они послѣ повѣрятъ.

— Видите, какъ рассуждаетъ!

— Да что-жъ ты надо мной смѣешься? Разумѣется, что не всѣмъ въ одно время вѣрить. Вѣдь они добрые?

— Ну, такъ что же что добрый? А какъ онъ въ царствѣ небесномъ будетъ? Его не пустятъ.

— Нѣтъ, пустятъ.

— Позвольте вы съ ней спорить!—разсмѣялся Евангель.—

Я тебѣ, Пайка, говорю: его къ вѣрующимъ не пустятъ; тебѣ, попадѣ, нельзя этого не знать.

— Ну, его къ невѣрующимъ пустятъ.

— Видите, видите, какая бѣдовая моя Пайка! У-у-у-хъ, съ ядовитостью женщина! — продолжалъ онъ, тихонько съ нѣжностью и восторгомъ трогая жену за ея свѣжій раздвоившійся подбородокъ, и въ то же время, оборотясь къ майору, добавилъ: — Ужасно хитрая-съ! Ужасно! Одинъ я ее только постигаю, а вы о ней если сдѣлаете заключеніе по этому первому свиданію, такъ непременно ошибетесь.

— Да я ихъ совсѣмъ и не въ первый разъ вижу, — перебила его попадья, перемывая въ той же полоскательной чашкѣ свой миндаль. — И ихъ уже видѣла на Висленевскомъ дворѣ, и мы кланялись.

— Не помню-съ, — отвѣчалъ майоръ, съ любовію артиста разглядывая это прекрасное твореніе, какъ разъ подходящее, по его мнѣнію, къ типу наипочтеннѣйшихъ женщинъ на свѣтѣ.

— Какъ же не помните, — толковала попадья: — вы еще шли съ супругой... или кто она вамъ доводится, Катерина-то Астафьевна?.. Да! вы шли по двору, а мы съ генеральшей Александрой Ивановной сидѣли подъ окномъ, вишни чистили и вамъ кланялись.

— Не помню-съ.

— Какъ же-съ, а я помню: вы вотъ теперь въ штанахъ, а тогда были въ подштанахъ.

— Какъ въ подштанахъ-съ? — изумился майоръ.

— Такъ, въ этакихъ въ бѣлыхъ, со штрифами.

Майоръ засмѣялся, а отецъ Евангель, хохоча и ударяя себя ладонями по колѣнямъ, восклицалъ:

— Ахъ, Панишка! Панишка! проговорились вы, прелесть моя, проговорились!

Попадья слегка вспыхнула и хотѣла возражать мужу, но какъ тотъ махалъ на нее руками и кричалъ: «т-съ, т-съ, т-съ! молчи, Пайка, молчи, а то хуже скажешь», то она быстро выбѣжала вонъ и начала хлопотать о закускѣ.

— Какая чудесная женщина! — сказала, глядя вслѣдъ ей, майоръ.

— То-есть превосходнѣйшая-съ, а не только чудесная, — согласился съ нимъ Евангель. — Видите, всѣхъ хочетъ въ

царство небесное помѣстить: мы будемъ въ своемъ царствѣ небесномъ, а вы въ своемъ.

Евангелъ расхохотался.

— Вы давно женаты?—спросилъ майоръ.

— Семь лѣтъ женатъ, да-съ, семь лѣтъ, но въ томъ числѣ она три года была въ гусара влюблена, а однако еще я всякій день въ ней открываю новыя достоинства.

— Гмъ!.. а въ гусара-таки была влюблена?

— Ужасно-съ! Какихъ это ей, бѣдненькой, мукъ стѣло, если бы вы знали? Я ей студентомъ нравился, а въ ряскѣ разнравился, потому что онѣ очень танцы любили, да! А тутъ гусары пришли, ну, шнурочки, усики, глазки... Она, бѣдняжка, однимъ и плѣнилась... Изсохла вся, до горловой чахотки чуть не дошла, и все у меня на груди плакала. «Зачѣмъ, бывало, говорить, Панилька, я не могу тебя любить, какъ я его люблю?»

— Ну, а вы же что?

— Стыдно сказать, право.

— Однакоже?

— Да что-съ? сижу, бывало, глажу ее по головкѣ, да и реву вмѣстѣ съ нею. И даже, что-съ? — продолжалъ онъ, понизивъ голосъ и отводя майора къ окну: — Я уже разъ совсѣмъ порѣшилъ: уйди, говорю, коли со мной такъ жить тяжело, но она, услыхавъ отъ меня объ этомъ, разрыдалась и вдругъ улыбается: «Нѣтъ, говорить,—Панилька, я никуда не хочу: я послѣ этого теперь опять тебя больше люблю». Она влюбчива, да-съ. Это одинъ, одинъ ея порокъ: восторженна и въ восторгѣ сейчасъ влюбляется.

— Однакоже, чортъ возьми, позвольте мнѣ васъ уважать!—закричалъ зычно майоръ.

— Нѣтъ-съ; это ее надо за это уважать: скудельный сосудъ, а совладала съ собою, и все для меня!.. А вотъ и она, Панилька; а что же, дунка, водочки-то?—вопросилъ онъ входящую жену, увидѣвъ, что на подносѣ, который она несла, не было ни графина, ни рюмки.

— А кто же станетъ водку пить?

— А вотъ они, Филетеръ Ивановичъ.

— Вы пьете развѣ? — отнеслась понадея къ майору, и получивъ отъ него короткій, но утвердительный отвѣтъ, принесла графинъ и рюмку и, поставивъ ихъ на столъ, сказала:— Не хорошо кто пьетъ вино.

— Отчего-съ?—спросилъ, принимаясь за рюмку, майоръ.

— Такъ... мысли дурныя отъ вина приходятъ.

— Ну, мнѣ не приходятъ.

— Какъ не приходятъ; а вонъ вы почему же до сихъ поръ не женитесь?

Майоръ пересталъ закусывать и съ удивленіемъ смотрѣлъ на сидѣвшую у стола съ подпертымъ на руку подбородочкомъ попадью; но ту это нимало не смутило, и она спокойно продолжала:

— Что вы на меня такъ смотрите-то? Развѣ же это хорошо такъ женщину конфузить?

— Послушайте, моя милая!—ласково заговорилъ съ ней майоръ, но она его тотчасъ же перебила.

— Ничего, ничего, «моя милая»!—передразнила его попадья: — не знаю я, что-ль? А мнѣ вашей Катерины Астафьевны жалко,—вотъ вамъ и сказъ, и я насчетъ васъ своему Паинькѣ давно сказала, что вы недобрый и жестокий человѣкъ.

— Вотъ тебѣ и разъ! Да позвольте же-съ: я вѣдь Катерину Астафьевну все равно люблю-съ.

— Да-а! Нѣтъ, это не все равно: если вы такъ, не обвѣнчавшись, прежде ея умрете, она не будетъ за васъ пенсіона получать.

Попадья говорила все это съ самымъ серьезнымъ и сосредоточеннымъ видомъ и съ глубочайшею заботливостью о Катеринѣ Астафьевнѣ. Ес не развлекалъ ни веселый смѣхъ мужа, наблюдавшаго траги-комическое положеніе Форова, ни удивленіе самого майора, который былъ пораженъ простотой и оригинальностью приведеннаго ею довода въ пользу брака, и наконецъ, обтеревъ салфеткой усы и подойдя къ попадѣ, попросилъ у нея ручку.

— Зачѣмъ же это?—спросила она.

— Я женюсь и васъ матерью посаженою прощу.

— Непремѣнно?

— Всенепремѣнно и какъ можно скорѣе; а то, дѣйствительно, пенсіонъ можетъ пропасть.

— Ну, за это вы умникъ, и я не жалѣю, что мы познакомились,—отвѣчала ему весело попадья, съ радостью подавая свою руку.

— А я такъ буду сожалѣть объ этомъ, — отвѣчала, громко чмокнувъ ея ручонку, Форовъ. — Теперь мнѣ въ

первый раз завидно, что у другого человека будетъ жена лучше моей.

— О, не завидуйте, не завидуйте, ваша добрѣ.

— Почему же вы это знаете?

— Да, вѣдь, она васъ цѣлуетъ? Ужь навѣрно цѣлуетъ?

— Случается; рѣдко, но случается.

— Ну, вотъ видите! А ужъ я бы не поцѣловала.

— Это почему?

— Потому что отъ васъ водкой пахнетъ.

— Покорно васъ благодарю-сь, — отвѣчалъ, комически поклонясь и шаркнувъ ногой, майоръ, и затѣмъ еще разъ поцѣловалъ на прощанье руку у попадьи и откланялся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Свадьба Форовыхъ.

У калитки, до которой Евангель провожалъ Форова, майоръ на минутку остановился и сказалъ:

— Да какъ же-сь это... того...

— Вы насчетъ свадьбы?

— Да.

— Что-жь, приходите, я перевѣнчаю и денегъ за вѣнчекъ не возьму. Приходите вечеркомъ въ воскресенье чай пить: я на сихъ дняхъ огласку сдѣлаю, а въ воскресенье и перевѣнчаемся.

— А не очень это скоро?

— Нѣтъ; чѣмъ же скоро? чѣмъ скорѣе, тѣмъ оно вѣрнѣе, а то вѣдь Паинька правду говоритъ: знаете, вдругъ кракенъ, а женщина останется ни при чемъ.

— Хорошо-сь; я приду въ воскресенье вѣнчаться. А жена у васъ, чортъ возьми, все-таки удивительная!

— Да вѣдь я и говорилъ, что вы на нее будете удивляться и не поймете ее. Я все время за вами наблюдалъ, какъ вы съ нею говорили, и думалъ: «ахъ, какъ бы этотъ ей не понять!» Но нѣтъ, вижу, и вы не поняли.

— Почему же вы это такъ думаете? А можетъ быть я ее и понять?

— Нѣтъ; гдѣ вамъ ее понять! Ее одинъ я понимаю. Ну, говорите: кто такая она по-вашему, если вы ее поняли?

— Она?... она... положительная и самая реальная натура. Евангель, что называется, закисъ со смѣху.

— Чего же вы помираете?—вопросилъ майоръ.

— А того, что она совсѣмъ не положительная и не реальная натура. А она... позвольте-ка мнѣ взять васъ за ухо.

И Евангелъ, принагнувъ къ себѣ слегка голову майора, прошепталъ ему на ухо:

— Моя жена дурочка.

— То-есть вы думаете, что она не умна?

— Она совершенная дурочка.

— А чѣмъ же она разсуждаетъ?

— А вотъ этимъ вотъ!—воскликнулъ Евангелъ, тронувъ майора за ту часть груди, гдѣ сердце.—Какъ же вы этого не замѣтили, что она, гдѣ хочетъ быть умною дамою, сейчасъ глупость скажетъ, — какъ о вашихъ бѣлыхъ панталонахъ вышло; а гдѣ по естественному своему чувству говорить, такъ что твой министръ юстиціи. Вы ея, пожалуйста, не ослушайтесь, потому что я вамъ это по опыту говорю, что ужъ она какъ разсудить, такъ это непременно такъ надо сдѣлать.

Майоръ посмотрѣлъ на священника, и видя, что тотъ говорить съ нимъ совершенно серьезно, провель себя руками по груди и громко плюнулъ въ сторону.

— Ага! вотъ значитъ видите, что промахнулись! Ну, ничего, ничего: въ самомъ дѣлѣ не все сразу. Приходите-ка прежде вѣнчаться.

Майоръ еще разъ повторилъ обѣщаніе прійти, и дѣйствительно пришелъ въ назначенный вечеръ къ Евангелу вмѣстѣ съ Катериной Астафьевной, которой майоръ ничего не разсказалъ о своихъ намѣреніяхъ, и потому она была только удивлена, увидя, что невѣрующій Филетеръ Ивановичъ, при звонѣ къ вечернѣ, прошелъ вмѣстѣ съ Евангеломъ въ церковь и сталъ въ алтарь. Но когда окончилась вечерня и среди церкви поставили аналой, зажгли предъ нимъ свѣчи и вынесли вѣнцы, сердце бѣдной женщины сжалось отъ невѣдомаго страха, и она, оборотясь къ Евангеловой попадѣ и къ стоявшимъ съ нею Синтяниной и Ларисѣ, залепетала:

— Дружочки мои, а кто же здѣсь невѣста?

— Вѣрно ты,—отвѣчала ей Синтянина.

Катерина Астафьевна потерянно заципала свою верхнюю губу, что у нея было знакомъ высшаго волненія, и страшно испугалась, когда майоръ взялъ ее молча за руку

и повель къ аналою, у котораго уже стоялъ облаченный въ ризу Евангелъ и возглашалъ:

— Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно.

Во все время вѣнчальнаго обряда Катерина Астафьевна жарко молилась и плакала, обтирая слезы рукавомъ своего поношеннаго, куцаго коричневаго шерстяного платья, межъ тѣмъ какъ гривенниковая свѣча въ другой ея рукѣ выбивала дробь и поджигала скрещенную на ея груди темную шелковую косыночку.

Обрядъ былъ конченъ, и Евангелъ первый поздравилъ майора и Катерину Астафьевну мужемъ и женой.

Затѣмъ ихъ поздравили и остальные друзья, а потомъ всѣ пили у Евангела чай, ходили съ нимъ на его просо и наконецъ вернулись къ скромному ужину и тутъ только хватились: гдѣ же майорша?

Исчезновеніе ея удивило всѣхъ, и всѣ бросились отыскивать ее, кто куда вздумалъ. Искали ее и на кухнѣ, и въ сѣняхъ, и въ саду, и на рубежахъ на полѣ, и даже въ темной церкви, гдѣ, думалось нѣкоторымъ, не осталась ли она незамѣтно для всѣхъ помолиться и не заперъ ли ее тамъ сторожъ? Но всѣ эти поиски были тщетны, и гости, и хозяева впали въ немалую тревогу.

А Катерина Астафьевна межъ тѣмъ сидѣла въ небольшой темной пасѣкѣ отца Евангела и, прислонясь спиной и затылкомъ къ пчелиному улью, въ которомъ изрѣдка раздавалось тихое жужжаніе пчелъ, глядѣла неподвижнымъ взглядомъ въ усѣянное звѣздами небо.

Въ такомъ положеніи отыскалъ ее здѣсь майоръ и, назвавъ ее по имени, укорялъ за безпокойство, которое она надѣлала всѣмъ своею отлучкой.

Катерина Астафьевна, не перемѣняя положенія, только перевела на мужа глаза.

— Пойдемъ ужинать!—звалъ ее майоръ.

— Форовъ! — проговорила она тихо въ отвѣтъ ему: — скажи мнѣ правду: самъ ли ты это сдѣлалъ?

— Нѣтъ, не самъ.

— Я такъ и думала.

— Да; это попадья меня принудила.

— Не самъ... попадья принудила, — повторила за нимъ съ разстановкой жена, и съ этимъ вдругъ громко всхлинула, нагнула лицо въ колѣни и заплакала.

— Что же, тебѣ это обидно, что ли? — освѣдомился майоръ.

— Конечно, обидно... очень обидно, Форовъ! — отвѣчала, качая головой, майорша. — Ты самъ въ семь лѣтъ нашей жизни никогда, никогда про меня не вспомнилъ.

— Да я никогда и не позабывалъ про тебя, Тора.

— Нѣтъ, забывалъ; всегда забывалъ. Вѣрно я скверналъ женщина: не умѣла я заслужить у тебя вниманія.

— Полно тебѣ, Торочка! Какого же еще больше вниманія, когда ты теперь моя жена!

— Нѣтъ, это все не то: это не ты сдѣлалъ, а Богъ такъ черезъ добрыхъ людей учинилъ, чтобы сократить число грѣховъ моихъ, а ты самъ... до сихъ поръ башмаковъ мнѣ не купилъ.

— Что за вздоръ такой? Какіе тебѣ нужны башмаки? Развѣ не у тебя всѣ мои деньги? Я вѣдь въ нихъ отчета не спрашиваю: покупай на нихъ себѣ что хочешь.

— Нѣтъ, это все не то — «покупай», а ты долженъ помнить, когда у тебя въ Крыму въ госпиталѣ на ногѣ рожа была, я тебѣ изъ моего саквояжа большіе башмаки сшила.

— Ну, помню; что жъ далѣе?

— Ты сказалъ мнѣ тогда, что первый разъ какъ выйдешь, купишь мнѣ башмаки.

— Ну?

— Ну, и я вотъ семь лѣтъ этихъ башмаковъ прождала, когда ты ихъ принесешь, и ты ихъ мнѣ не принесешь.

— Э! полно, мать моя, глупости-то такія припоминать! Вставай-ка, да пойдемъ ужинать.

И майоръ взялъ жену за руку и потянулъ ее, но она не поднималась: она продолжала сѣтовать, что ей до сихъ поръ не куплены и не принесены тѣ башмаки, обѣщаніе которыхъ напоминало пожилой Катеринѣ Астафьевнѣ тоже не совсѣмъ молодое и уже давно минувшее время, предшествовавшее безповоротному шагу въ любви ея къ майору.

Филетеръ Ивановичъ, чтобъ утѣшить жену, поцѣловалъ ее въ ея полусѣдую голову и сказалъ:

— Куплю, Тора! честное слово, куплю и принесу!

— Нѣтъ, я знаю, что не принесешь; ты обо мнѣ не можешь думать, какъ другіе о женщинѣ думаютъ... Да, ты не можешь; у тебя не такая натура, и это мнѣ больно

за тебя... потому что ты объ этомъ будешь горько и горько тужить.

— Ну, такъ что жъ, развестись, что ли, хочешь, если я такой подлый?

— Какъ развестись?

— Какъ? Развѣ ты забыла, что вѣдь мы обвѣнчались?

Катерина Астафьевна въ послѣднія минуты своего меланхолическаго настроенія дѣйствительно позабыла объ этомъ, и при теперешнемъ шуточномъ напоминаніи мужа о разводѣ сердце ея внезапно вскипѣло, и она, обхвативъ обими руками лохматую голову Форова, воскликнула, глядя на небо:

— Боже мой! Боже мой! за что же Ты послалъ мнѣ, грѣшной, такъ много такого хорошаго счастья?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Языкъ сердца.

Майорша плакала и тужила совсѣмъ не о тѣхъ башмакахъ, о которыхъ она говорила: и башмаки, и бракъ, и все прочее было съ ея стороны только придиркой, предложомъ къ сѣтованію: душа же ея рвалась къ иному утѣшенію, о которомъ она до сегодняшняго вечера не думала и не заботилась. Зато эта беззаботность теперь показалась ей ужасною и страшною: она охватила все ея существо въ эти минуты ея уединенія и выражалась въ ней тѣми прихотливыми переходами и переливами разнообразныхъ чувствъ и ощущеній, какіе она проявляла въ своей бесѣдѣ съ мужемъ.

— Одного, — говорила она: — одного только теперь я бы желала, и радость моя была бы безмѣрна... — и на этомъ словѣ она остановилась.

— Чего же это?

— Нѣтъ, Форъ, ты этого не поймешь.

— Да попробуй, пожалуйста.

— Нѣтъ, мой Форъ, не зачѣмъ, не зачѣмъ: этого говорить нельзя, если ты самъ не чувствуешь.

— Рѣшительно не чувствую и не знаю, что надо чувствовать, — отвѣчалъ майоръ.

— Ну, и прекрасно: ничего не надо. Встань съ травы, росно, — и вонъ всѣ сюда идутъ.

Съ этимъ майорша приподнялась и пошла навстрѣчу шедшимъ къ ней Евангелу, его попадѣ, Синтяниной и Ларисѣ.

Въ походкѣ, которою майорша приближалась къ пришедшимъ, легко можно было замѣтить наплывъ новыхъ, овладѣвшихъ ею волненій. Она тронулась тихо и шагомъ несиѣшнымъ, но потомъ пошла шибче и наконецъ побѣжала и, схвативъ за руку попадю, остановилась, не зная, что дѣлать далѣе.

Попадья поняла ее своимъ сердцемъ и заговорила:

— Это не я, душка, не я!

— Ну, такъ ты!—кинулась майорша къ Синтяниной.

— И не я, Катя,—отвѣчала генеральша.

— Ангелы небесные!—воскликнула майорша и, прижавъ къ своимъ губамъ руки попадья и Синтяниной, впила въ нихъ нервнымъ, прерывистымъ и страстнымъ поцѣлуемъ, который, вѣроятно, длился бы до новаго истерическаго припадка, если бѣ отецъ Евангелъ не подсунулъ шпутья своей бороды къ лицамъ этихъ трехъ скученныхъ женщинъ.

Увидавъ предъ собою эту мягкую свѣтлорусую бороду и пару знакомыхъ веселыхъ голубыхъ глазъ, Катерина Астафьевна выпустила руки обѣихъ женщинъ и, кинувшись къ Евангелу, прошептала:

— Ахъ, батюшка... мнѣ такъ досадно: я хотѣла бы предъ этимъ... исповѣдаться... но...

— Но отпускаются тебѣ всѣ грѣхи твои, чадо,—отвѣчалъ добродушный Евангелъ, кладя ей на оба плеча свои руки, которыя Катерина Астафьевна схватила такъ же внезапно, какъ за минуту предъ симъ руки дамъ, и такъ же горячо ихъ поцѣловала.

Потомъ они съ Евангеломъ поцѣловали другъ друга и при этомъ перешепнулись: Форова сказала: «Батюшка, простится ли мнѣ?» а Евангелъ отвѣтилъ: «И не поманется-съ».

И съ этимъ онъ перехватилъ ея руку себѣ подъ руку, а подъ другую взялъ генеральшу и, скомандовавъ: «разъ, два и три!» пустился рѣзвымъ бѣгомъ къ дому, гдѣ на чистомъ столѣ готовъ былъ скромный, даже почти бѣдный ужинъ. Но было за этимъужиномъ шумно и весело и раздавались еще послѣ него оживленныя рѣчи, которыя не

всѣ переговорились подъ кровлей Евангела до поздней ночи, и опять возобновились въ саду, гдѣ гости и провожавшій ихъ хозяинъ остановились на минуту полюбоваться тихимъ покоемъ деревьевъ, травъ и цвѣтовъ, облитыхъ блѣдно-желтымъ свѣтомъ луны.

Тутъ, по знаку, данному Евангеломъ, всѣ въ молчаніи стали прислушиваться къ таинственнымъ звукамъ полуночи: то что-то хрустнетъ, то вздохнетъ, шепчетъ и таетъ, и таетъ долго и чуть слышимо уху...

— Люблю эти звуки,—тихо молвилъ Евангель:—и ухожу часто сюда послушать ихъ; а на поляхъ и у лѣсовъ, на опушкахъ, они еще чище. Гдѣ дальше человѣческая злоба, тамъ этотъ языкъ сейчасъ и звучнѣе.

Форову это дало случай возразить, что онъ этой сентиментальности не понимаетъ.

— А вотъ Гете понималъ, — замѣтилъ Евангель: — а Іоаннъ Дамаскинъ еще больше понималъ. Припомните-ка поэму Алексѣя Толстого; Іоаннъ говоритъ: «Неодолимый ихъ призывъ меня влечетъ къ себѣ все болѣ... о, отпусти меня, калифъ, дозвожь дышать и пѣть на волѣ». Вотъ что говорятъ эти звуки: они выманиваютъ насъ на волю пѣть изъ-подъ сарая.

— Наплевать на такую волю, чтобы пѣть да дышать только: мнѣ больше нравятся звуки Марсельезы въ рабочихъ улицахъ Парижа,—отвѣчалъ Форовъ.

— Парижъ! городъ! — воскликнулъ съ кроткимъ предостереженіемъ Евангель. — Нѣтъ, нѣтъ, не ими освятится вода, не они раскуютъ мечи на орала! Первый городъ на землѣ сгородилъ Каннъ; онъ первый и брата убилъ. За мѣтете, — создатель города есть и творецъ смерти: а Авель стадо пасъ, и кроткіе наслѣдятъ землю. Нѣтъ, сестры и братья, множитесь, населяйте землю и садите въ нее сѣмена, а не башенъ стройте, ибо съ башенъ смѣшенье идетъ.

— А въ саду дьяволъ убѣдилъ человѣка не слушаться Бога,—перебилъ майоръ.

— Да; это въ Эдемскомъ саду; но зато въ Геосимапскомъ саду случилось другое: тамъ Богъ самъ себя предалъ страданьямъ. Впрочемъ, вы стоите на той степени развитія, на которой говорится «нѣсть Богъ», и жертвы этой понять

лишены. Спросимъ лучше дамъ. Кто съ майоромъ и кто за меня?

— Всѣ съ вами, — откликнулись попадья, генеральша и майорша.

Лариса вертѣла въ рукѣ одуванчикъ и молчала.

— Ну, а вы, барышня? — отнесся къ ней Евангель.

— Не знаю, — отвѣчала она, покачавъ головой, и, обдувъ пушокъ стебелька, бросила его въ траву и сказала: — Не пора ли намъ въ городъ?

Это напоминанье было не особенно приятно для гостей, но всѣ стали прощаться съ сожалѣніемъ, что поздно, и что надо прощаться съ поэтическимъ попомъ.

Пылкая Катерина Астафьевна даже прямо сказала, что она съ радостью просидѣла бы тутъ до утра и всю жизнь прослушала бы Евангела, но попадья отвѣтила ей:

— А я его никогда не слушаю.

— Господи, какъ всѣ пары курьезно подгасовываются! — воскликнула, смѣясь и усаживаясь въ экипажъ, генеральша.

— Превосходно подгасовываются-сь, превосходно-сь, — отвѣчалъ ей Евангель. — Единомысліе недаромъ не даровано, да-сь! Тогда бы *стои* вся машина; тоска, скука и сонъ согласія, и заслуги миролюбія нѣтъ. Все кончено! Итъ-сь, а вы тяготы другъ друга носите, такъ и исполните законъ Христовъ.

— А какъ же «возлюбимъ другъ друга»? — замѣтилъ майоръ.

— А такъ: прежде «возлюбимъ другъ друга» и тогда «единомысліемъ исповѣмы», — отвѣчалъ ему Евангель, пожимая руку майора и подставляя ему свою русую бороду.

— Да я уже тебя и люблю, — отвѣчалъ, обнимая его, майоръ.

И они поцѣловались, и съ тѣхъ поръ, обмолвись на «ты», сдѣлались тѣми неразрывнѣйшими друзьями, какими мы ихъ видѣли въ продолженіе всей нашей исторіи.

Эта дружба противомышленниковъ, соединившихся въ единомысліи любви, была величайшею радостью Катерины Астафьевны, видѣвшей въ этомъ новую прекрасную черту въ характерѣ своего мужа и залогъ того, что онъ когда-нибудь измѣнитъ свои сужденія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Горшокъ сталкивается съ горшкомъ.

Супружеская жизнь Форовыхъ могла служить явнымъ опроверженіемъ пословицы, выписанной надъ этою главою: у нихъ никогда не было разлада; они не только никогда другъ съ другомъ не ссорились, но даже не умѣли и дуться другъ на друга.

«Стѣить ли это того, чтобы не ладить?»—говорила себѣ майорша при какихъ-нибудь несогласіяхъ съ мужемъ, и несогласія ихъ ладу не мѣшали.

«Наплевать!» думалъ себѣ майоръ, если не удавалось ему въ чемъ-нибудь убѣдить жену, и тоже не находилъ въ этомъ никакихъ поводовъ къ разладу.

Катерина Астафьевна помнила слова Евангела, что такъ даже и необходимо; да и въ самомъ дѣлѣ, не всѣ ли близкіе и милые ей люди несли тяготы другъ друга? Много начитанный, поэтический и глубоко проникавшій въ самую суть вещей, Евангель проводилъ свою жизнь съ доброю дурочкой и сдѣлалъ изъ нея Паиньку, отъ которой его, однако, потягивало въ поля, помечтать среди ночныхъ звуковъ; Форовъ смирился предъ лампадами Катерины Астафьевны и ѣлъ ради нея цѣлые посты огурцы и картофель, а она... она любила Форова больше всего на свѣтѣ, отнюдь не считая его лучшимъ человѣкомъ и даже скорбя объ его заблужденіяхъ и слабостяхъ. Синтянина... но эта уже несла тяготу, съ которой не могла сравниться тягота всѣхъ прочихъ; всѣ онѣ жили съ добрыми людьми, которыхъ, вдобавокъ къ тому, любили, а та отдала себя человѣку, который былъ мстителемъ, коваренъ, холоденъ...

Глядя на Евангела, Катерина Астафьевна благословляла жизнь въ ея благѣ; сливаясь душой съ душой Синтяниной, она благоговѣла предъ могуществомъ воли, торжествующимъ въ свитой силѣ терпѣнія, и чувствовала себя исполненной удивленія и радости о ихъ совершенствѣ, до котораго сама не мечтала достигнуть, не замѣчая, что иногда ихъ даже превосходить.

Жизнь ея была такъ полна, что она никуда не хотѣла заглядывать изъ этого мірка, гдѣ предъ нею стояли драгоценные сосуды ея вѣры, надежды и любви.

Но ей былъ нуженъ и еще одинъ сосудъ, сосудъ, въ ко-

торый бы лился фіаль ея горести: этотъ сосудъ была безсодержательная Лариса.

Мы видѣли, какъ майорша хлопотала то устроить, то разстроить племянницу свадьбу съ Подозеровымъ и какъ ни то, ни другое ей не удавалось и шло какъ разъ противъ ея желаній. Когда свадьба эта была уже рѣшена, Катерина Астафьевна подчинилась судьбѣ, и даже мало-помалу опять начала радоваться, что племянница устраивается и выходитъ замужъ за честнаго человѣка. Она даже рвалась помогать Ларисѣ въ ея свадебныхъ сборахъ и, смиряя свое кипучее сердце, переносила холодное устраненіе ея отъ этихъ хлопотъ; но того, что она увидѣла на свадебномъ пиру Ларисы, Катерина Астафьевна уже не могла перенести. Никѣмъ не замѣченная, она ушла домой ни съ кѣмъ не простясь; сняла, разорвавъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, свое новое шерстяное платье и, легши въ постель, послала кухарку за гофманскими каплями.

Такое поведеніе майорши удивило возвратившагося, черезъ часъ послѣ ея прихода, мужа.

— Ночью посылать женщину за пустыми каплями!.. какая глупость!—заговорилъ онъ, начиная разоблачаться.

Майорша какъ-будто этого только и ждала. Она вскочила и начала майору рапеею о томъ, что для него жена не значить ничего, и онъ, можетъ-быть, даже былъ бы радъ ея смерти.

— Нѣтъ; я только былъ бы радъ, если бы ты немножечко замолчала,—отвѣчала спокойно майоръ.

— Никогда я теперь не замолчу.

— Ну, и очень глупо: ты будешь мѣшать мнѣ спать.

— А ты можешь спать?

— Отчего же мнѣ не спать?

— Ты можешь... ты можешь спать?

— Да, конечно могу! А ты почему не можешь?

— Потому, что я не могу спать отъ мысли, какое несчастіе несходная пара.

— Ну, вотъ еще!.. Наллевать.

И майоръ поставилъ на стулъ свѣчу, взялъ книгу и повалился на диванчикъ.

Майорша дергалась, вздыхала, майоръ читалъ и потомъ вдругъ дунулъ на свѣчу, повернулся къ стѣнѣ и заснулъ, но не надолго.

Услышавъ, что мужъ спитъ, Катерина Астафьевна спала заплакала, и потомъ мало-по-малу разоплаась и зарыдала истерически.

— Что, что, что такое съ тобой?—спрашивалъ-спросонья майоръ.

Она все рыдала.

— Ну, на вотъ капли,—проговорилъ онъ, вставъ и подавая женѣ принесенный изъ аптеки флакончикъ.

Катерина Астафьевна нетерпѣливо отодвинула его руку.

— И изъ-за чего? Изъ-за чего?—ворчалъ онъ.—Люди женились, да что намъ до этого? Не хорошо они будутъ жить, опять-таки это не наше же дѣло. Но чтобъ изъ-за этого не спать ночи...

Но майорша вдругъ снова вскочила и, передразнивая мужа, заговорила:

— «Не спать ночи! Не спать ночи!» Эка невидаль какая, не спать ночь! Вамъ это ничто: подѣломъ вамъ, что вы не спите, а за что вы людямъ-то добрымъ дни и ночи испортили?

— Кто это мы?

— Всѣ вы, вотъ такіе говоруны!.. Это все ты, сѣдой нигилистъ, да братецъ ея Иоса фуйска-дурачокъ, да его приятели такъ Марочку просвѣтили.

— Попъ Евангелъ же вѣдь ей другое благовѣствовалъ. Отчего же ты съ него за нее не взыскиваешь?

— Попъ Евангелъ! Нечего вамъ про попа Евангела. Вамъ до него далеко; а тутъ ни попъ, ни архіерей ничего не подѣлаютъ, когда на одного попа стало семь жидовинъ. Что отецъ добрый въ душу посадить, то лихой гость за одинъ разъ выдернетъ.

— Ну, ты кончила?—вопросилъ, поворачиваясь въ своей постели, майоръ.

— Нѣтъ, не кончила. Вы десятки лѣтъ изъ двора въ дворъ ходите да вездѣ свое мерзкое сомнѣніе во всемъ разносите, а вамъ начнешь говорить,—такъ сейчасъ въ минуту и кончи! Вѣрно, правда глазъ колетъ.

— И спать хочу.

— А я тебѣ, сѣдой нигилистъ, говорю, что ты не долженъ спать, что ты долженъ стать на колѣни, да плакать, да молиться, да говорить: отпусти, Боже, безуміе мое и положи храненіе моимъ устамъ!

— Ну, ужъ этого не будетъ.

— Нѣтъ будетъ, будетъ, если ты не закрубѣлая тварь, которой не касается человѣческое горе, будетъ, когда ты увидишь, что у этой пары за жизнь поидеть, и вспомнишь, что во всемъ этомъ твой вкладъ есть. Да, твой, твой,— нечего головой мотать, потому что если бы не ты, она либо братцевымъ ходомъ пошла, и тогда намъ не было бы до нея дѣла; либо она была бы простая добрая мать и жена, и создала бы и себѣ, и людямъ счастье, а теперь она что такое?

— Чортъ ее знаетъ что?

— Именно чортъ ее знаетъ что: всякаго сметья по лопатѣ и отъ всѣхъ воротъ поворотъ; а отцы этому дѣлу вы. Да, да, нечего глаза-то на меня лунить; вы не сорванцы, не мерзавцы, а добрые болтуны, неряхи словесны! Вы хуже негодяевъ, вредяе, потому что тѣхъ какъ познаютъ, такъ въ три-шеи вышроводятъ, а васъ еще жалѣть будутъ.

— Кончила?

— Нѣтъ, да ты и не надѣйся, чтобъ я кончила.

— А, это другое дѣло!—сказалъ майоръ и, присѣвши на свой диванъ, началъ обуваться.

— Что это: ты хочешь уйти?—вопросила его майорша.

— Да, больше ничего не остается.

— И уходи, багюшка,—не испугаешь; а что сказано, то свято.

— Ты сумасшедшая баба.

— Нѣтъ, я не сумасшедшая, а я знаю о чемъ я сокрушаюсь. Я сокрушаюсь о томъ, что васъ много, что во всякомъ поганомъ городникѣ дома одного не осталось, куда бы такой короткобрюхий сверчокъ, въ родѣ тебя, съ рацеями не бѣгалъ, да не чирикалъ бы изъ-за печки съ малыми дѣтми!—напирала майорша на Филетера Ивановича, вставъ съ своего ложа.—Ну, куда ты собрался!—и майорша сама подавала мужу его фуражку, которую майоръ нетерпѣливо вырвалъ изъ ея рукъ и ушелъ, громко хлопнувъ дверью.

— А на дворѣ дождь,—сказала, возвратясь назадъ, кухарка, заширавшая за майоромъ калитку.

— Дождь? зимой дождь? Да, правда, весь день была оттепель и моросило.

Катерина Астафьевна присѣла и стала слушать, какъ

капли дождя тихо стучали по ставнямъ, точно гдѣ-то не-
вдалекѣ просо просѣвали.

Въ такомъ положеніи засталъ ее и возвратившійся че-
резъ часъ, весь измокшій, майоръ.

Онъ вошелъ нѣсколько запыхавшись и, снявъ съ себя
мокрое пальто и фуражку, прямо присѣлъ на край женной
постели и проговорилъ:

— Знаешь, Торочка, какія дѣла?

— Нѣтъ, Фоша, не знаю; но только говори скорѣй, Бога
ради, а то сердце не на мѣстѣ. Ты тамъ былъ?

— Да, почти...

— Сними, дружокъ, скорѣе сапоги, а то они, небось,
мокры.

— Нѣтъ, ты слушай, чтѣ было. Я вышелъ злой и хотѣлъ
пройти вокругъ квартала, какъ вдругъ мнѣ навстрѣчу
синтянинскій кучеръ: пожалуйста, говоритъ, къ генералу,—
очень просятъ.

— Ну! что у нихъ?

— Ничего.

— Да что ты врешь: какъ ничего?

— Нѣтъ, ты слушай. Я былъ у Синтянина, и выхожу,
а дождь какъ изъ ведра, и вѣтеръ, и темъ, и снѣгъ мокрый
вмѣстѣ съ дождемъ—словомъ халера, а не погода.

— Бѣдный!

— Нѣтъ, ты слушай: не я самый бѣдный. Выхожу я на
улицу, а впереди меня идетъ человекъ... мужчина...

— Ну, мужчина?

— Да; въ шинели, высокій... идетъ тихо и вдругъ подо-
шелъ къ углу и этакъ «фю-фю-фю», посвисталъ. Я смотрю,
что это такое?.. А онъ еще прошелъ, да на другомъ углу
опять: «фю-фю-фю», да и на третьемъ такъ же, и на чет-
вертомъ. Кой, думаю себѣ, чортъ: кто это такой и чего ему
нужно? да за нимъ.

— Ахъ, Форовъ, зачѣмъ ты это?

— А что?

— Онъ могъ тебя убить.

— Ну, вотъ же не убилъ, а только удивилъ и потѣшилъ.
Вижу я, что онъ вошелъ на висленевскій дворъ, и я за
нимъ, и халъ его за полу: что, молъ, вамъ здѣсь угодно?
А онъ... однимъ словомъ, узнаешь кто это былъ?

— Боюсь, что узнаю.

— И я боюсь, что ты узнала: это былъ Андрей Подозеровъ.

Катерина Астафьевна только рукой хлопнула по постели.

— Поняла?—спросилъ ее мужъ.

— Да, да, я все поняла, на своемъ пиру да безъ послѣдняго блюда.

— Я ему сказала, что если онъ не возьметъ ее отсюда и не уйдетъ съ нею въ такое мѣсто, гдѣ бы она была съ нимъ одна и гдѣ бы онъ могъ ее перевоспитать...

Но майорша на этомъ словѣ зажала мужу ротъ и сказала:

— Замолчи, сдѣлай свое одолженіе: я не могу этого слушать. Какое перевоспитаніе? Когда мужу перевоспитывать? Это вздоръ, вздоръ, вздоръ! Хорошо перевоспитывать женъ князьямъ да графамъ, а не бѣднымъ людямъ, которымъ надо хребтомъ хлѣба кусокъ доставать.

— Да и уѣхать-то еще на горе нельзя!

— И слава Богу.

— Нѣтъ; бѣда!

— Да говори, пожалуйста, сразу!

— Сиятянинъ получилъ изъ Питера важныя вѣсти. Очень важныя, очень важныя. Я всего не знаю, и того, что онъ мнѣ сообщилъ, сказать не могу, но вотъ тебѣ общее очертаніе дѣлъ: Сиятянинъ не простилъ своего увольненія.

— Я такъ и думала.

— Нѣтъ, не простилъ! Онъ какъ кротъ копался и, лежа долго на постели, прокопалъ удивительные ходы. Ты знаешь, кто ему ногу подставилъ, что онъ полетѣлъ? Это сдѣлалъ Гордановъ! Теперь понимаешь, какой гусь сей мерзавецъ Гордановъ? Но они ужъ очень заручились и зазнались: Бодростина изъ Парижа въ Петербургъ святою пріѣхала: Данила пророка вызываетъ къ себѣ, мужъ ея чуть въ Сибирь не угодилъ, и въ этой святой да въ Гордановѣ своихъ спасителей видитъ, а Гордановъ... Да онъ тоже слишкомъ уже полагается на свое, такъ сказать, сверхъестественное положеніе... Сиятянина не надуешь; онъ все пронюхалъ и онъ правъ: они не могли все это даромъ дѣлать, но любви къ искусству, нѣтъ; ихъ манить преступленіе, большое, страшное и выгодное...

— Да говори, Форочка, говори: вѣдь я не болтунья.

— Сиятининъ думаетъ... что они хотятъ извести Бодростина и...

— И что еще?

— И не своими руками, а...

— Шепни, дружокъ, шепни.

— Тутъ Юсафъ и Лариса должны быть на смѣтѣ.

— Юсафъ и Лариса!.. и Лара!

— Ну, такъ онъ говорить.

— О! онъ старый воробей: его не обманешь; но если Гордановъ то, что ты сказалъ, такъ они все совершатъ, и его не уловишь.

— Гордановъ то самое, что я сказалъ. Но ждать не долго. Бодростина, Бодростинъ, Гордановъ и дурачокъ Юсафъ всѣ завтра будутъ сюда, и мы посмотримъ, кто кого: мы ихъ, или они насъ?

— Да ты что же, Форовъ?.. Неужто ты съ Сиятининымъ вмѣстѣ?

— Фуй!.. Богъ меня оборони!—И майоръ перекрестился и добавилъ:— Пѣтъ, темеръ нѣтъ союзовъ, а всѣ на ножахъ!

Но Катерина Астафьевна не слыхала этихъ послѣднихъ словъ. Она только видѣла, что ея мужъ перекрестился и, погруженная въ свои мысли, не спала всю ночь, ожидая утра, когда можно будетъ идти въ церковь и потомъ на смертный бой съ Ларисой.

Оглавленіе

XXV ТОМА.

НА НОЖАХЪ.

Романъ въ 6 частяхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Кровь.

	СТР.
VII. Красиѣють стѣны	5
VIII. Не красиѣющіе	11
IX. Подъ крыломъ у темной ночи	18
X. Послѣ скобеля топоромъ	24
XI. Крестъ	33
XII. Лариса не узнаеть себя	37
XIII. Въ ожиданіи худшаго	39
XIV. Въ ожиданіи смерти	43
XV. Секретъ	47
XVI. Ходить сонъ и дрема говорить	60
XVII. Черный день	63
XVIII. Форовъ дѣлается Макаромъ, на котораго сыплются шипки.	66
XIX. Нѣсколько строкъ для объясненія дѣла	71

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Мертвый узель.

I. Тикъ и такъ	76
II. Гдѣ обрѣтается Форовъ	78
III. Каково поживаютъ другіе.	80
IV. Кошка и мышка	83
V. Nota bene на всякій случай	85

	стр.
VI. Итогъ для новой смѣты	87
VII. Черная немочь	90
VIII. Нѣмая исповѣдь	95
IX. Безъ покаянія	97
X. Съ толку сбѣла	99
XI. Брильянтъ и янтарь	104
XII. Указъ объ отставкѣ	107
XIII. Собака и ея тѣнь	110
XIV. Раненаго берутъ въ плѣнь	116
XV. Роза изъ сугроба	121
XVI. На курьерскихъ	127
XVII. Еще шибче	131
XVIII. Майоръ и Катерина Астафьевна	137
XIX. О тѣхъ же самыхъ	143
XX. Еще о нихъ же	147
XXI. Свадьба Форовыхъ	152
XXII. Языкъ сердца	156
XXIII. Горшокъ сталкивается съ горшкомъ	160

F

24.124/25-27